

Путь к спасению

Сальников Антон

Антон Сальников

Путь к спасению

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69570988

SelfPub; 2023

Аннотация

В книге говорится о страшной тайне, которая ценой многих невинных жизней, столько лет находилась под секретом. Главный герой случайно приоткрывает занавес этой древней тайны и тем самым ставит под угрозу свою жизнь.

Антон Сальников

Путь к спасению

Данная книга, всего лишь плод больного воображения автора. Любое совпадение с реальными событиями или именами ничто иное как роковая случайность, такая же которая однажды свела нас с тобой...

1

AMA DIO E NON FALLIRE. FA DEL BENE E LASSA DIRE. (Лат. «Люби Господа и не ошибайся, твори добро и говори свободно»). Я попытался взглянуть в глаза увековеченного философа, спрятанные под бронзовым капюшоном. Мне до жути хотелось обнаружить в его лице хоть тень сомнения, будто что-то в жизни он сделал неправильно, оступился, сожалел об ошибках, но Джордано Бруно был неумолим, так же, как и более 4-хсот лет назад на этом же самом месте. Знай, что его ждет в конце пути неужели он бы осмелился сделать первый шаг? Порой этот вопрос мучает меня самого...

– Если все вокруг неправы, это не значит, что ты ошибаешься, так ведь? – я погладил грань холодного постамента и ринулся к друзьям навстречу собственным ошибкам.

Андрей, так хорошо умеющий разговаривать на английском, французском и так непосредственно на итальянском ради розжига азарта спорил с продавцом мясных деликатесов о цене капоколло. Бедолага в неуместно большой кепке с эмблемой футбольного клуба «Рома» с такой силой сложил побелевшие от напряжения пальцы в знаменитый народный жест, что казалось, будто вот-вот потеряет сознание. Его усы как щетка для обуви то и дело дергались в нервном танце толстых губ, а челка из-под головного убора засалилась от интенсивных потных выделений. Такого ярого противника в виде туриста из России продавец еще не встречал. Именно поэтому спор давно перерос значение ценника и превратился в принципиальную битву упорства и гордости с одной стороны, смелости и безрассудной дерзости с другой.

Хорошо зная Андрея еще с малых лет, я сразу же приметил неприглядную для большинства ухмылку. Тогда-то и стало ясно, что мой друг только разогревался, готовясь зарядить убийственную смесь из своего словарного арсенала. Он не кричал как торговец, этот маньяк, тонко чувствующий психическое здоровье оппонента, с нахальной усмешкой понижал стоимость колбасы металлическим спокойным голосом, проникая вглубь души итальянца и прокручивая ее через мясорубку на виду у всего рынка. Думаю, что даже самые недоброжелательные конкуренты взмолились о пощаде. Уже я был готов прыгнуть под пули, лишь бы меньше было пострадавших.

Если апрельское солнце и не собиралось сжалиться над гуляющими по площади Кампо де Фиори, то Андрей был больше склонен к добродетели, за что я его и люблю. Ухмылку сменила учтивая улыбка, а тонувший в головном уборе продавец уже разжал пальцы и довольствовался исторической капитуляцией русского. Правда, тот факт, что уступки были сделаны по просьбе другого итальянца, Ачиля Санторо, торговец колбасами и сырами в своих хвастливых вечерних рассказах в кругу друзей умалчивал.

По вине все того же Санторо – знакомого Андрея по случайному их совместному прошлогоднему отдыху в Греции, мы и оказались в Италии. Он, как истинный патриот, обещал доказать, что это лучшая страна в мире. Вместе со своей красавицей женой – жгучей сицилийкой он взялся за каждодневные экскурсии, разработанные по собственному плану.

Вопреки разнице в возрасте с нами лет на 7-8 эта пара задала такой темп перехода от одной достопримечательности к другой, что мы с другом еле успевали глотнуть обжигающий воздух, закрыть рот в рамках приличия и вновь открыть его, искаженный удивлением, не в силах сдержать эмоции.

В моей первой заграничной поездке я намеривался не допустить никаких неточностей, нельзя было упустить ни одной малейшей детали, поэтому я старался запомнить все, что мне попадалось на глаза. В телефоне была скачена оффлайн карта, что облегчило ориентирование на местности. Даже название улиц мне казалось чем-то по-настоящему особенным,

на что стоило обратить внимание. Одно их звучание способно удовлетворить мою тягу к прекрасному, что уж говорить о визуальной стороне вечного города.

Следом за нашими местными друзьями мы с Андреем вышли на площадь Канчеллерия. По левую руку медленно мимо нас, как прогулочный катер, проплыл одноименный Палаццо с ограничивающими по бокам окна пилястрами. Трехэтажный анклав Ватикана, принадлежность которого печатью обозначена на углу здания, уже раскаленный утренним солнцем, издавал жар, казалось бы, рожденный где-то в другом, подземном мире, и словно второй Везувий прямо в сию минуту готов обрушить яростное пламя на несчастных. Далее, миновав элегантный дворец с древними скульптурами, мы нырнули на улицу ди Сан Панталео в узкий проход между домами, где от палящей звезды спряталась тень, но даже ее прохлада не предвещала радужной перспективы жизни. От высокой температуры здания расширились, и проход сейчас же захлопнется как мышеловка с любопытными туристами внутри.

Когда приезжаешь в Рим, то за короткий промежуток времени, а он не зависимо от величины всегда будет коротким, потому что на вечный город потребуется вечность, хочется осмотреть каждый закоулок, каждый фонтан, особенно тот, где профессор Лэнгдон спасает (или все же не спасает) 4-го кардинала. Согласившись с проводником, что мы еще обязательно увидим замурованных Бернини речных Богов, я по-

следовал по намеченному маршруту.

В быстром темпе мы должны были сменить несколько улиц: пл. Ди Паскуйно, ул. Джоверно Веккью и ул. Банчи Нуови. Правда, шанс пройти через кирпичное ущелье и упустить возможность взглянуть на Новую Церковь, меня категорически не устраивал, поэтому я воспользовался лазейкой делла Къеза Нуова и нырнул в проулок. Спасаясь от прямых смертоносных солнечных лучей под пышным деревом, я беглым взглядом осмотрел фасад пристанища ораторианцев, сравнил боковые порталы с центральным, улыбнулся «Мадонне Валличеллиана» на фоне тимпана в виде арки, нависшим над антаблементом с надписью в честь Анджело Чези, подмигнул Филиппу Нери и кинулся к странной посудине с многолетней историей.

Я спустился по четырем ступеням ближе к воде, возжелав почувствовать свежесть и легкость, но вместо этого я уперся в какую-то непонятную надпись и чуть было не пожалел о своем любопытстве из-за обжигающего пара от кипящей воды. Эта жара никого не пощадит, даже плавающие флаги Италии и Евросоюза на полукруглом балконе оратории уже стекали вниз по фасаду словно сливочное масло.

По улице имени первого короля Сардинии я уже шел ускоренным шагом, чтобы избежать чувства вины за ожидание в назначенной точке встречи. И все же горечь от недостатка внимания к пролетающим мимо меня колонам, пилястрам, кронштейнам и невероятно маленьким уютным балкон-

чикам оседала на дно разрывающегося от счастья сердца. С друзьями мы вновь воссоединились на треугольной площадке Тассони и двинулись уже вместе к мосту через Тибр, на гладе которого держались наплаву сапы и пару водных велосипедов. Если какие-то сомнения как тараканы, проникли в голову и пытались там обжиться, то вступив на мост Витторио Эмануэле II, я вытравил их всех до единого. Конечно же, никакой итальянец, тем более уроженец столицы, не провел бы иностранных гостей мимо обители духовного источника, чье влияние эхом отозвалось по всему городу. Мы шли к воротам в Ватикан.

Желание выругаться по поводу резкого роста туристов на квадратный метр пропало, как только я взглянул вверх по течению. Мне осталось только улыбнуться бронзовым символам единства и влиться в интересующую архитектурными изысками толпу фотоаппаратуры.

В предвкушении возможного исцеления моей бесноватой души, я даже не понял, как пробежал ул. Соглашения, не заметив по левой стороне музея великого гения эпохи Возрождения, а по правой – церкви на месте некогда существовавшей пирамиды (весьма странная преемственность почитания). Как потерявший разум я то и дело наступал на чужие кроссовки и сталкивался плечами, но остановиться и попросить прощения было выше моих сил. Я был околдован самой знаменитой базиликой, как только она попала в поле зрения. Минуя площадь Пия XI, я уткнулся в знамени-

тый обелиск на площади Святого Петра. Вопреки величию и значимости необычного символа, мой взгляд был прикован к другому объекту, служившему воспоминанием о некогда могучей церковной власти, решающей вопросы жизни и смерти на другом конце света.

Мне нравилось смотреть на одно из самых больших творений во имя Бога. Будучи очень далеким человеком от религиозных догм, я не мог не ликовать в душе, пусть и тайно, что увидел обитель противоречивых идей знаменитых творцов Ренессанса. Важность этому архитектурному шедевру, как по мне, придает не вклад в строительство христианства, а соприкосновение различных конфессий в области искусства. Донато Брамонте, Рафаэль Санти, Микеланджело Буонарроти, Джованни Бернини – для доведения меня до эстетического оргазма (да простят меня бедолаги, воздерживающиеся от этого понятия) хватило бы лишь одного имени, но когда их столько, и все они громогласны, то от такого высококачественного коктейля у меня вскружилась голова в яростном припадке рецепторов. Подумать только, ведь каждый из них старался создать нечто великое, что навсегда изменит историю зодчества, но каждый видел свой путь иначе, нежели все остальные: кто-то видел в основе идеала «греческий крест», а кто-то отдавал предпочтение распятию; форма купола была пересмотрена неоднократно, и даже после окончания строительства находилось полно желающих внести коррективы. Столько споров на грани краеугольного

камня, который как могильная плита накрывает целый подземный город покоившихся душ.

Я вырвался из клещей в форме колоннады и остановился возле постамента статуи – тезки величественного собора. Я задыхался от переполняющих меня чувств первого дня большого путешествия, а мои друзья – от попытки держаться со мной в одном темпе. По-хорошему мне бы стоило придержать пыл и, вдыхая заряженный чистым гением воздух, остановиться, чтобы запомнить каждый момент нахождения вблизи величия человеческой мысли, но страсть, порожденная еще большим стремлением к вечности, вела меня вовнутрь.

Неслыханной щедростью со стороны удачи являлись бы открытые Святые ворота перед моим посещением главной базилики мира, но к несчастью, они залиты бетоном. Мне просто-напросто хотелось почувствовать этот легкий трепет, который исходит от ярких фанатиков, считавших паломнический долг выше норм благоразумной мысли. Для посетителей был открыт портал Филарета, куда я и нырнул, как только краем глаза заметил апостолов и Христа с Мадонной на троне.

Чуть было не забыв о рамках приличия и уважения к чувствам верующих, я бросился к истоку славы Микеланджело. Его творение настолько больше человека, что живет вот уже не одно столетие. Вечно скорбящая Мария с безжизненным телом сына на руках даже сейчас спустя почти пол тысячи

лет все еще не может поверить в столь близкую и холодную как сам мрамор смерть. Только гений способен захватить момент и увековечить его, изогнуть камень по своему желанию и привить ему неприсущее чувство скорби. Расположенная в первой капелле правого нефа Пьета Буонарроти еще задолго до этого поселилась в моих самых непристойных страстях. Я желал прикоснуться к чему-то по-настоящему великому, созданному рукой одного человека, а сейчас за несколько метров от бронированного стекла меня посетила благодать и понимание, что большего нежели лицезреть застывшей во времени немой печали мне вовсе не суждено. Большого я бы не перенес.

Даже неспособный принять Бога человек чувствует себя в особенном месте, где возрождалось искусство. Каждый уголок был усыпан множеством рукотворных изображений, насыщенных смыслом и скрытых позывов. Моему восхищению не было разумного предела, как и не было предела количеству обезумевших бедолаг, рисующих на себе крест в надежде о спасении и помощи.

Как непристойная девица, потерявшая ориентацию в рамках приличия, я бегал от правого нефа к левому и обратно. Андрей и Ачиль Санторо основали безуспешный отряд карабинеров по поимке беглого оголтелого идиота. Меня останавливали шедевры великих мастеров прошлого и то лишь на некоторое время, пока не исчезало наитие влюбленности. Пусть интерьер и покоится без изменений веками, за свою

недолгую жизнь я разучился доверять времени. Мне казалось, что еще один миг, и все вокруг потеряет облик. Статуи с памятника папе Иннокентию XII слезут с гробницы и поменяются местами с коллегами, охраняющими покой Александра VII. Вдруг апостол Петр из бронзы спрячет ноги под одеяние, и больше ничье желание не сбудется. Лишь темный и таинственный Балдахин восстал перед носом и был незыблемым вопреки любым невзгодам. Бронзовый гигант на Соломоновых колоннах, созданный рукой Бернини, укрывал своими лапами главный алтарь над могилой первого епископа. Даже величие, одурманивающее и одаряющее трепетом не смогло сдержать мерзкой мысли, проникающей в голову через нос и уши, как вязкое жидкое болотистой жижи. Только чувствуя холод от пола и стен осознаешь, что это самый настоящий склеп. Огромные арки словно для исполинов нависали не только над посетителями, но и над погребенными под полом с диском из красного египетского порфира.

Грот, расположенный где-то под ногами, не давал спокойно вздохнуть. Мне не хватало воздуха. Его как будто похитили мертвецы. Кто же мог придумать объединить крышу для покойников и пол для живых? Неужели между нами и правда такая тонкая грань? Некрополь подо мной не только пугал своей близостью, но и количеством костей в фундаменте храма божьего. Беспрекословное повиновение обязательно должно опираться на кости, желательно, невинных людей. Возможно, я и вправду мешаю всем вокруг, и снизу в том

числе, своей беготней? С другой стороны, я бы вряд ли что-то изменил, узнай я ответ наверняка. Менять свои привычки стоит только ради тех, кто этого заслуживает, хотя обычно это те люди, кто с ними готов смириться. Трудно заслужить сострадание, когда на твоих плечах – святая инквизиция, крестовые походы и слепая ко всем мольбам страдающих борьба за власть.

Я заглянул под купол, такой массивный и светлый, наполненный яркими солнечными лучами, он служил пристанищем для восседавшего так высоко Бога. На долю секунды меня пробрало на несколько едких смешков от того, что Господу, чтобы столько лет восседать выше всех в Вечном городе, понадобилась помощь диктатора, стоявшего в главе одного из самых жестоких режимов XX века.

Мозаика Джованни де Веки чудом не плавилась от солнечных лучей, которые в течении дня делали полный оборот и лишь прятались на ночь, после чего око на вершине более 100 метров вновь приступало к ежедневному обходу. К сожалению, к застывшему Иону Крестителю и к «Giro della prima ringhiera esterna» (прогулка по первым внешним перилам) мы не добрались по причине затора у первой ступени. Никто из нас не желал запекаться в раскаленном воздухе тем более вблизи плотной очереди туристов.

Как и в любом священном месте пусть даже до отказа напичканному работами выдающихся персон мне становится неуютно. Скорее всего, это чувство возникает из-за вины пе-

ред истинно верующими, что в их духовном доме я лишь случайный прохожий, зашедший утолить интерес в высшем проявлении человеческой любви – в искусстве.

Глоток свежего воздуха сразу восстановил нормальное самочувствие и запас сил, который я собирался бросить на знаменитые Ватиканские сады. Как минимум я собирался оглядеть место стыка двух враждующих догм мироздания: религии и науки. Правда, мой порыв был любезно подавлен легким дружеским касанием плеча.

– Ты так толком ничего не увидишь, если будешь и дальше продолжать бегать, – Ачиль очень широко улыбался, от чего я почувствовал поток тепла по внутренней стороне души. У меня как будто есть друзья, и это будет длиться вечно.

Я попытался объяснить, что переполняющие меня чувства исключают любой контроль над поведением, к тому же в первой заграничной поездке высокие требования к туристу не стоит предъявлять, но тут же осекся, сообразив в чем на самом деле обвиняют меня. Ачиль Санторо, уроженец Рима, считал за честь встретить двух иностранцев и лично провести экскурсию, а тут один из них, который явно не в себе, носится как угорелый, пропуская все выученные исторические факты мимо ушей. Будь я в другом месте и в другой компании, я бы непременно сбросил всю вину на беса, захватившего мою душу, но боюсь, что черный юмор весьма некстати в месте, где за подобное люди порой лишались жизни. Мне не стоит забывать, что я имею дело с итальянцем, а они в опре-

деленной степени все религиозны. Проявлять свою находчивость в ущерб теплым отношениям было бы глупо. Все-таки иногда я поступаю разумно.

Уголки грустной улыбки на загоревшем лице моего нового итальянского друга приподнялись в ответ на мои бормотания в качестве извинений и обещаний слушать все его реплики по поводу строений и скульптур. Бедный Ачиль, знал бы он, что через последнюю минуту счастливой жизни мое непослушание покажется ему божьим даром. Уже как около получаса хорошо зарекомендовавшая себя няня искала семью Санторо, которая отключила все телефоны, как только перешла за порог дома божьего имени первого понтифика. Сначала она встретила несчастную мать, и теперь две молодые девушки с испуганными глазами искали главу семейства. Выскочив из Собора Святого Петра на возмущение всем остальным посетителям, Карлота и без видимой причины страстная и горячая, накинулась на мужа с неподдельным ужасом. Попытку пошутить, что она недовольна из-за того, что ее оставили один на один с Андреем, смылась потоком слез из ее глаз. Резкие эмоциональные крики на непонятном языке только сильнее внедряли страх в мое сердце. Буквально за миг Карлота Санторо постарела на лет 5, что было сильнейшим ударом по ее, казалось бы, ранее идеальной внешности.

Молодая семья ринулась в глубь Рима, а я машинально ухватился за последний вагон. Андрей, задыхаясь то ли от

жары, то ли от бега, на ходу объяснил все то, что знал сам. Миловидный ангел по имени Саманта, с которым я мельком познакомился утром, настолько любил музыку, что даже во время каникул не пошел на пропуск занятий по фортепиано, но это только лишь пол беды. Настоящая катастрофа заключалась в том, что девочку не дождалась няня. Я потребовал объяснить самому себе столь строгое отношение к пунктуальности, ведь летом 16-летний подросток имеет полное право опоздать на целых пол часа, но, видимо, только не здесь и не сейчас. Родителей напугала не беспечность ребенка, а печально известные прецеденты, о которых мне еще предстоит узнать.

Мы бежали изо всех сил, пока обезумевшая семья Санторо не разделилась: Ачиль ринулся в полицейский участок, а Карлота с няней к преподавателю по фортепиано. Я и Андрей почему-то решили единогласным решением, что толку от нас будет больше в отделении правоохранительных органов, нежели в ходе допроса музыканта, к тому же и так рассказавшего все по телефону няне. Саманта ушла от него вовремя, и направилась она домой в приподнятом духе. К тому же на радость вспотевшим иностранцам отделение было намного ближе музыкальной школы. Нам оставалось только пересечь площадь, принизанную в самом центре артефактом из совершенно другого мира с такой точностью предвещающим о зимнем и летнем солнцестоянии, где поклонялись совсем другим Богам.

На мгновение я представил недовольное, лоснящееся от переедания лицо российского полицейского, которому сумасшедший отец пытается объяснить, что опоздание его дочери на 30 минут – это повод поднять весь отдел на уши и немедленно начать поиски, вот бы он посмеялся от всей широкой доброй души. Моему удивлению сложно было найти предела. Внимательно выслушав, служитель закона позвал компетентного в подобных делах коллегу, что уже своего рода необычно для привыкшего к совсем иному менталитету.

К нам подошел мужчина средних лет с редкой проседью седых полосок среди густых черных волос с зачесом на левую сторону. Он бегло принялся опрашивать расклеенного отца, задавая каждый вопрос дважды, поскольку Ачиль все никак не мог сосредоточиться, а мы с Андреем едва ли могли уловить конкретику вопроса, чтобы подсказать. Опустевший взгляд дрожащего сердца уперся на значок на пиджаке следователя и отказывался с него слезать. То был круглый металлический предмет со странным несимметричным перекрестием с меньшими долями ближе к верху и с розой у основания. Мужчина с толстым серым блокнотом и со значком на пиджаке, заметив пристальное внимание пострадавшего, ухмыльнулся, обратился ко мне, сообразив, что я не понимаю по-итальянски еще шире развел неприятный оскал и что-то рявкнул своим товарищам. Все их внимание вернулось к ежедневной рутине, которой они занимались до нашего прихода, и которой будут заниматься после десятка и ста

таких же перепуганных туристов. Как будто ничего и не было. Странный детектив слегка подтолкнул добитого столькими потрясениями Санторо к выходу, а мы с Андреем, простояв десятки секунд в оцепенении бросились вдогонку. Как быстро меняются приоритеты в этой стране.

Выскочив из участка, мы чуть ли не сбили итальянского друга со ступенек. Ачиль повернулся к нам, но глаза он прятал где-то под завалом безысходности и исходящей из недр души грусти. Он попросил нас вернуться в номера гостиницы и ожидать звонка, если мы понадобится, но это лишь голосом, глаза же умоляли о помощи, и я всей душой желал откликнуться, чего я не ощущал со стороны старого доброго друга. Мне показалось странным, что надежда иссякла, когда нам встретился детектив, причем занимающийся как раз подобными делами. Это было странно лишь для иностранцев, любой местный все прекрасно бы понял без слов, стоило ему только обратить внимание на кричащий лацкан пиджака. Я все еще не слышал крика.

В молчаливой задумчивости мы с Андреем разошлись по уютным комнатам, но даже здесь я не мог найти себе место. Буря эмоций колотила внутреннее состояние и не давала покоя. Из Сахары на вершину Эвереста и сразу же на дно Марианской впадины. Меня распирали ужас от масштаба несчастья, помешавшего юной Саманте добраться до дома. И в следующую секунду по щелчку мною овладел истерический смех. Он сотрясал тело и потихоньку добирался до ду-

ши. Было смешно от способности итальянцев раздуть из мухи слона. И в самом деле! Я вдруг резко осознал, что 16-тилетняя девочка могла вполне себе позволить летом по дороге домой увлечься какой-либо игрой со школьной подружкой. Соленный пот заливал мои глаза, а горечь глупости душу. Что-то нереальное творилось вокруг, но оно происходило с такой скоростью, что я едва ли мог что-либо сообразить. Эффект неожиданности, напор несурзаицы и полное отстранение от понимания.

С укором я расстреливал взглядом телефон. Этот наглец оставался немым. Пару раз даже приходилось поднимать трубку, прислушиваться к гудкам и приятному голосу миловидной девушки с ресепшена, только чтобы удостовериться в исправности аппарата. В тот бесконечный вечер от полной потери разума меня уберегла вера, что я могу помочь, что я кому-то нужен, пусть даже основа ее более чем шаткая. Вера в то, что я имею цель и вовсе не бесполезен, стала для меня религией, стала спасением. Никогда раньше такого душевного подъема я еще не ощущал. На руинах чужого несчастья я принялся за строительство храма во имя жизненной цели, которой еще никогда у меня не было. Тот невидимый архитектор, что завладел моим разумом, управлял мной из-за кулисы, разделяющей ложь и реальность, а я как неспособный за нее заглянуть уверял сам себя в самостоятельности собственных решений.

Мои непослушные ноги вытащили меня на улицу, когда

ей завладел вечерний мрак. Нагретые дома еще отдавали накопленный за целый день жар, а густой воздух словно бесформенная тягучая масса с трудом заползал в легкие через сухое горло. Я знал путь к дому Санторо: нужно было подняться вверх по улице, на перекрестке свернуть налево, обойти музей Рима и выйти на желанную площадь Навона, украшенной тремя фонтанами. Мое путешествие от обелиска к обелиску уже никого не удивит, а ведь когда-то воздвижение языческих символов в сердце монотеистического центра наталкивало на десятки неприятных вопросов. Кому же все-таки стоило поклоняться?

Италия – это та страна, которая постоянно держит в тонусе. *Bel paese* («прекрасная страна») так и норовила меня свести с ума количеством шоковых ситуаций, которыми были насыщены первые сутки туриста. В тот теплый приятный вечер я и подумать не мог, что это только лишь начало пути, в конце которого не всегда горит свет. В этот раз его даже некому будет зажигать... Но сейчас пока еще его лучи распирали окно 4-го этажа с распахнутыми ребристыми ставнями бежевого домика, опиравшегося на магазины и уютные маленькие ресторанчики, где исключительно тихо и наигранно лениво собирались по вечерам жители района и случайные гости ради бокала вина из сорта Гарганега или Ламбруско.

Признаться, я ожидал, что у дома пострадавших стоит не менее 10-ти машин с мигалками и не менее 3-х детективов

с подтяжками, в гангстерских шляпах и с вечной сигаретой в зубах, наперебой опрашивающих растерянных родителей. Что только не делает со стереотипным мышлением глупые нереалистичные фильмы. Пустоту на улице заполняло великое творение Бернини, манящее столь сильно, что мне едва хватило мужества выиграть борьбу. Для местных жителей пересечение Нила, Дуная, Ганга и Ла-Платы играет роль ориентира для встречи, но для приезжих, особенно таких диких и жадных до остатков величия мастеров прошлого как я, это был ориентир по целой Вселенной, образ чего-то по-настоящему стоящего, такого как жизнь. Мне кажется, что, разгадав сакральный смысл в изгибе мрамора, можно прочесть историю мира, и более того продолжить ее своей рукой.

Санторо обещали, что я смогу насладиться фонтаном, когда он нас пригласит на ужин, опробовать Поркетта, настоящую Болоньезе и Панна-котта. И вопреки всему я здесь, но совершенно по другой причине.

– Значит все-таки нашлась... Ачиль, опьяненный счастьем забыл оповестить. Скорее всего он звонит в гостиницу прямо сейчас, а я идиот не сказал даже Андрею, куда направляюсь. Да и знал ли я сам? – самоуспокоение дало свои плоды, от чего стало гораздо легче работать легким. Воздух все еще был густым и теплым, но жизнь уже налаживалась.

Я еще раз глубоко вздохнул, выдохнул и направился в обратный путь. Я не желал, чтобы ночь прекращалась, она была еще слишком привлекательной для неожиданных интриг.

К слову, я только начинал жить.

Настроение резким рывком рвануло вверх, от чего возникло желание погулять по ночному Риму. Задумчивость на тему бытия, по-особенному интересная почему-то после заката, затуманила разум и глаза. И вот я уже чудом оказался на оживленном перекрестке. Поток машин инсценировал жалкое подобие пробки на очередном светофоре. Буквально один миг, и опять темные переулки, безлюдность, тайны и призраки. Тесный проход между домами, подобный которому в любом другом городе остался бы без названия, итальянцы гордо величают улицей имени выдающегося соотечественника. Сложность самостоятельного изучения улиц в Риме заключается в нарастающем интересе к каждой фамилии на табличках на зданиях. Фильтровать неконтролируемую тягу к истории в этом городе не удастся.

Наконец, я признал факт, что не имею ни малейшего понятия, где я и как выбраться, но в эпоху гаджетов, это не было чем-то страшным. В самом темном и тесном месте во всем городе я достал телефон, чтобы открыть онлайн-карту, но он почему-то неистово тормозил, вызывая у меня психические припадки и ругань про себя. Как только экран смартфона порадовал меня загрузкой нужной локации, как со спины меня кто-то толкнул. Страх шептал вопросы в гудящее ухо после удара об стену, ответы на которые лежали за границей ясной картины сценария. Я попытался встать, облокотившись об стену, и взглянуть на того, кто всей силой оказывает далеко

не самый любезный прием гостю. Но с моими пожеланиями никто не собирался считаться. Камнем вниз я свалился на колени после удара кожаной перчатки прямым в голову. Эта же самая коварная рука хлестким движением подвинула челюсть в сторону. На секунду я пожалел нападавшего за его жалкую попытку схватиться за мои короткие волосы, но надолго она не задержалась. Жалость тут же перебралась на меня самого, когда у горла почувствовался холод, исходивший от лезвия складного ножа.

– Parla, bastardo! – два постоянно повторяющихся слова, которые я смог запомнить среди других ругательств и требований, – Parla, bastardo («говори ублюдок»).

Сдавленным голосом я стараюсь объяснить бугаю, что его речь не воспроизвожу, но уже лезу в карман джинсов за бумажником. Нападавший с хирургической методичностью приблизил холодное острое лезвие к вопросу жизни и смерти, решаемый в области горла. Мое безрассудное поведение вызвало у него гнев, видимо этот здоровяк подумал, что он не единственный с холодным оружием. Я стиснул челюсть и просто ждал. Людям на краю жизни часто остается только этим и заниматься. Долгое нудное ожидание.

Здоровяк с ножом с точностью снайпера и аккуратностью сапера пролез в мой карман, глядя в глаза, и достал оттуда кошелек двумя пальцами так, будто это что-то мерзкое и неприятное на ощупь. Он брезгливо отбросил бумажник в сторону и сменил маску отвращения на издевательскую ух-

мылку.

– Твою то мать... – так же быстро как появилась, так же молниеносно выскочила из головы надежда на спасение, – Не грабитель!

– Уго, только не убивай, – вдруг возникнет знакомый мне иностранный язык на приятный женский лад, – не стоит раньше времени, – добавила девушка после непродолжительной паузы.

Хватка Уго ослабла ровно настолько, чтобы я не умер от удушья, но голову повернуть к моей спасительнице я все еще не мог.

– Говори, русский, что ты делал у дома Санторо? Хотел передать сообщение? – голос огромного мужика казался резким и хриплым, а акцент доходчиво объяснил, почему он повторял одни и те же заученные фразы.

– Что? Сообщение? – пазл предательски отказывался складываться в одну стройную картину, – От кого?

– Не прикидывайся придурком! Слишком правдоподобно, – лезвие вновь вплотную слилось с мягкой кожей на пол сантиметра выше кадыка – Времени на игру в амнезию нет ни у меня, ни у тебя тем более.

– Я правда не понимаю, о чем вы. Я хотел узнать, как у Санторо дела? Нашлась ли Саманта? Но у дома... – с закрытыми глазами, не понимая, что я несу, я бубнил слова, то ли из правдивой истории, то ли уже из какой-то молитвы.

Застыв в тупике, я видел один выход, и он лежал через

веру в высшие силы. Часто на краю обрыва надежда заставляет задирать голову к небу. И я почти ступил на этот путь...

– Вы не из полиции и не грабители, так кто вы в конце концов? – мой крик, как последний шанс ухватиться за развалившуюся жизнь.

– Неважно кто мы, куда важнее кто ты такой?! – женский размеренный голос подействовал как успокоительное, пусть в нем и звучали ноты враждебности. – И судя по твоему водительскому удостоверению, – я обшарил глазами весь обзоримый участок, и не найдя бумажника, сообразил в чьих он руках, – ты обычный случайный свидетель того, что тебя не касается, и что лучше тебе забыть.

– Ты нас не видел! – девушку я действительно не видел, только тень. – Иначе мне придется испачкать нож! – Уго хрипел уже на фоне отдаляющихся шагов. Странно, когда они меня схватили, то подкрались сзади без единого шороха, а теперь каждый удар каблука об брусчатку отдавался оглушительным эхом.

Как только я встал с колен и повернул голову к двум исчезающим темным фигурам, мне в руки прилетел мой кошелек. Удостоверение лежало в таком же положении, как и было раньше, а деньги были нетронуты.

2

Жжение в груди усиливалось по мере отдаления от места

происшествия. Трудно вписать происходящее в мое представление современного мира. На грани сна притаились воспоминания. Неужели я брежу? Почему так быстро мимо меня мелькают дома, а я не могу ни за один из них зацепиться? Одышка – первое, что натолкнуло меня на неоспоримый факт. Я бежал и бежал, не зная куда, лишь бы быстрее растворить ту несурязицу в прошлом, что осталась позади меня 20-30 минут назад. Чем быстрее я двигал ногами, тем больше шансов спастись. Но что же все-таки там произошло? Кто были эти люди?

Оглядевшись, я остановился и стал перебирать все события по мельчайшим деталям. Я настойчиво решил добиться ответа на все вопросы, и помочь мне может только один человек – Ачиль. Вдруг уверенность уступила место страху.

– Ведь они меня увидели возле его дома, они могут опять подкараулить, – диалог с самим собой из последних сил помогал не свалиться в бездну безумия. – Они сказали, чтобы я молчал.

Этот несуразный круговорот чувств разного диапазона и глубины ревел вокруг небольшого хрупкого выступления, на котором я все еще пытался балансировать. Четкое понимание дальнейшего плана действий было потеряно в первую очередь. Осталась только глупая вера, что меня не прирежут, а сочтут за дурачка, обожающего побои и оскорбления.

– Да, кто они вообще такие? – внутренний голос самостоятельно привел меня к дому с видом на площадь с 3-мя фон-

танами. Но мой бунт, подначиваемый скрытой ото всех смелостью, был подавлен в момент сильного испуга.

Хлесткий хлопок по плечу запустил череду тревожных мыслей:

– Данил, где ты бродишь?

Я отпрыгнул в сторону, готовясь в этот раз к схватке, а мой оппонент лишь поднял руки в неподдельном изумлении:

– Ты чего это? Я сдаюсь, только не бей! – узнаваемая усмешка в углу рта не могла не заставить улыбнуться, после чего по телу пробежался приятный поток тепла. – Я к тебе и заходил, и звонил, а тебя нет нигде. Нас ждет Ачиль. Видимо, все хорошо. Саманта нашлась, – такое тепло, которое протекает по всем кровеносным сосудам от сердца до кончиков пальцев, лишь изредка можно ощутить и только с тем, кто способен такое тепло подарить.

– Хорошие новости, – неестественный говор на распев продрал горло, и я протер рукой то место, где решался вопрос жизни и смерти.

На телефоне засверкали ранее пропавшие 5 палочек, отсортированных по размеру, и сразу появилось уведомление о попытках дозвониться до безумного бегуна от своих кошмаров по ночному Риму.

Мы поднялись на 4-й этаж и постучались в едва знакомую дверь, которая отворилась сразу же, будто бы Карлота специально нас поджидала. Намерение провести остаток вечера в окружении друзей, веселья и глупых шуток, отдав забвению

дурацкое недоразумение с угрозами и ножом, разбились об замученный вид молодой женщины как об волнорез.

– Не нашлась! – выстрел в голову был пронзительным.

– Проходите. Он вас ждет у себя, – Карлота через силу выдавила предложение, даже не взглянув на адресатов.

Когда мы прошли через тесноватый, но вполне уютный коридор к самой левой комнате, то оказались в весьма занятом кабинете.

Ачиль что-то усердно писал за столом, освещенным лампой. Остальная часть помещения захвачена мраком.

– Прошу, присядьте, – резкий хлестким ударом задел сразу двоих.

Мы не могли себе представить такой холодный прием. Я даже почувствовал, как вина за всю эту ситуацию надавила на плечи. Ноги не выдержали, и я рухнул на один из стульев, заготовленных заранее для гостей. Сидя вдалеке от стола, мы с Андреем не имели возможности разглядеть содержимое на поверхности, заваленной бумагами и книгами.

– Акация? – есть фразы или моменты, за которые стыдно будет всему моему поколению столетия спустя. Например, как эта глупая попытка начать непринужденный разговор.

– Кедр, – ответил Ачиль, не отрываясь от дел.

Мы с моим другом покосились друг на друга. Он без единого слова меня поддержал, и как будто даже поблагодарил. Между нами повисло наитие, что кто-то из нас должен был это сделать.

– Друзья мои, – цинизм и отвращение противоречили притворной любезности, – сожалею, что вам пришлось вот так почти ночью идти ко мне по телефонному звонку. Извиняюсь за это. На улице небезопасно, – могу поклясться, что фраза была намерено брошена как перчатка в лицо, – сожалею, что больше не смогу вам уделить времени и лично провести экскурсию по городу, но обстоятельства вынуждают меня расстаться с вами, – черт возьми, у парня пропала дочь, а он как будто ведет разговор о внезапной командировке. – Я вас прошу только об одном: никому не говорить о моей Саманте. Знаю, прозвучит странно, – слова давались крайне тяжело, – но даже полицейским.

Я переглянулся с Андреем и в его расширенных глазах увидел отражение своих, таких же широких и насыщенных недопонимания. Если это был какой-то розыгрыш, то он явно затянулся.

– Понимаю, что вам дико это слышать, – Ачиль вдохнул, будто бы только перешел к самой сложной части, – этим делом занимается особый отдел обученных специалистов, а все остальные им только помешают.

Я слышал, что Италию называют страной «пяти полиций», потому что каждое направление деятельности требует узконаправленного взгляда, но не мог представить, что между ними существуют конфликты. До настоящего момента, я был уверен, что функциональные обязанности четко распределены. Тем более, что речь идет об европейцах. Они обо-

жают свои правила. И при этом любят утверждать о своей свободе.

Но, с другой стороны, Ачиль не сказал, что «особый отдел специалистов» – это подразделение какой-либо полиции. Этими ассами вполне могут быть и безбашенные задиры, которые не смущаются пускать в ход расследования кулаки, нож и угрозы.

Есть на свете то, что переворачивает душу, что способно вывернуть нутро и оголенным участком кожи протянуть по ржавому зазубренному лезвию. Это страшное явление встречается за жизнь далеко не каждый, но тот, кто однажды услышит материнский вопль, тот никогда в жизни его уже не забудет. Он возник из соседней комнаты и мигом разбежался по квартире, впиваясь в ухо до неистовой боли. В глазах испуганного хозяина отразилась уже не столь красивая Карлота.

– Опять звонят... – сдавленный голос девушки прозвучал тихо не для того, чтобы скрыть сам факт от лишних ушей.

Она по-настоящему боялась чего-то настолько страшного, что опустели глаза:

– Я слышала ее, я слышала... – голос угасал по мере роста дрожи в руках.

Напряженность нарастала, а гудки издевательски разрывали тишину.

Вдруг Ачиль пришел в себя и одним прыжком пересек кабинет, а супруга, последовавшая за ним рывком, закрыла

дверь. Раздался еще один звонок.

– Что за хрень здесь происходит? – Андрей вылупил на меня круглые глаза. В тот момент он и правда ничего еще не понимал или умело делал вид, а я в тот момент еще слишком сильно доверял ему.

Если представить, что вся эта история, это большая длинная дорога, то я всего лишь на пол шага обогнал друга. Впрочем, знай я тогда, что меня ждет на финишной прямой, возможно, я бы замедлил шаг.

Как благочестивые друзья, мы попытались прислушаться к истерическим возгласам итальянца. Национальный признак продемонстрирован во всей красе. Эмоции хлестали через край, казалось даже, что разговор наигран, так сильно от него веяло артистизмом. Больше всего нас заинтересовала смена в голосе. По мгновению, ровно за которое происходит передача трубки из рук в руки на другом конце провода, Ачиль превратился из капризного ребенка в замкнутого подростка. Он говорил тихо и податливо, как будто его ругали, а он подвластный жалкий слизняк. Андрей не мог разобрать, о чем шел разговор. Единственное, что удалось уловить, постоянно повторяющийся вопрос: «Какой еще ангел?»

Поняв, что подслушивать больше нет смысла, я еще раз внимательно огляделся вокруг. Книжный шкаф поглощен тьмой, что ни один из корешков не был читаемым. Я лишь мог оценить количество напечатанных страниц, под которыми ломились полки. На столе, единственном светлом месте

во всем кабинете, а может даже и во всем Риме, лежала расписанная тетрадь и пару раскрытых книг. Записи поделены на столбцы и строчки. Буквы подпирали цифры, а под ними еще один ряд букв. В книгах аккуратным тонким движением выведены кружочки и черточки, определяющие важность для читателя. Я подошел ближе, чтобы взглянуть на название книги и даже не заметил, как речь оборвалась, и через пару секунд дверь в кабинет вновь распахнулась.

– Какого хрена? – итальянец был явно не рад моему любопытству.

– Я... я просто... что все это значит, Ачиль?

Вместо ответа повисла тишина. Никогда не мог себе представить, что она имеет массу, способную так сдавливать черепную коробку. Санторо как будто размышлял стоит ли довериться двум иностранцам, посмотрел мне в глаза, потом Андрею и как по удару молнии вернулся в свой недоверчивый и замкнутый в своей проблеме образ. В комнате двое из троих узнали друг друга. Я явно остался в дураках.

– Прошу прощения, что заставил вас ждать, тем более уже столь поздний час, – итальянец был любезным, чопорным и раздавленным, – надеюсь, вы услышали мою просьбу: никому не говорить про случившееся. А теперь я все же прошу покинуть мой дом. Знаю, гостеприимство хоть и ужасно, но полагаю, что обстоятельства меня оправдывают.

Мы покорно выполнили настоятельную просьбу, вынеся в душе с собой осадок горечи и непонимания. Ачиль говорил

с нами, как с незнакомцами, как будто его зомбировали, а утренний и вечерний Санторо – разные личности. Такое холодное отношение я могу объяснить только подозрением в соучастии в похищении. Как же глупо! Целый день вместе, да и зачем нам так поступать с ним? Пусть мы – подозреваемые, тогда пускай нас допросят полицейские, зачем из этого делать тайну? В этом городе их и так больше, чем населения.

В отеле мне не сиделось. Мои мысли унесли меня далеко за пределы его стен и возникло непреодолимое желание погнаться за ними, но страх в ту ночь стал непреодолимым барьером. Возможно, меня бы никто и не тронул, так как я не нарушал требования банды с ножами, но тени уже завладели этим городом. Проникая в дома по декоративным трубопроводам, они вспахивали грудные клетки и захватывали души десятками за ночь. Борьба против них не сулило ничем кроме боли и страдания. И все же, мне предстояла сразиться...

Хоровод мыслей в голове мешал заснуть. На возникшие вопросы приходили какие-то еще более глупые ответы. Ничего разумного я найти не мог в этих дебрях бредовой реальности. Честно говоря, я надеялся на то, что поездка будет насыщена эмоциями, но такой коктейль с трудом осилит нервная система. Лишь под раннее утро я свалился в пучину сна, но даже тогда страх не покинул меня. Он проник через пуповину и растекся по кровеносным сосудам. Он растолкал сердце до запредельных частот и заразил мозг. Я знал, что я уже не один. Отныне кто-то навсегда притаился в тени.

Солнечный свет уже буквально прожег закрытые веки, когда я все же решил встать с постели. Жар наполнил комнату, и продолжать постельные нежности было невозможно. Я принял бодрящий душ и почистил зубы. Осмотрев щетину человека из зеркала, принял решение не бриться еще пару дней. Мне хотелось казаться мужественнее, хотя бы самому себе. Живот недовольным урчанием объявил о необходимости визита в ресторан, а часы на журнальном столике ехидно улыбаясь указывали на пропущенный оплаченный завтрак. Опять придется платить из своего худого кармана. Платить в этой жизни приходится за все, кроме того, чей ценник измеряется деньгами.

Почти успокоившись после всех событий за вчерашний день, я тихо-мирно спустился на первый этаж, как новое потрясение пробежалось мерзкой холодной ошущью по спине:

– Вас искали! – объявила милая девушка азиатской внешности.

– Кто искал? – спросил я, но не был уверен, что хочу знать ответ.

– Ваш, друг, граф Монте-Кристо, – улыбка Сьюзи и протянутый конверт прогнали страх перед моими новыми знакомыми из уличной тьмы.

Андрей работал в очень крупной фирме, занимающейся международными отношениями и претворением мечты в жизнь – путешествиями, конечно же чаще всего по случаю командировки. В фирму его устроил довольно-таки влиятель-

ный человек, по совместительству являющийся его отцом. Другими словами, он обладал властью и уважением не только среди коллег, но в семейном кругу. Самопровозглашенный Монте-Кристо или иногда Боб Марли выступал в качестве переводчика на важных встречах, и до смерти уставший от официальных отношений, он очень любил подурачиться в неформальной дружеской обстановке. В письме говорилось, что его вызвали в Москву первым же рейсом. На его задержку в столице уйдет не больше пары дней, поэтому я не имею права тосковать, по его же словам, а просто обязан наслаждаться оплаченным фирмой отпуском. Стоит сказать, что нашу поездку Андрей оформил как командировку, при чем провел меня как сотрудника, коим я не являюсь.

Раз уж мой гид убит горем, а верный друг выслан за границу на Родину, то придется наслаждаться красотой вечного города в гордом одиночестве, что временами мне больше подходило по душе. Я часто выбирался с наушниками в пешую многочасовую прогулку в любом городе, в котором бы я не находился. Что-то в этом есть, нечто трансцендентное, в том, как я сблизился со своим одиночеством. Еще со школьной скамьи я так часто с ним встречался, что не верю, будто когда-то сможем с ним разойтись. Более того, мне этого совсем не хочется. Бывает наступает момент, когда я желаю распахнуть двери и броситься прочь от всех, кто хотя бы знает мое имя. Скрыться в потоке незнакомцев и навсегда перестать оглядываться. Так мне спокойнее.

Колизей в одиночку посетить не решился, так как Андрей тоже хотел узреть это чудо, чей фундамент до первого слоя пропитан кровью, поэтому пришлось оставить затею до его приезда. Вернуться в Ватикан не надумал по той же причине, к тому же с сегодняшнего дня там не пробиться, как на заключительной части фестиваля «Monsters of Rock». На потом пришлось отложить Сикстинскую капеллу, Императорские форумы, замок Святого Ангела и катакомбы Домитиллы – в общем все, ради чего я приехал в Рим. Мне оставалось только бесцельные прогулки по городу и дегустация кухни с наилучшим сочетанием различных сортов вин. Честно сказать, жаловаться мне не приходилось.

Утро, которое начинается с цыпленка «Пармезан» и бокальчика Frascati, сам Господь отмечает у себя в календаре как по-настоящему доброе. Когда белое сухое добавило началу дня некую нотку навеянной 12-тиградусной радости и греющего душу умиротворения, я твердо решил завтра же с утра отправиться в регион Лацио на дегустацию животворящего напитка напрямиком из бочки. Та часть души, на которую одного бокала не хватило, изнывала от чувства предательства. Веселье и запланированное пьянство, когда у моего первого и единственного знакомого итальянца пропала 16-тилетняя дочь, казалось не лучшей идеей. Впрочем, я мог

помочь только своим молчанием, тем более сомнения развеял напрочь еще один бокал вдогонку, а затем для надежности еще один.

Компромиссным решением времяпровождения послужил парк. По возможности он должен быть большим, густым и с водоемом, чтобы избавиться от жары. Обладателем права обеспечить меня всем желанным назначалась по воле высших сил Вилла Боргезе. Разумеется, наличие художественной галереи обязывает меня ее посетить. Дабы не потратить свое восхищение на что-то менее значимое для меня в области искусства, я провел изобретательную политику осмотра. Первым делом я увидел, как герой Троянской войны вывел троянцев из пылающего города под четким руководством Джованни Бернини. Далее я попробовал понять источник вдохновения Рафаэля в «Египетском зале» и тут же ринулся на второй этаж в жалкой попытке поймать неосязаемую связь с мастером. «Положение в гроб» и «Дама с единорогом», а также два холста Тициана составили костяк индивидуальной программы собственного сочинения, но не меньше удовольствия я получил и от «Охоты Дианы», которая меня позабавила, и от картины «Проповедь святого Антония Падуанского», которая меня завлекла. Она особо сильно выделилась среди всех остальных. Паоло Веронезе добавил несвойственные к тем годам изобразительного искусства яркие цвета на фоне четко выраженных контуров на Востоке, а традиционно темные краски оставил на Западе. Каждый ху-

дожник пишет целую историю на своих полотнах, читателю нужно понять слова, что скрыты за мазками и линиями кисти. Так и судьба рисует линию жизни, а нам остается гадать на сколько плавным и в какую сторону будет очередной поворот.

Стоит ли говорить, что в Виллу я попал, ступив на каждую из 136 гладких ступеней из травертина, ведущих на холм Пинчо. Пройдя стройные ряды из благоухающих азалий и петуний, я предстал перед возвышающимся памятником языческой культуры, победу над которой провозглашал воздвигнутый на пик крест. У подножия церкви Тринита деи Монти я еще раз взглянул на разбитый баркас, застывший у подножия Испанской лестницы при помощи мастерской обработки временного потока руками отца гения, которому суждено воздвигнуть облик Рима. Я посмотрел вдоль тесно расположенных домов переход из улицы Кондотти в улицу делла Фонтанелла ди Боргезе, беглым взглядом одарил купол Сан-Карло-аль-Корсо, молча согласился с радостными глазами какого-то туриста по поводу редкого случая отсутствия давки среди желающих полакомиться мороженым сидя на ступенях. Город подарил мне славный день!

Завидуя количеству посетителей «сада наслаждения», Сатана, решил перенести свою резиденцию из глубокого подземелья в Виллу Боргезе, иначе сложно было объяснить, откуда в парке в виде сердечка такая адская жара в апреле. Даже тень, закипающая на прогулочных дорожках, едва ли да-

рила хоть какое-то облегчение. Спасение пришлось искать у озера, на небольшом островке которого воздвигнут Храм Эскулапа. Дорога была полна искушений остудиться в одном из проплывающих мимо словно мираж фонтане. Пусть даже в голову и бил градус от лучших сортов винограда, все же я не хотел обижать местное население, так что ни фонтан «морских лошадей», ни «купальный» фонтан не были мною осквернены. Так и не попав в святилище бога медицины, воспитанника Хирона, я отправился своими глазами узреть памятник Пушкину и Гоголю. Возгордившись великими соотечественниками, я решил отдать почесть одному из любимейших мною писателей всех времен – Виктору Гюго. Возможно, именно его «Отверженные» и заложили во мне такой прочный фундамент любителя книг и искусства в целом. Именно его герои дали мне ясное понимание, что однажды все твои труды будут оплачены должным образом, пусть даже оплата будет отличаться от той, что ты себе представляешь. Пусть даже ты проклянешь такую оплату, но она настигнет тебя.

Бесцельное хождение по парку окончилось у подножия обелиска Антония, подобно которому я изо всех сил боролся со странными образами искупления. Правда, мои грешные позы были куда менее прозрачны. Я все больше и больше склонялся к идеи беспробудного пьянства. Скорее всего, это желание обрело силу ввиду вдруг неожиданного уныния, с которым я намеревался расстаться хотя бы на время путеше-

ствия. Необычное чувство окатило меня целиком, но я уже придумал как с ним бороться. Покинув «сердце Рима» через древнеримские ворота «Porta del Popolo», я отправился на охоту за спиртным.

Если поначалу я старался показаться знатоком высокой кухни и большое внимание уделял гармоническому сочетанию вин и блюд, то уже сейчас пренебрегая гастрономическими законами все больше и больше позволял себе лишнего. Из заведения в заведение меня сопровождали буквально парящие в воздухе названия родом из Лацио, Тосканы, Пьемонт и Сицилии.

Бесконтрольное пьянство ближе к вечеру, когда уже температура на улице спала не под стать градусу, бурлящему в голове, привело меня к барной стойке очередного заведения. Меню постепенно разочаровывало из-за обширного выбора вин и куда более скудного выбора чего-нибудь покрепче, что заказывала, танцующая в угаре пьяном душа. После тщательного осмотра всех названий и пометки крепости мой перст указал бармену на граппу. Я уже ничего не говорил, а использовал язык жестов: «Вот это! Два! Картой!»

– Я уверен на все 100 процентов, что ты иностранец, – со скрежетом прокатился у левого уха слегка картавый невнятный говор.

– Почему это ты так решил? – я быстро опустошил рюмку и скривился, ликуя внутри, что пойло оказалось достаточно крепким.

– Вот именно поэтому, – приставучий сосед по барной стойке указал длинным кривым пальцем на пустую емкость для граппы.

– Или может быть поэтому? – я схватил вторую рюмку и с горделивым видом лихого алкаша, опрокинув голову, залил содержимое в себя.

Алкоголя в крови становилось все больше, а контроля за поведением все меньше. Язык развязывался, а разговор становился все более раскрепощенным.

Граппу еще какое-то время я держал во рту, повернул голову к говорящему всякие глупости и демонстративно сглотнул, бесконечно гордясь тем, что практически не поморщился. На какие глупые поступки идет человек, чьи клетки мозга умирают от каждого глотка. И ведь парадокс: чем больше их отмирает, тем больше хочется продолжения.

– Bravo! – собеседник подыграл моему выступлению, – ни один итальянец, известный мне, а уж поверьте, в силу своей профессии я их знаю немало, не стал бы пить рюмками высокоградусные напитки в такую нещадящую даже чертей жару.

Потихоньку я стал осознавать, как глупо выгляжу, а впрочем, не глупее некоторых, кто в пропитанном потом черном пиджаке в светлую полоску покушался на жизнь любого попавшегося модельера своим совершенно неподходящим красным галстуком в горошек. Меня знатно повеселило сравнение себя, пьяного идиота, и его, маленького челове-

ка с огромными очками, из-за которых глаза, казалось, были нарисованы художником анимэ.

– Ты прав, я не итальянец, – я гадал, стоит ли признаться, что я русский, и тем самым еще сильнее закрепить стереотип о безудержной любви нации к выпивке.

– Еще я знаю, что тебя что-то гложет, иначе ты бы не выпивал в одного, – он сощурил глаза, как будто мог увидеть что-то сквозь меня. На мгновение мне стало жутко не по себе от поведения придуркаватого незнакомца с залысиной на пол головы.

– Не расслышал! Кто ты такой? – стоило попробовать разведать, что у него за душой, прежде чем раскрыть свою нараспашку. Кто ж мог знать, что я такой хреновый разведчик?

– Ах да, прошу прощения. Где мои манеры? – натянутый смех еще больше настораживал, – Меня зовут Алекс Грин, я экскурсовод, – испытывающий взгляд проверял почву, в которую заложил зерно лжи.

– Данил, турист, и как недавно выяснилось, алкоголик, – я протянул руку и пожал потную холодную ладошку.

Человеку с такими руками доверять нельзя, но разве руководствуется логикой тот, кто сбился по счету рюмок?

– Извиняюсь, Данил, что лезу не в свое дело, но мы, итальянцы... – держу пари на Brunello di Montalcino, что из этого скользкого типа такой же итальянец, как из меня ярый подвижник движения ЗОЖ.

Солнце зашло за горизонт, и на улице восторжествовала

прохлада, но здесь в баре меня кинуло в пот со всего размаху. Сердце заколотило изнутри, разгоняя кровь, в следствие чего я неистово быстро трезвел, причем намного быстрее, чем успевал накидываться. Трудно сказать, что послужило причиной резкой перемены, на тот момент я думал, что химозный горьковатый вкус очередной настойки, тем не менее игнорировать ее не представлялось возможным.

– Поймите меня правильно, – псевдоитальянец ухватился за мой локоть, – я за вами ни в коем случае не следил. Но все же, иностранец в отделении полиции – это редкость, за которую я с превеликим удовольствием ухватился, – он сжал локоть еще сильнее, – а тут вдруг вы входите в этот самый мой любимый бар. О, Дева Мария, – положение рук для молитвы. – Да кто я такой, чтобы противиться высшим силам?!

Не успев отойти от шока от навязчивого общения, я даже не заметил, как схватил очередную рюмку. Конвейер запущен, и этот гид со сверкающей головой четко контролировал процесс.

– Вы просто обязаны попробовать амаретто, – Алекс сделал выводы, наблюдая за моим аппетитом, – ликеры в итальянском баре наравне с вином приравниваются к святыне, что осквернять недостатком внимания крайне нежелательно.

Высокий градус и мутное сознание решили сдать перед натиском моего нового товарища по стакану или кто он такой, неважно. Впрочем, на вид он больше смахивал на еврея. Была в нем какая-то хитроумная загадка, к которой он ме-

ня не подпускал как к ларцу с семейными реликвиями. Мне больше ничего не оставалось как вновь поплыть по неспокойной глади окружающего мира. У меня был шанс остановиться. Еще много будет шансов. Но я уперто шел вперед, не понимая, что мчусь на всех парах по дороге в один конец.

Непослушный язык без моего ведома сам начал болтать лишнего, в том числе и о визите в полицейский участок. Я болтал без умолку, не заметив, что огромного роста бармен тоже стал слушателем душераздирающей истории. От моего голоса и интереса к бредням из моего рта я получил непонятную долю эйфории. Я буквально кайфовал от каждого слова, что вытекало из меня бурным потоком. Температура тела подскочила, а пот облепил все тело. И все же алкоголь имел специфический вкус. Как будто стакан прополоскали в стиральной машинке и, забыв смыть порошок, поставили на стол. Меня вдруг настигла отдышка, будто бы я участвовал в челноке по Испанской лестнице. Тяжелый вздох и сжатая челюсть. Контроль свалился в глубокую яму, откуда не был виден свет.

Здоровяк какое-то время оставался в тени мутного сознания, пока не кинул огромные руки на стол, от чего я чуть не свалился с высокого стула.

– Парень, оставь это, забудь! – угрозы посыпались как осколки стекла, – ее никто уже не найдет, и родители это отлично знают. А у тебя могут возникнуть проблемы, если не заткнешься, – даже его ломанный английский не резал так

слух, как воцарившаяся тишина.

Я повернулся к соседу справа за поддержкой, но на том месте оказался старичок, с трудом покоривший барный стул. Он намеревался мне что-то сказать, но сил так и не нашлось. Старик вновь вернулся к бокалу вина, а в глубине заведения по новой кто-то застучал вилкой об тарелку.

Неожиданное оказавшийся сзади Алекс дернул меня за футболку и махнул головой в сторону столика в самом темном углу. Краски сгустились.

– Что все это значит? – эмоции устроили настоящую бойню за господство над разумом. Я не мог понять, что мне делать: бояться лжи, бороться за правду или отдаться забвению?

– Здесь в Италии никто уже не удивляется пропаже детей, – его голос потерял былую задорность, стал более тихим и серьезным, от чего вызвал доверие, – к большому несчастью, это стало такой же нормой, как и бокал красного за ужином... Эта зараза давно разошлась по всему миру, но замечают ее далеко не все. Не сказать, что здесь и сейчас пропажи происходят массово, но ведь даже единичные случаи нельзя замалчивать! Каждый пропавший ребенок, все-равно что катастрофа.

– Но... но кто, боже мой, кто способен на такое? – я трясся от негодования и вопиющей несправедливости.

– Вот именно, только он и способен на это ... – я мигом взглянул на Алекса Грина, ожидая, что он указывает на ко-

го-то пальцем, пусть даже на громилу–бармена, но он лишь выжидающе смотрел на меня. Ждал, пока я додумаю его слова.

– Не может быть! – я отказывался верить, что сам же называл виновного.

– В этом то и дело, мой друг, что все дороги ведут в Рим. Наступило молчание. Погрузившись в мерзкую и вязкую как болото современную жизнь, я не мог найти весомую причину ухватиться за нее. Жизнь, в которой возможно нечто подобное, становится невыносимой с открытыми глазами. Я перестал замечать косые взгляды и перешептывания посетителей, все мое внимание устремилось к едва показавшейся правде, ужасной, страшной и настоящей, спрятанной где-то на дне этой чертовой бутылки... Дальше мы пили в тишине...

3

Похмельное утро – самое невыносимое время суток. В принципе, любое утро становится таковым, когда тебя будят ударами в дверь, которая и без того сотрясается криками.

– Открывай быстрее! – разъяренный голос явно не предвещал ничего хорошего.

Я посмотрел время на телефоне и был крайне удивлен 12-ти пропущенным. Я быстро попытался оценить обстановку, но продукты распада бурной ночной деятельности рассыпа-

ли адекватные мысли по закоулкам сознания и собрать их не позволяли. Трудно было понять, чем я заслужил такой гнев. Голова трещала по швам. Трудно было вообще что-либо понять.

– Спишь? – Ачиль ворвался внутрь, как только я выполнил его требование. – Да ты хуже Иуды! Тот хотя бы осознал свою вину, а ты спокойно нежишься в постели!

Мое состояние не позволяло что-либо ответить. Сложности возникали даже при простейших действиях, таких как поднять голову, открыть полностью глаза и вдохнуть полной грудью, на тот момент от меня требовали невозможного. Я даже не мог вспомнить, как я попал в свой номер. Мой ли это номер вообще? Возникающие вопросы наполняли и так распирающую от давления голову. Я ничего не мог ответить ни себе, ни орущему так не вовремя итальянцу. К тому же лучше не открывать рот спросонья после продолжительной пьянки, если не хочешь отключить оппонента от сети питания.

– Что? Что случилось? – вылезло из меня после стакана воды, чудом не последовавшей за словами наружу.

Ачиль молча кинул свернутую газету мне на кровать, требуя одним своим видом, чтобы я взялся за ее прочтение. Сам же распахнул шторы, возможно, специально, чтобы головная боль разорвала мою черепушку, и скрестив руки на груди уставился вдаль, где все еще в его жизни нет горя, а счастливая полная семья в сотый раз гуляет по

«Rainbow MagicLand».

Мне стало ясно лишь одно: для того, чтобы разборка закончилась, и я мог продолжить свое жалкое существование на краешке мокрой от пота кровати с мольбой о пощаде перед его величеством Цитрамоном, я должен выполнить все, что от меня требуется настолько быстро, насколько онемевшее тело меня слушалось. Я взглянул на сверток бумаги, доставивший столько шума в это ужасное утро. Санторо очень высокого мнения обо мне, раз решил, что с похмелья я резко улучшил свои познания в итальянском.

– 6-я страница, – Ачиль даже не глянул на меня.

Видимо он быстро перегорел или понял, что криками от меня в таком состоянии ничего не добьешься, но со стороны единственного окна уже веяло спокойствием, которое приходит вместе с принятием неизбежности произошедшего. Ачиль буквально шептал:

– Некий Александр Грин отлично знает то, что ему знать не следовало. Откуда жалкий журналист в курсе о том, что было известно тебе и Андрею? – речь, как будто холодный металл.

Картинка постепенно проявлялась сквозь мутное запотевшее сознание и дикий сушняк. Размытое прошлое через дурманящие пары обволокло мою голову и тонкими длинными ржавыми иглами проникало вовнутрь. Как бы мне хотелось сейчас проснуться. Меня развели как малолетку. Я и вправду кретин. Столько было шансов остановиться, а я их слил

в унитаз вместе с дружбой и доверием. Даже бармен меня пытался притормозить, но кто он такой чтобы бороться с алкоголем?

– Не только мы двое, – то ли вскинув руку в надежде на спасение, то ли подбросив динамитную шашку в костер, я вывалил на пока еще друга историю о встрече с незнакомцами.

Остывший вулкан опять задымил над сапогом в Средиземноморье:

– Черт возьми! – Ачиль завопил на весь отель. – Приду-рок! Почему ты мне не сказал сразу? – он явно устал подбирать выражения.

– Они ведь мне угрожали! Я не хочу рисковать непонятно за что! – изо всех сил старался очистить свое запятнанное имя, но было слишком поздно.

– Уезжай! Немедленно! Собирай вещи и уезжай, пока ты окончательно все не испортил! Они не остановятся!

– Без Андрея я не поеду! Он должен вернуться сегодня-завтра, с ним и уеду, – мой последний рубеж обороны держался на ветхой опоре веры в свои слова.

– Он не приедет, – опять тихий холодный тон, отчеканивший каждый слог, – ему нельзя возвращаться, – нож вместо кадыка отточил каждое слово до металлического блеска. – Ты слишком глуп, чтобы все это понять. Впрочем, может это и поможет тебе. Сочтут за дурка и не тронут... – грустный взгляд пробежался по полу, постепенно подбираясь ко мне.

Итальянец посмотрел на меня, сдержал все недосказанное, что читалось на его лице, и опустив голову отправился скорбить по невозполнимой утрате.

Оставив ошарашенного иностранца в номере, Ачиль на автопилоте покинул помещение, оглядываясь стеклянными глазами. Он будто призрак был уже не в этом мире, но еще и не в другом.

Столько фактов, столько нестыковок и столько вопросов. Ясно было одно: все в знакомой мне части Италии связаны друг с другом. Как солнце выбрасывает первые лучи, не торопясь восходя из-за угловатых зданий с тысячелетней историей, так и мысль осветила всю тьму, поселившуюся в голове. Мрачная тайна поселилась в сердцах местных жителей, и почему-то в тот момент я посчитал, что готов ее разгадать, готов пожертвовать собой ради свободы. Отнюдь я поступил бы так же, осознав величину платы за упрямство, любопытство и любовь. Впрочем...

– Эти чокнутые из переулка и есть нанятые сыщики. Видимо, работают они лучше полиции, в любом случае уж точно эффективнее, – ладонь скользнула по горлу в месте тесного контакта с лезвием ножа. – Правда, не могу понять, почему они не могут работать в параллели с копами, ведь полномочий у последних куда больше. Все это хотя бы объясняет их вопросы о сообщении, которое кто-то должен передать семье Санторо. Ачиль побоялся, что я могу взболтнуть лишнего еще и полиции, вот и взбесился.

Триумфальная улыбка после мозгового штурма на зависть Холмсу и Пуаро немного искривилась, задев я взглядом статью Алекса Грина. По носу ударил неприятный запах от каши, которую я заварил из ошметков непонятной истории и отблесков нескладных догадок. Хорошо, что не рассказал журналисту о встрече с детективами с хулиганскими манерами. Хотя, может и это мне не удалось сдержать в себе, но он посчитал эту встречу недостойной его пера. Сам под собой зажег пороховую бочку и надеюсь на отсыревший порох.

Приподняв газету, чтобы отправить утренний выпуск в мусорное ведро, я обнаружил конверт с одной единственной надписью алого цвета: «STH». Санторо забыл его на фоне своих бурных всплесков. Конверт был открыт, что заставило меня поддаться соблазну. Я даже не подумал о том, чтобы проверить захлопнулась ли дверь. Я часто так делаю: не думаю.

– Раз уж так хорошо получается складывать факты, то можно еще чуть-чуть продвинуться в собственном расследовании.

Внутри оказалось черно-белое фото с ангелом-подростком, это была скульптура, которую обычно ставят в надгробии. Здесь в Италии таких миллион. Куда была интереснее надпись на английском на обороте: «Молись, пока ангел не простит». Еще один веток в непонятно куда тянущейся спирали.

– Теперь тебя точно прикончат, и я уже никак не помо-

гу, – тихий спокойный голос, наполненный смирением перед неизбежной катастрофой, испугал куда сильнее, чем яростные припадки. Ачиль был болезненно бледен. Не зная ничего об его горе, я был бы уверен, что это принявший свою участь приговоренный к высшей мере наказания смертник. Спустя время я пойму, что он себя давно похоронил, теперь очередь дошла до меня.

4

– Какая-то чертовщина! Настолько бредовая ситуация могла быть кем-то придумана. Дурак! Ну конечно же, розыгрыш! – я ощупал взглядом номер в поисках доказательства – скрытая камера! Андрей небось сейчас со смеху помирает, шутник!

Если бы вдруг я посмел осквернить величайшее по значимости ремесло и взялся бы за перо, то было бы весьма кстати сравнение с Эрнестом Хемингуэем. Паранойя взяла власть. Под кроватью, во всех углах, за вечно закрытой шторой ничего особого не было, но отсутствие улик непристойных приколов лишь разжигало азарт. Я все перерыл, даже вещи раскидал по всей комнате. Все ближе и ближе я подбирался к ответу, который на самом деле узнать не хотел. Такое чувство меня охватило и не отпускало. Я будто хищник, выслеживающий свою жертву изнурительно долго, сберегая силы для последнего рывка. Даже туалет был исследован вплоть до

каждого изгиба. С этого момента я слишком далеко зашел, чтобы просто остановиться. Будто выполняя норматив по бегу на длинную дистанцию, я выдохся, и дыхание стало тяжелым, как сама идея слезки. Жара и спешка – убийственное сочетание, когда еще и в голове кипяток. Мне необходимо осмотреть все под другим углом, немного сменить ракурс, увидеть иное преломление света и другую точку зрения в одном единственном верном сочетании. Я решил успокоиться и повалился на усыпанную вещами кровать.

– Камеры делают такими маленькими, что они могут быть где угодно.

– Где угодно, где угодно, где угодно, – отголоски эха трезвонили в моей голове.

Я настолько преисполнился сомнениями, что готов поспорить об источнике этих слов. Я не был уверен говорил ли что-либо или нет. Я будто попал в паутину и запутался. Мои ноги, мои руки – все привязано незримой нитью к крючкам ваги, пляшущей в чей-то властной руке. Но кто ее владелец? Он буквально надиктовывал каждый шаг, дернув в нужный момент крестовиной. Сидит довольный в соседней комнате, злорадно пьет охлажденное вино и через вентиляционную шахту что-то... Ну конечно!

Я вскочил как ошпаренный. Даже второй приход Мессии прямиком в мой номер не заставил бы меня так резво двигаться. Стул к стене со стуком. Прыжок со скрипом. И вот я уже у решетки системы вентиляции. Так аккуратно, слов-

но там был очень дорогой личный дивайс. Уверенность не оставляла выбора судьбе. Устройство было там! Я это знал!

– Камера! У меня в номере! – окончательно обезумевший я таращился на объектив маленькой игрушки Джеймса Бонда.

Видимо, это тот редкий случай, когда больше всего на свете хотелось быть неправым. Убежденность разбилась об доказательства ее несостоятельности. Парадокс жизни, как один из фундаментальных законов строительства Вселенной. Отказ от реальности и выход из порочного круга матричных массивов. И самое глупое, что я когда-либо производил – борьба за правду.

Я вытащил автономное мини-устройство и принялся внимательно разглядывать. Если это попало за решетку в качестве шутки, то юмор явно идиотский, но на подобное я едва ли рассчитывал. Тысячи мелких иголок, пронзенные в брэнное тело, вытащили одним единым резвым движением из обители грез и заставили работать потовые железы на максимум.

Набрав полный рюкзак негодования, я десантировался на лифте напрямик к пустому ресепшену. Скандал о допущении подобного безобразия закатить было невозможно без публики. Отсутствие живой души во всем отеле сопровождала гробовая тишина. Этот затянувшийся розыгрыш им дорого обойдется! Причем вопреки тому, что обход стороной любого конфликта столько лет было моим кредо по жизни.

Я принялся неистово колотить по настольному звонку, который стоял со дня открытия отеля лишь для красоты. Моя злость приобрела вполне материальную форму: я бросил камеру об стену и захватил угол картины, признаться, к которой я был весьма равнодушен. Копия «Дамы с горностаем» с высоты своего величия упала на пол, а разломленная рама рванула холст по всему нижнему краю. Стоит ли говорить, что разрыв пошел дальше полотна и зацепил мое нутро, тянущееся через всю жизнь к чему-то великому, к самому великолепию?

– Сами напросились! – оправдание прозвучало неубедительно даже для себя.

Тишина особенно невыносима, когда она через ушную раковину проникает внутрь тебя, в самое сердце, захватив его как в безлунную ночь беспросветная тьма. Мне и вправду стало не по себе от происходящего. Ненавижу, когда надо мной смеются. Слишком долго я терпел. Почему бы не прекратить все именно сейчас?

Возникший из ниоткуда звонок спустившегося лифта напугал меня внезапным появлением гостей посреди одиночества и пустоты. Так глубоко я был погружен в отчаяние, что внешний мир на какое-то время перестал существовать. И вдруг – резкое возвращение в реальность.

Из лифта выскочили два молодых парня. Они куда-то опаздывали, и чтобы их остановить, я чуть ли не прыгнул под ноги, но ребята оказались проворными.

– Стойте, куда вы? Не заметили, что весь отель как будто вымер? – я так сильно затараторил, что едва понял сам себя. Слова вперемешку со скоростной жестикуляцией породили новый язык, чей барьер мы едва ли преодолели.

Один из них выплеснул что-то по-французски. Недовольная физиономия говорил сама за себя. Я им мешаю. Второй попытался подхватить друга, но куда более в приятной форме, более любезно. Возникшее, между нами, недопонимание заставило его всколотить пару слов на итальянском, но промазав и тут, он решил стрелять наверняка:

– Английский? – я утвердительно кивнул и повторил вопрос, но спокойно и разборчиво, – неудивительно! Все сейчас на площади Святого Петра. Конклав должен выбрать нового Папу римского.

Французы отодвинули меня в сторону, чтобы я не стоял у них на пути, кто бы знал, кто еще у них стоит на пути и на что они готовы, чтобы сместить лишних?

– Хочешь, побежали с нами, только не тормози, ждать не будем!

Заманив меня своим живым интересом к процессу избрания, новые знакомые открыли дверь не только из отеля с приведениями, но и в новую жизнь с призраками. Знай бы тогда, что меня ждет за порогом, я бы вряд ли согласился еще раз его переступить. В моем случае непросвещённость лучше, чем боль, страх, предательство и отчаяние. Передо мной открылись ворота в ад, а я, глупая душа, прыгнул в ко-

тел бомбочкой...

По дороге мы бегло познакомились: тот, что был груб со мной звался Лоренто, а тот, что более дружелюбен – Камиль. Оба были из Франции, хотя второго трудно было бы назвать коренным жителем пятой республики из-за смуглой кожи и карих глаз, в которых помимо нераскрытого секрета об происхождении таилось еще что-то, что не давало оторваться от них. Вдруг меня охватило рвение заглянуть прямиком в душу и вывернуть все тайны наружу, подсознательно я ощущал, что там могло храниться нечто страшное, куда хуже, чем сама смерть. Тем не менее, эти ребята могли притянуть к себе скорее всего своим барством. Некий особый шарм исходит от друзей с такой крепкой связью, которая тянется на долгие десятилетия и извивается вокруг национальности, происхождения, финансового состояния и интересов. Такие друзья, как правило, знают о друг друге даже чуточку больше, чем каждый сам о себе. Они даже готовы пожертвовать собой. Они и жертвуют...

Истинный уроженец Франции имел высокий рост. Слегка кучерявые волосы, голубые глаза и до неприличия картавый говор. Он часто хмурился и от этого волны, изрезавшие лоб, не сходили с лица. Еще мне показалось, что он нервничает, но поиск подходящей причины оборвался на мысли, что в такой день нервы шалют у всех ревностных католиков.

Второпях, Камиль, связывающее звено в нашей интернациональной компании, объяснил процесс избрания главы

папского престола. Когда понтифик умирает, то его бальзамируют и хоронят в специальном саркофаге, не говоря уже о целой церемонии прощания. Далее собрание кардиналов – конклав, закрывается в Сикстинской капелле и под давлением знакомых им героев, созданных рукой Микеланджело, рассматривают кандидатов. Победителем считается тот, кто набрал две трети по тайному голосованию.

– Видишь! Все ждут белый дым, – когда мы добрались до переполненной площадки, Камиль указал на трубу, облепленную невероятным количеством пустынных взглядов.

Француз не упустил из виду и несколько закулисных теорий, витающих вокруг папского трона. Не иначе как борьба за престол привела к тому, что за 2 с половиной года уже трижды рубили кольцо рыбака. Расследование ничего не могло показать по причине его отсутствия, а его стоило бы провести, ведь все трое вполне здоровых для своего возраста старика на отпевании были скрыты от посторонних глаз. Конспирологам только дай шанс, и они за него схватятся мертвой хваткой как голодные ищейки, но в этом случае простора для подозрений в нечистой политике было так много, что даже закоренелый и богобоязненный католик придется вольнодумству.

По многочисленной толпе пробежался одобрителный рокот, через мгновение переросший в крик радости от счастья перед спасением. Из трубы Сикстинской капеллы вырвался источник благих вестей. Новый папа был избран на удивле-

ние с невероятной быстротой, что поспособствовало закладке еще одного кирпича в устоявшиеся слухи: «в Ватикане зародился страх перед могущественной силой». Вскинутые руки от счастья, признание в любви, слезы, в общем большинстве было наплевать на глупые слухи, но не мне с новыми знакомыми. В тот момент я был слишком задумчив, чтобы уделить должное внимание словам Камиля: «Вот увидишь, старина, это будет последний папа».

Спустя неминуемо утекшее время и некоторые события эти слова тем же шепотом с нотками злостной уверенности эхом пронесутся в моей голове. Правда, смысл их приобретет уже менее прозаичный характер.

Толпа и так не утихала, но с появлением белой фигуры на балконе, завопила с новой силой. Такой приток бурлящей жизни я видел только на записи рок-фестиваля Live Aid с выступлением группы Queen. Папа римский поднял руки вверх, и люди ответили ему тем же. Он помахал и в ответ по площади пробежалась волна из ладошек. Никогда не мог подумать, что окажусь на фанатской трибуне Ватикана.

Во всей массе было всего лишь несколько человек, которые не высказывали радость. Французы перешептывались между собой, а Лорент был еще более грозным, чем когда-либо. Он как будто знал всех кандидатов на престол и был весьма недоволен выбором. Так оно и было, и скоро это недовольство выльется во что-то страшное...

Непрекращающейся шум, исходивший от вопящей человеческой массы, и невыносимая жара, исходившая от раскаленного ядра, украли у меня все запасы сил, которые я копил для борьбы с этим миром. С трудом добравшись до дверей отеля я буквально ввалился внутрь помещения со спасительным воздействием кондиционера. День был насыщен событиями, так что я даже позабыл о своих претензиях к руководству отеля, но они обо всем напомнили.

– Сеньор Егоров, ваша просьба выполнена, вещи собраны. Вот ваш билет, – как ни в чем не бывало девушка с розовыми щеками и длинным хвостом каштановых волос улыбалась за стойкой. Они точно издеваются!

– Пранк выходит из-под контроля! – на самом деле из-под контроля выходил уже я. – Я буду жаловаться на ваши идиотские шутки! – стук кулаком по столу задел звонок, без толку звеневший все утро.

– Я... я не понимаю, о чем это вы... – напуганные глаза Аманды выдавали хорошую школу актерского мастерства.

– О скрытой камере в моем номере! О чем же еще? Не знаю сколько вам заплатил мой друг, но поверьте мне, мой скандал обойдется вам еще дороже, – на самом деле не было никакой веры в свои слова. Это был отчаянный крик в пустоту человека, собравшегося бороться против денег и власти, не имея ни того, ни другого. Бой с тенью, но в этот раз

она может ответить.

Если честно, то мое давнее знакомство с Андреем протестовало против ложных обвинений. В неформальной обстановке, которую по словам графа «Монте-Кристо» вокруг него могло создать лишь мое присутствие, он обожал пользоваться услугами неординарного чувства юмора, чтобы в очередной раз насладиться побегом от внешнего серьезного мира. Но нечто подобное, что происходило за последние сутки, даже для самого заскучавшего бизнесмена было перебором.

– Сеньор, пожалуйста, успокойтесь и расскажите, все что произошло. Уверена, это недоразумение, и его легко исправить, – Аманда выдавала улыбку перед обезумевшим клиентом.

Направив взгляд на стену, я заметил, что от меня отвернулась молодая девушка в красно-синей одежде с белым зверьком на руках, обрамленная новой целой на вид раме. Единственный свидетель моего скандала в начале дня безучастно смотрел куда-то в сторону.

– С утра, где вы были утром?! – я закипал от того, что все вокруг меня считали идиотом.

– Все утро я была на ресепшене. Сегодня моя смена, – всем своим видом Аманда как будто хотела помочь.

– Когда я спустился сюда утром, то никого не было, – я все еще настаивал на своем: «Не идиот же я в самом деле», хотя сомнения были.

– Такого не может быть! Правило нашего отеля гласит, что

на ресепшене всегда кто-то из персонала должен присутствовать, чтобы немедленно устранить любые неполадки, мешающие наслаждаться отдыхом гостю, – прозвучал заученный текст.

– Черт! Ладно... – я немного отступил, чтобы набрать разгон. – А два француза Лорент и Камиль, скажите, в каком номере проживают?

– Извините, сеньор Егоров, но мы не имеем права раскрыть данные о своих постояльцах. Но, – девушка заговорщицки понизила голос, – даже сделав исключение для вас, признаюсь, что не имею понятия о ком идет речь.

Мы разминулись на площади, когда мне стало невыносимо жарко, но о следующей встрече так и не договорились. Не знаю как Лорент, но второй, который показался вполне дружелюбным, думаю был бы не против повторной встречи.

– Стоп! А что вы сказали о вещах? – меня будто ошпарило кипящим маслом, а потом резко опрокинули за борт атомного ледокола.

– Вы звонили с утра из номера и попросили их собрать, а также заказать билет домой. Нет ничего странного, что вы забыли о своей просьбе, ведь такая жара в апреле даже для итальянцев переносится с трудом, – смешок в конце фразы был неуместным. Даже более чем наигранная любезность просочилась через уголки накрашенных губ.

– И куда вы взяли билет? – я отключил разум и попытался действовать на автопилоте, потому что осознавать закрутив-

шийся сценарий я был не в состоянии.

Куда меня ведут, туда и пойду. Вот только знать бы, кто меня ведет.

– В Москву, конечно же. Вылет через 5 часов.

Я поднялся в свой номер за порцией нового шока. Комната была в идеальном порядке, а вещи аккуратно сложены в чемодан. Вентиляционная решетка надежно зафиксирована на прежнем месте. С осторожностью крадущегося хищника помешательство подбиралось ко мне, и его резкий прыжок сразил жертву наповал. Я определенно схожу с ума. Причем я стал бояться, что у моего сумасшествия пышный рыжий хвост и маленькие черные бусинки-глазки.

Андрей по-прежнему не отвечал на сообщения и звонки. Отчаяние узурпировало власть над логическим мышлением, и как обычно это бывает в минуты повышенной неопределённости ничего не остается как пустить все на самотек из стеклянной бутылки с акцизной маркой. Посмотрим кто кого! Если с утра я и испытывал некое отвращение к алкоголю, то сейчас хотелось так выпить, чтобы билет в моих руках растворился, так же как четкая грань между реальностью и бредом, растворившаяся у дверей Ватикана.

В тот момент, опрокидывая шот за шотом, я не мог предположить, какая жизнь – изворотливая сука. Ни ухватить, ни направить в нужное русло, ни понять в конце концов, прям как женская натура. С ней нужно играть в ее же игру, но быть всегда готовым к удару. Нужно сконцентрироваться на жез-

ле, занесенным для победного рывка, и как только ты парируешь смертоносный хук, то сразу же бросить все силы для обескураживающего поцелуя. Все что я хотел за очередной барной стойкой – поцеловать жизнь.

Спустя время, на краю существования, я лишь одним вопросом изводил свою душу: «Уехал бы я домой, зная, что произойдет?» Однозначного ответа найти не получается. С одной стороны, бестолковая погоня за хвостом, а с другой бесцельная жизнь, маринованная во лжи и поданная на завтрак этим акулам...

6

Коварный алкогольный напиток погрузил меня в состояние бесконечности и отрешенности от всех проблем. Даже мой рейс домой уже стал второстепенным событием, которое едва ли могло бы совершиться, если я не забуду и не опоздаю, что в общем-то мне показалось приемлемым. Отмирание клеток мозга уже дало о себе знать. Тупость и уверенность в собственной правоте как два верных друга поддерживали меня весь оставшийся вечер. В целом, они и нашёптывали мне, что в этом баре я уже был в период прошлого своего опьянения. У меня с трудом получилось оглядеться, сохранив равновесие на высоком барном стуле. Выводы буквально резали глаза. Как я, пропитанный горячительными напитками, нашел это место?

– Эй, журналист! Как там тебя... Александр Грэй, Грим, Грин-н-н? – промычать, мне почему-то показалось весело. Весело было мне одному.

– Чего ты хочешь? – послышался рык за моей спиной куда более четкий, чем моя речь.

Я повернулся к бармену и долго не мог понять, почему сегодня работает другой человек, не тот, что вчера? Впрочем, габаритами он не уступал своему предшественнику, манерами тоже.

– Я ищу журналиста. Вчера он был, то есть пил здесь со мной. Твой приятель должен его знать. Тот, что вчера разливал.

– Нет у меня приятелей, а вчера за стойкой работал я, – ложь можно разглядеть даже, когда хмель разводит глаза в разные стороны, – и никакого журналиста не было.

– Неправда! – выплеснулась обида как у маленького ребенка.

– Вали отсюда, или я тебя выкину сам!

– Да пошел ты!

И без того еле державшиеся зрочки на своих местах чуть ли не сошлись у переносицы в районе удара огромной кувалды из костей и кожи. Второй до безобразия огромной рукой бармен схватил меня за грудки с треском по контуру шва легкой летней рубашки. Заторможенная реакция помешала мне вовремя среагировать, уклониться от удара и провести контратаку, ну, или гордо отступить (такое я уже готовил

оправдание). Непременно все так бы и произошло, если бы не оглушающий хлопок ладошки по стойке. Звон в ушах еще не прошел, а рука сползла с поверхности и оставила после себя след в размере крупной купюры.

Бармен, человек отлично понимающий язык денег, охладил пыл и с натянутой улыбкой хватился за салфетку и стакан. Гул недовольства сорванного шоу прокатился по помещению бара, но быстро иссяк, когда здоровяк, разбогатевший ровно на 100 евро, включил телевизор на всю стену, где начинался матч серии А.

– Спасибо, – промямлил я, осознавая, что вряд ли способен оплатить резко возникший долг.

– За что? – говорящий приложил немало сил, чтобы сделать свой голос более грубым.

– За то, что купили мне целое лицо, – тайком взглянул на громилу, натирающего бокалы.

– Кто знает... Кто знает... Возможно, это событие перенесено на более поздний срок, нежели вовсе отменено, – чем больше я вслушивался в голос, тем чаще улавливал нотки знакомой песни, название которой «дежавю». Измененное сознание отказывалось верить в случайные совпадения.

Переполненная голова выработала вполне рациональный сигнал на прекращение разгульного отдыха и на отправку в родные края без лишних загадок и потасовок. Меня и вправду манила скрытая за яркими событиями истина, но все же жизнь было еще очень дорога. Это редкий случай, когда я

постарался взаимодействовать с логикой. Больше такого не повториться.

– Ты кого-то искал? Какого-то журналиста? – закрытая черным капюшоном и бейсболкой на американский лад фигура, что есть мочи притягивала меня.

– Журналиста, Александра Грина, ты его отлично знаешь, – пауза выдалась мучительной, но таковой она была не для меня одного.

Я наслаждался триумфом от выпавшей мне роли во внезапно возникшей пьесе. По лучшему сценарию выдающихся драматургов развязка в данном акте лихо взяла оборот и, выскочив из оркестровой ямы, оттолкнулась от авансцены и прошмыгнула за кулисы, где ей самое место. Наконец-то инициатива попала мне в руки:

– Ты и твой придурковатей дружок, который меня уже второй раз пытался убить, но как было сказано во время последней встречи: «Не стоит раньше времени», – с самодовольной ухмылкой я опрокинул содержимое стакана в себя и покосился на собеседника.

Опьянение от победы имеет более приятный вкус, чем от тошнотворных напитков, правда, в определенной ситуации очень скоротечно. А ситуация была определена двумя ручищами и ножом у горла, где-то в подворотне. Скорость изменений обстановки не позволяла мне вкусить сладкий плод славы. Но одно я знал точно: я сократил дистанцию.

– Как ты нас раскрыл? С кем ты работаешь? – в каждом

вопросе отчетливо отдавалась нервозность.

– Да, я дурака валял. Просто по пьяни угадал. Так бывает, – из-за всех сил я пытался избежать объяснений по причине собственного непонимания.

Это, действительно, было трудно объяснить. Как будто незримая нить, между нами, чье колебание отдается стуком сердца. Разве обязательно видеть лицо человека, чтобы почувствовать сильную по своей природе связь? Так ведь глаза бывает не видят. Уши бывает на слышат, а нос ничего не ощущает. И только сердце способно чувствовать вопреки целому миру, облик которого неосязаем, а границы невозможно установить даже их названием.

– Просто так не бывает, Данил Егоров, я в это не верю, – речь на русском, как ледяной душ, пробрала все тело и взбодрила разум.

Я опять на стороне обороняющихся.

– Акцент! Акцент! У твоего приятеля, Уго, хреново как с итальянским, так и с английским. Строчит, как из пулемета. Я сам не полиглот, но английский знаю неплохо. Дурацкая привычка вставлять «взрывные» звуки. И я слышал, как он ругался на кого-то сегодня: «Каброн, Каброн!» Неужели испанец?

Расстояние между горлом и ножом возросло, а в темных полных таинственной печали глазах появилось подобие уважения. Сколько раз я пытался всмотреться в эти глаза, но никогда не мог точно понять, что они хотят показать, так много

они пытаются скрыть.

Уго стоял в конце переуллка, дабы подать сигнал при появлении лишних. Жест своей напарницы он воспринял с негативом. Его растопыренные в сторону руки готовы были пощелчку женских пальчиков свернуть мне шею. Еще никогда моя жизнь не находилась в тонких нежных и одновременно сильных огромных размеров руках.

– Удар был слишком неожиданным, и мы не смогли как следует подготовиться, – девушка что-то невнятное болтала, но переведя взгляд на меня сразу же осеклась, – раз уж ты такой крутой сыщик, то скажи, что, по-твоему, происходит? Кто украл Саманту?

–Я... я даже предположить не могу. Какие-то странные родители, копам наплевать, второй раз за два дня чуть не убила та же самая шайка... еще и записка эта бредовая, – мой организм пылал, как театр военных действий с хреновыми актерами.

Злостная борьба за рассудок алкоголя и адреналина; противоречивые чувства ненависти и симпатии к девушке с ножом; страх перед открывающейся реальностью и смелый нырок в пучину приключений. Я плескался во всем этом чертовом коктейле, позабыв, что совсем не умею плавать.

– Записка? Что за записка? – почти потерянный интерес

вновь засиял в глубоких темных океанах. Впервые я ощутил на себе, что значит тонуть. Когда весь здравый смысл сопротивляется малейшей вероятности воображаемых отношений, и ты пытаешься ухватиться хотя бы за один малозначительный изъян, чтобы заложить его в фундамент антипатии, и это просто невозможно, вот что значит тонуть в глазах. Я даже не мог заняться поиском несоответствий идеалу, поскольку два симметричных изображения космоса по обе стороны от изящного изгиба переносицы заманили силой безнадежного притяжения. Горизонт событий пройден, а значит я навсегда потерян для этого мира. У меня вовсе теперь другая вселенная. И я готов в ней прожить вечность по собственной воле. Я предпочитаю плен ее глаз, нежели жить за пределами досягаемости ее дурманящего аромата духов. Как выстрел в голову она меня сразила, и я был счастлив.

Мой любовный порыв мысли прервался ударом в печень. Я был бы полным идиотом, если бы мне понравилась ее маленькая рука, сжатая в кулачок и сделавшая только что больно. Но в этом и заключается вся проблема влюбившихся, они те еще идиоты.

– Идиот! Чего ты замер? Давай отвечай!

– Я видел записку Ачелю Санторо, но в ней бессмыслица.

– Что там было? Говори! – бесконечная глупая радость пусть и временной необходимости во мне для этой прекрасной девушке пылала в груди.

– Эм-м... кажется... «Молись, пока ангел не простит».

– И все? – терпение иссякало.

– Фото, там было фото. Старое, черно-белое, – удар по печени спровоцировал работу в усиленном режиме всех непобитых органов, я как будто трезвел, но голова думать не хотела, – фото надгробного ангела-подростка и подпись...

– Подпись? Чья? – космос запылал огнем, как будто все сверхновые устроили фейерверк из череды разрушительных взрывов.

– Большие латинские буквы...

– Цвет? – этот взрыв был куда мощнее того, что называют Большим.

– Красный.

– Кровавый значит! Ну, что за буквы? – цвета зарождения Вселенной поражали своими красками.

– Кажется, SHT, – я выговорил буквы с трудом, как умственно отсталый.

– Может SHH? – их не воссоздать самому. Их можно только почувствовать и, дай Бог, хотя бы раз в жизни.

– Да! Да, точно! Только хватит меня бить, я ведь и так все рассказываю.

– Молодец! – девушка схватила меня за плечи и поцеловала в левую щеку, заставив меня смущаться как ребенка, – если мы покажем тебе место с фото, ты сможешь его опознать?

– Думаю, что да, – неуверенный в своих силах, я просто напрашивался на награду за помощь.

Завидев, что я все сливаю добровольно, приложив к этому нездоровую долю энтузиазма, а складной нож исчез в складках кармана, к нам подошел Уго.

– Все хорошо?

– Да, все отлично, так ведь?

– Да, все отлично, – повторил я, поглаживая себя в области синяков.

– Он нам еще пригодится? – испанцу натерпелось надрать мне задницу причем без надобности.

– А как же! Ты ведь все еще дружишь с Санторо?

– Ну как сказать. Ачиль явно дал понять, что нашей дружбе конец.

– Не расстраивай меня, Данил. Иди к нему и разведай обстановку, только ни слова про нас, а мы пока обшерстим кладбище. Ты не подведешь меня?

– Нет, – мне хотелось кричать, рвать рубашку, убеждая, что никогда в жизни не разочарую, но приходилось сдерживаться, чтобы не уронить под ноги последнюю каплю самоуважения, что с трудом получается у людей, чье сердце избивает грудь изнутри.

7

На пороге дома, где меня не будут рады видеть, я пытался определить свой статус. Кем же я стал за пару дней в Риме: тайным шпионом или мальчиком на побегушках безумных

фанатиков? Я будто шестеренка в шатком механизме, будто маленькая вовсе незначительная деталь в надвигающемся Армагеддоне. Я маленькая песчинка на большом диком пляже, но есть необъяснимая сила, что тянет меня в пучину. С каждой волной все сильнее и сильнее, а сопротивляться я не горю желанием. В любом случае, мне следовало разобраться с той недосказанностью, что повисла на руинах дружбы.

– Ты что издеваешься? – Ачиль явно проявлял не лучшие стороны своего гостеприимства.

Он непременно бы выкинул меня с лестничной площадки, если бы не коп, который любезно посоветовал хозяину квартиры впустить меня, чтобы провести короткую беседу. Мне придется его еще не единожды поблагодарить, хотя бы за спасение жизни.

Молодой парень, опаленный солнцем, с щетиной и с легкой небрежностью, навеянной многолетним опытом работы, в детском розовом блокноте помечал любое важное событие, выделенное из моих речей. Он с наигранным удивлением отреагировал на тот факт, что я был рядом с семьей Санторо, хотя ранее те утверждали, что были одни, когда их сразила няня ужасной новостью. Хитрый коп пытался раскатать лодку, в которую я по неосторожности залез и все никак не мог сообразить куда мне грести. Он спросил, не показалось ли мне странным, что няня не догадалась позвонить на мобильный, а потратила столько времени на поиски родителей? Тут Ачиль не выдержал и вскипел:

– Я же говорил, что работающий телефон со звуком в базилике – неприемлемо! Мы с супругой отключили свои телефоны! ЧТО ЗА ВЗДОР?!

Приятной внешности полицейский в совсем неновом слегка помятом костюме тактично ответил, сбавив градус своим спокойствием, что хотел бы исключить вмешательства со стороны в мои ответы. Вопреки какой-то необъяснимой симпатии я к Санторо, желая восстановить дружбу, встал на сторону горюющего отца. Впрочем, моя помощь обернулась лишними дополнительными вопросами. Трудно выбрать союзника, не имея представления во что играешь. Я будто вслепую играл в шахматы, не представляя, как ходят фигуры.

В ответ я выразил свое негодование по поводу того, что представители правопорядка только сейчас взялись за это дело, хотя мы обратились в участок сразу же, как укололись о страшные вести.

– А где тогда ваше заявление? Я пришел сюда лишь по воле слухов, которым я склонен верить, и, как видите, не прогадал. Дело очень странное и запутанное. И самое непонятное, почему отец, действительно, не обратился в полицию, как следует? – Ачиль находился в крайней стадии гнева, а я в тот момент вспомнил, как он нас отправил в гостиницу, когда в участке нашли нужного представителя правоохранительных органов.

– Я буду с вами разговаривать отныне только в присут-

ствии адвоката, а то боюсь, к концу глупого допроса, вы, доверчивый слухам, обвините меня, – хозяин опустил кипящую голову и вытянул руку в сторону, напоминая, где расположена входная дверь.

Сохраняя достоинство детектив виновато улыбнулся и воспользовался подсказкой. Что-то было в этом молодом человеке, что-то, что притягивало и уверяло довериться ему. Люди с таким сильным магнетизмом обязаны быть положительными героями, иначе тьма давно бы заволокла весь мир.

В безупречно белой рубашке, вырывающейся наружу из-под обтягивающей широкую грудную клетку жилетки, он еще раз записал мое имя и адрес проживания в маленький блокнотик, который не подходил человеку, относящемуся к своей работе серьезно. Он улыбнулся безнадежно грустными глазами и бесшумно скрылся на лестничном пролете.

– Что все это значит?! Данил, тебе же велели свалить! Даже билет оплатили!

– Что? Кто это «велел»? – в этот раз я решительно настроился добиться правдивого ответа.

– Какая разница? Ты ничего не сможешь понять! Будь добр, воспользуйся возможностью!

– Так как ты пользуешься возможностью найти Саманту?

В гостиной послышался крик и сразу же хлопок двери. Это Карлота не выдержала столь кошунственное упоминание имени дочери. Из красивой сильной женщины мать пропавшего ребенка превратилась в малахольную истерич-

ку. Она часами закрывалась в комнате дочери и рыдала до тех пор, пока не проваливалась в судорожный прерывистый всхлипываниями сон. Если для мужчины угасание жизни заключается в потере семейного благополучия, которое он не смог защитить, то для женщины – это медленная мучительная смерть из-за потери части ее самой. Со временем боль только лишь усиливается. Она прорастает изнутри, забирая все лучшее, что раньше служило поводом для гордости: красота, ум, доброта, умение жить. Чем сильнее приближается смерть, тем быстрее растет ее аппетит. В конце концов останется лишь созерцать за угасающей свечей, что загорается при рождении и гаснет в конце каждого пути.

– Данил, я тебя прошу, для твоего же блага, забудь, не лезь в это дело. Я сам разберусь, – Ачиль осознал, что рубить горяча бессмысленно, только если не хотел добить супругу криками и драками за дверь, поэтому попытался успокоиться и свести напряжение на минимум.

– Я уйду и больше не появлюсь, но скажи, разве этим не должны заниматься полицейские? К чему от них что-то скрывать?

– Не в этом случае, Данил, не в этом гребанном случае. Да, и что такое я скрываю от них?

– Хотя бы письмо с фото! Ведь его не просто так прислали. Ачиль рухнул на диван, подкошенный моими словами. Он был в отчаянии. Руками схватил голову и жалостно застонал. Я попытался подойти и по-дружески обнять его, думал ему

станет легче, но он лишь оттолкнул меня.

– Уходи, прошу, уходи и больше не появляйся здесь, иначе ты погубишь нас с Карлотой, – я не знал кому были адресованы слова, поскольку пустые глаза смотрели сквозь меня, – погубишь раньше времени...

Я двинулся к выходу, за дверью по ту сторону коридора было уже тихо, женский организм не выдержал и окунул сознание в омут мрачных сновидений. Неиссякаемую печаль я вынес в своем сердце закрыв входную дверь. Вышел на улицу и огляделся, потом еще раз и еще, еще... Меня никогда не покидало ощущение скрытой слезки. Самое страшное было, что они знали мою осведомленность, это им нравилось. Эта игра им доставляла удовольствие. Игра в жизнь и смерть. Игра на выживание... Игра, где невозможно победить...

8

Едва заметный миг радости поразил мое сердце, когда мои ноги загудели от продолжительной прогулки. Пустующие улицы возрожденного из пепла Содома вопили о моей непричастности к смертным грехам. Но, как только я перешел открытый участок площади и вновь нырнул в тень, сбив градус беспощадного пекла, то меня догнало осознание своей неосведомленности о местных нравах. Пробегающий мимо мальчик на ломанном английском объяснил, что скоро Папа римский явится народу, и каждый будет молить

его о благословении. Перспектива увидеть нового понтифика придала бодрости и направила в сторону торжества. Буквально на секунду я задумался, что может именно там под взглядом столь приближенного духовно к Богу человеку, под общий лик толпы, двинувшейся на встречу к протянутой руке, я краем сердца коснусь благодати и обрету подобие смысла жизни. Может там я впервые вдохну свежий воздух и улыбнусь чистому небу без ведомой на то причины, как делают те, что обрели счастье?

Вспотев от спринта по плавающей брусчатке, я залез в бушующее море из липких тел и высоко задранных рук со съемочной аппаратурой. Ничего не замечающие вокруг себя эти самодельные операторы локтями расчищали горизонт для съемки, топтались по ногам и толкались с невероятной жестокостью, которая, казалось бы, противоречит месту – сосредоточения всеобщей любви и безропотного покаяния. Такое ощущение, что в наше время, куда важнее доказать свое присутствие на событие, нежели само событие. Поколение первенства иллюзии и второстепенности действительности. Нам куда важнее красивая упаковка, чем содержимое.

Стыд пробирался все глубже и глубже, то ли с целью завесть там и пустить корни, или же спрятаться подальше от моих душевных порывов. Тем не менее, среди всех этих людей, есть и те, кто пришел на площадь Святого Петра с благородной целью подпитки духовной энергии, вскормить веру, узреть в себе свет, в общем все, что остается беднякам.

Я же влез без очереди как можно ближе к издали двигающейся машине ради простого любопытства, земного и эгоистичного. Я часто задавался вопросом, почему любопытство не сочли столь опасным, чтобы внести его в список смертельных грехов? Как по мне, то именно этот порок зачастую ложится фундаментом под многие злодеяния, что прокладывают прямую дорогу в ад. Другой вопрос: была бы моя совесть чище, знай бы я тогда, что у кого-то на главной площади Ватикана еще более низменные цели? Более опасные и куда более смертоносные...

Толпа редела по мере приближения папамобиля. Я как будто попал на безумный рок-концерт среди бела дня под испепеляющим светилом. Человек в белом одеянии лавировал на своей крохотной лодке по морю вскинутых ближе к счастью, рук. Я уже вполне четко описывал взглядом контур старческого улыбающегося лица. Глава католической церкви явно страдал от жары не меньше сумасшедших, окруживших его потными липкими телами, и все же бережный к сердцам верующих скрывал свою усталость. Он выдавил улыбку, на которую способен человек в его возрасте, когда люди уже не желают ничего скрывать и притворяться. И вот, когда между нами осталось всего каких-то 5 метров, а я был уверен, что понтифик одарит меня взглядом, в котором я прочитаю нечто преподнесенное мне судьбой, случилось то, что навсегда изменило мою веру в людей. Толпа еще не осознала откуда раздался громкий резкий звук, но сутана уже поменя-

ла цвет. Белоснежно чистый оттенок доброты и преданности высшим силам внезапно окрасился в кроваво-темный цвет в районе левого плеча. Я не смог ухватиться за момент резкого перехода из молитвенного крика в дикий гул. Я все пытался понять откуда чернеющая клякса возникла и почему так интенсивно распространялась. Все это произошло быстро в сопровождении резкого хлопка со вкусом пороховых газов, и тут же послышался еще один. Если хлопки и были еще, то они утонули в реве толпы, в тот миг нас накрыло цунами безумия, и погребены были все, кто не смог продавливать путь через других.

Два пронзительных выстрела, паника, давка и полное отсутствие ориентации в своих действиях. Чья-то могучая рука толкнула меня в спину, что послужило причиной удара об землю. Все эти бегущие люди будто бы раскручивали карусель, то ускоряясь, то замедляясь по ее платформе. Я попытался глубоко вдохнуть, но ребра сжались под нажимом подошвы, предположительно 41-42 размера, как пальцы в кулак. Странно было себя ощущать чьим-то мостом, соединяющим место, где убивают среди бела дня, с призрачным состоянием со стороны озверевшей толпы. Среди мелькающих ног черным блеском на меня внезапно низошло спасение, осталось только до него дотянуться, и даже оттопанная кисть продолжала бороться. Я видел жизнь в устройстве для ее прекращения. Я тянулся изо всех сил не понимая, что я хочу получить, как часто это бывает в минуты неконтроли-

руемой паники. Когда идея слишком объемна и слишком далека от границы сознания, то ее претворение в жизнь сводится к отдельному выполнению частных целей, лишь незримо связанных красной лентой. Неужели в тот момент мысль была так сильно окутана бредом, что единственный выход избавиться от нее – это вытолкнуть из головы с помощью свинца? Или все же я хотел схватить выбитый из рук пистолет и стрелять во всякого, кто решил меня втоптать в площадь? Трудно было сказать, какое чувство взяло вверх над мной. Я злился или молил прекратить, уговаривал остановиться или готов был отомстить... Добить вывалившегося из автомобиля Папу римского, чтобы он не мучился, как тезка – апостол на этом же самом месте? А может запустить пулю в лоб злостного лица Лоренто? Лоренто? Откуда он взялся? Нас разделяли каких-то 3-4 метра и быстро передвигающиеся ноги. Вены на его шее вздулись, а изо рта летела пена, частично оседавшая на всклокоченных кудрявых волосах. Он кричал не на меня, но всему миру, а мир вокруг него рушился, утопал в потоке безумия:

– Суки, за Джона!

И я и кудрявый француз – прижаты лицами к полу. Только я по случайному стечению обстоятельств, а он по причине накинущихся яростных католиков. Нет страшнее человека, чем тот, кто способен сражаться за то, чего не понимает.

– Ты как приятель? – руки помощи полицейского вытянули меня со дна.

С юлой вместо головы я кое-как ухватился за точку на горизонте и что есть мочи ловил равновесие. Спасти мое положение и направить на путь истинный попытался Иоанн Креститель, безучастно вззирающий свысока на все это безобразие вот уже столько лет.

– А-а вот и он! – тот же самый усатый коп подобрал улику аккуратно двумя пальцами.

Меня поразили уровень его профессионализма. Сохранять спокойствие в самом пекле апокалипсиса. Или же он просто дурак и слабо понимает разницу между постановкой и хлесткой реальностью. Полицейский, не торопясь, разогнул спину будто бы поработав на грядке у себя на огороде и основательно осмотрелся. Никто из пробегающих мимо его чудом не задел, как бы тот широко не расставлял руки, упертые в пояс. Такие люди кажутся всегда не на своем месте, но в этот раз мир нуждался именно в нем, именно здесь и именно сейчас. Я это чувствовал сердцем, чудом не раздавленным под натиском спасавшихся.

Преступника уже вывели с площади, но я знал, что у него есть сообщник. В толпе трудно было разобрать, схватили ли второго, но в далеке эхо изредка надрывалось:

– Это вам за Джона! Джон будет отомщен!

9

Безумные несуразные сны так плотно вошли в мой жиз-

ненный круговорот, что, проснувшись в отеле, я даже не придал особого значения, как я здесь оказался. Треск головы по швам свел все размышления на нет. Лучше всего в такой ситуации включить что-нибудь легкое и соответственно бесполезное, с чего не слезает половина человечества. Я зашел в интернет и движением большого пальца стал подбирать контент под предстоящий глупый, но спокойный вечер. Не удалось! То и дело мелькали намеки на страшные события в Ватикане, и когда уже пазл сложился против воли упертого неверия, то игнорировать правду стало невозможно. Довольно редкое явление в нашу эпоху.

«Покушение на Папу римского! Папа Петр II в тяжелом состоянии! Понтифик срочно доставлен в больницу с огнестрельным ранением! Террористы в центре Ватикана!» Заголовки новостных каналов пестрели пугающими словосочетаниями. Даже мое скептическое отношение к вере не помогло пережить эти события с весомой долей безразличия. Я соболезнавал пролитым слезам в немой молитве. Рим почти что был затоплен.

Безразличие – это отличный выход из ситуации, когда сердце сжато как фольга. Да, это порождение многолетнего опыта, и на пустом месте оно не возникнет. И, все же, я безуспешно старался снизить болевой порог жалостливой части души, но что-то мне препятствовало. Я как будто был связан с тем, что происходит с учетом всех тщетных попыток оборвать эту связь. Накануне весь день я давал показания в

полицейском участке, отчасти из-за того, что шок буквально выбил из головы все английские слова, подходящие к сложившейся ситуации, а от части установленного мною фильтра из-за боязни сказать что-то лишнее. Трудно оставаться немым, когда крик рвется наружу.

В срочном выпуске новостей показали, как оба задержанных из-за суматохи среди полицейских встретились у дверей одного участка. Прямо перед камерами голодных репортеров Лорент и Камиль вцепились друг в друга и сжались так сильно, насколько позволили наручники и пустоголовые копы, в чьих обязанностях – исключить любой контакт между обвиняемыми. Когда их начали растягивать как слипшиеся на солнце мармеладные фигурки, Лорент скривил лицо, как этого требовала выдержка обреченного человека, лишь бы не зарыдать на публике, которая не достойна его слез. Камиль же был беспристрастным, но все изменилось после первой слезы близкого друга. Француз арабского происхождения бросился еще раз в объятия, но был остановлен. Он брыкался в приступах сопротивления, словно дикая кошка. Они смело пожертвовали своей свободой, даже готовы были отдать жизни, но разлука была для них невыносима. Я заметил за пленой безумия едва уловимый признак угасающей надежды на справедливость и понимание. Есть в мире тип людей, действующих по непостижимым законам, открытие которых пока еще бережет далекое будущее. Таких людей не любят, их сжигают на кострах, обвиняют в ереси, сажа-

ют в темницы, пытаются и несправедливо арестовывают, но тот след, что они оставляют в истории, настигает угнетающих, стыдливо заглядывающих в глаза воздвигнутым монументам.

– Лорент! Лорент, слышишь меня? – Камиль кричал во все горло, – милостью Божьей, мы зажжем сегодня в мире такую свечу, которую, надеюсь, никогда не загасить!

Вся поверхность тела была захвачена мурашками. Они были повсюду, во всех изгибах и переходных местах; они прокрались вовнутрь и всполошили содержимое желудка. Рвотный позыв выкинул меня из кровати прямым к унитазу. Это все не может быть правдой. По вискам раздавались удары. Рок судьбы сначала легонько, почти что с заботой, постукивал по голове, постепенно увеличивая напор. Сейчас же это уже не стук, а скорее избиение. Взрывное барабанное соло с дикими брейками и открытым хай-хэтом.

– Сеньор, откройте!

Звон в ушах и боль сменила дезориентация в пространстве и времени. Если меня не добьют очередные загадочные события, то, ясное дело, этим займутся полицейские. Они везде одинаковые, эти грубые руки власти.

За дверью стоял брнет со слегка смуглой кожей. Он был в отглаженных, но слегка затертых брюках и в подтяжках, облегающих белую рубашку с закатанными рукавами. Его сверкающие глаза и ехидная улыбка отлично дали понять, что знакомиться нам не придется.

– Опять вы? – подобные встречи не идут на пользу психологическому здоровью.

– Опять я, что меня очень радует, – детектив слегка поклонился и, воспользовавшись нашим знакомством в доме Санторо, вошел в номер без приглашения.

Зоркий взгляд прошелся вмонтированным в глазном яблоке робокопа сканером по всем уголкам комнаты, от чего мне стало невыносимо, особенно, когда в поле зрения попала бутылка дешевого пойла, что успокаивала меня перед сном. Я решил прервать попытку повесить на меня ярлык обвиняемого в чем-либо:

– Чем-то могу помочь?

– Сеньор Егоров, – незваный гость повернулся ко мне лицом и достал из кармана детский розовый блокнотик, – знаете ли вы, что произошло вчера утром на площади Святого Петра? – быть в Риме и не знать о таком вопиющем случае как протест вменяемости. В его глазах я был человеком, способным на такое.

– Чего я не знаю, так это вашего имени, не под стать вам.

– Оу, простите меня, Данил, мне на секунду показалось, что в доме у сеньора Санторо мы были представлены друг другу, – хитрый лис играл в игру под названием «Я все про тебя знаю», но я решил его переиграть и победить в игре «Пошел ты...» – Гаспаро Фалько, веду дело о покушении на Папу римского.

– Или о пропаже Саманты? – я дернул не ту струну, фаль-

шиво взял аккорд и косолапой походкой прошелся по уху новому знакомому.

Тем не менее мне казалось невероятным то, что два столь громких дела доверили одному человеку, к тому же известно, как много почтения отдают опыту работы в данных структурах. Что-то мне подсказывает, что о покушении на главу католической церкви, за дело возьмется самый опытный человек во всем Рима. Так еще и маленький розовый блокнотик намекал об инфантильности, что могло только воспрепятствовать успешному раскрытию дела. Все вокруг моего путешествия складывалось весьма странно.

– Вы не единственный, кто надо мной смеется, таких целый отдел, если не весь участок, но я уверен, что эти два дела связаны, – грустные воспоминания в едва ли заметных в сумрачной комнате глазах под конец предложения вспыхнули и оставили после себя тлеющие угли, прожигающие лицо.

– Тогда боюсь предположить, что и я как-то связан, – я бросил кости на удачу вслепую, не продумав ход.

– Возможно! – Гаспаро уставился на меня так пристально, что мне почудилось неловким само мое существование, из-за чего сработала защитная реакция в самом ее наиглупейшем варианте – дебильной улыбке.

– Я уже дал показания вашим коллегам.

– Ваши соседи по отелю стреляли в понтифика, ваш единственный друг в Риме теряет дочь с вашим появлением в этом городе, – под градом фактов улыбка медленно стекла с

лица, – где вы, Данил, там и неприятности, причем масштабные неприятности, – после короткой отдышки полицейский вновь набрал обороты.

– Я не знал, что они жили рядом со мной, – нужно было добывать версию, озвученную в участке, до победного конца.

– А девушка на ресепшене утверждает обратное: вы не только знали, что они живут в одном с вами отеле, но и знали их имена, прежде чем они прогремели во всевозможных СМИ, – пометка в блокноте и твердый пронзающий взгляд. – Вы искали французов очень требовательно, – последнее слово Гаспаро вычитал из своих записей и несколько раз наглядно подчеркнул.

– Совсем вылетело из головы, – моя притворная игра была ужасна, – дело в том, что на площади меня сбили и хорошенько пробежались по затылку. И-и-и... если уж честно, у меня кое-какие проблемы с алкоголем, – на самом деле я считаю, что у нас с ним отличные взаимоотношения.

– Вы еще и были на площади, – очередная запись в блокнотик для первых девичьих секретов.

Напряжение дошло до пика, чего я больше всего остерегался. Тяжелый день, тяжелая голова и отсутствие какого-либо опыта в подобных спорах свели мое сопротивление на нет. Прижав самого себя в угол неумелым блефом, я выпалил все, что знал о Лоренте и Камиле. Как будто надувной шар с водой лопнул. Пока опустошался мой тайник знаний, чувство легкости набирало силы. Мне становилось проще ды-

шать. Видимо, подсознательно я понимал, что этому человеку можно довериться, но не знал почему. Возможно даже из-за страха... Но не перед ним, а перед чем-то намного большим и могущественным, настолько, что я не мог этого понять. Больше я не сказал ни слова.

Не имея толком друзей за столько лет, я взвалил на себя слишком много, и вся эта недосказанность буквально придавила к земле. Впервые я смог довериться и немного встать с онемевших колен. Некая воздушность мимоходом зацепила меня, но тут же улетучилась, словно ее и не было вовсе. Как только история соприкоснулась со скрытой камерой, с письмом Санторо, со странной шайкой не пойми кого, я с новой силой обронил на себя груз чужих тайн. Свобода так мимолетна, что по-настоящему ощущаешь ее только после того, как ослаб аромат ее духов. Поначалу он еле уловим, но на прощание оставляет послевкусие, с которым не сравнится сама жизнь. Остается только утешать себя воспоминаниями.

– Что ж, сеньор Егоров, если на этом все, то я вынужден удалиться, ибо не все постояльцы еще опрошены.

Гаспаро Фалько встал с кресла и двинулся в сторону двери. Когда я вплотную приблизился к нему, чтобы без промедления захлопнуть дверь, он резко обернулся:

– Если что-то вспомните, – коп смотрел уже не в глаза, а куда-то ниже, куда-то в район сердца, в самую душу, – то вот вам визитка. Это мой личный номер. Звоните в любое

время.

Гаспаро вонзил мне в руки карточку из дешевого материала и устремился к лифту. Я прождал еще какое-то время на пороге, пока Фалько не зашел в кабину лифта. Я хотел ему махнуть рукой, но он не обернулся. Раздвижные двери закрылись за его спиной.

Странно, настолько противоречивые чувства я больше ни к кому не испытывал. Не знаю почему, но он мне точно понравился, хоть и пытался капнуть под меня. Я уверен, что Фалько поможет мне, когда я буду больше всего в этом нуждаться. Люди с таким твердым взглядом, который защищает тайны, покрытые страшным прошлым, способны ворваться в горящий дом и вытащить на себе пару жильцов, но перед этим потратить пару секунд, чтобы переложить маленький блокнотик в более безопасное место. Что же он так усердно уберегал? Может быть память? Или обещание?

10

Запланированная трагедия, куда проще переносится, чем томительное ожидание перед лицом неизведанного. В этих чертах, морщинах и изгибах, как правило, таится куда меньше тайнств, нежели в наших накрученных на пустом месте мыслях, но все же, даже небольшая доля непредсказуемости вносит весьма неприятный характер в стабильность миропорядка. Когда знаешь, чего ожидать, то само ожидание при-

обретает более сносный вид, с которым можно смириться, пусть оно и выглядит на первый взгляд чудовищно. Какой-то необъяснимо тяжелый груз сдавливал грудь, затрудняя дыхание. Воздух со скрежетом протискивался через пересохшее горло, издавая скрипучий свист, при том, что легкие полностью не расправлялись. Мою душу защемило, от чего из-за изнывающей боли, она вопила ужасно противным лязгом, тонувшем где-то внутри. Я не мог найти ей место, где было бы спокойнее, где можно было бы расправить плечи и ничего не бояться, хотя бы 5-10 минут. Теплый душ. У окна на подоконнике. Перед телевизором. В глубинах интернета. На сайтах для взрослых. На страницах не очень интересной книги. Все это – предвестники душевных терзаний в заточении современных благ. Глазами я постоянно искал выход из ситуации, будто бы он имел физическую оболочку, будто бы он вообще мог существовать. Окно. Розетка. Шкаф. Ковер. Что-то не так. Я устроил спринт глазами по всему помещению. Что-то не на своем месте. Стул и стол. Электрический чайник. Вентиляция. Я как робокоп сканировал комнату в поисках пугающей меня реальности. Люстра. Мои кроссовки. Коврик у входа. Конверт... Стоп! Конверт!

Я явно схожу с ума. Я сбегая с ума! Такой бешенный темп!

Откуда взялся этот счастливый билет на волю из незримой темницы? Куда важнее, как давно он лежит у меня под носом? Если бы я его не заметил, оставаясь в своем тесном

маленьком мирке, смог бы я и дальше продолжать существовать, не имея особой цели в жизни?

Сердце колотило до боли, я даже почти задохнулся, так страшно было открывать неизведанное. И всего лишь одна строчка без объяснений и без намека на улаживание моего психологического здоровья. Признаться поначалу я даже расстроился.

«У заднего входа. 17:40»

– Уборка в номере, – приятный голос пролетел эхом по коридору.

В один прыжок я вылетел из помещения, в котором забаррикадировался на сутки, и решил вытрусить всю информацию из горничной путем блиц-опроса. Но как только я оказался за дверью, девушка закатила свою тележку за угол. Желание вести борьбу за правду пропало с приходом понимания моих намерений. Это было бы слишком глупо, а в этом деле я и так изрядно преуспел. Надо научиться сдерживать свои порывы, они могут сыграть плохую шутку. К тому же, тележка с чистыми белоснежными полотенцами и моющими средствами одиноко ютилась в конце коридора сразу за поворотом.

Часы пробили 17:25, а я уже во всю летел вниз по лестнице, обгоняя лифт и собственные мысли. Я был не в силах больше ждать. У заднего входа изнывая от предвкушения я простоял мучительных 20 минут и уже почти уверил себя в чьей-то дурацкой шутке, как из соседней улицы слышал-

ся визг резины и нервный рокот мотоцикла. Это точно была она... Я это знал наверняка.

Зрачки расширились со скоростью пропорционально приближению звука мотора. В общем, глаза чуть не лопнули. Трудно сказать от чего у меня заколотило сердце в такт эстетического удовольствия: или это от изящных форм, подчеркнутых кожаным костюмом в самой подходящей позе для женского упругого тела или все же от изгибов полимерных матриц углеродного волокна с вызывающим ярко-красным цветом и со скромной надписью его величества знаменитого итальянского производителя.

Чертовски сексуальная представительница мифического пантеона верхом на Ducati: Superleggera V4 приехала забрать меня, вот ради чего я все еще живую, ради этого даже стоит умереть.

– Выбирай здесь и сейчас: либо ты с нами, либо лучше уезжай домой, как можно скорее, – мотоциклистка вздернула визор вверх и обожгла меня взглядом.

– С вами это с кем? Ты и Уго? – хоть я и пытался докопаться до истины, прочитав весь мелкий шрифт в незримом договоре, подsunутом мне под нос с визгом двух колес, все же, я уже был согласен без шанса на отказ. – Сначала я думал вы бандиты, потом секретные детективы, но, честно говоря, не знаю даже насколько это важно. Кто вы?

– Мы лишь малая часть, – она вздохнула, судя по всему, ей было неприятно продолжать, – я думаю, что ты понял с чем

мы боремся, впрочем, это всего лишь один кусок огромного мерзкого пазла, и тем не менее... – девушка долго обдумывала, что добавить, – ты нам нужен, не знаю повезло ли тебе с этим или нет, но это так. Ты стал ключевой фигурой в деле о пропаже, потому что через тебя мы можем поддерживать хоть какую-то связь с семьей.

Впервые в жизни меня снабдили надеждой и чувством надобности во моей персоне. Людей, дарующих такие эмоции, нужно хватать и не отпускать, что я и сделал после слов:

– Ну-у, быстрее решай, мотоцикл не мой! Скоро его будут разыскивать.

Нам двоим было тесно, но меня вынужденная близость радовала. Я схватился за спортивную фигуру и не отпускал ее талию, пока встречный поток ветра не перестал угрожать броском на проезжую часть без шлема и остальной экипировки. Где-то глубоко в сокровенной молитве за сохранение жизни я надеялся, что безумный водитель уже выжал все конные силы из железной дуры, но каждый дорожный знак, пролетающий мимо все быстрее и быстрее, разбивал вновь возникшую надежду все с большим всплеском. Мы могли обогнать молнию, если у нее найдется достаточно дерзкой наивности потягаться с итальянским символом скорости и качества. Я сильнее вжался в теплое желанное тело, тем самым покрывая желанием неподдельный страх. Радовала только возможность погибнуть, обнимая свою мечту. Даже при падении я с радостью возьму сокрушительный удар на

себя, подставляя под твердую поверхность незащищенные участки тела. Я готов отдать свою жизнь, но не знал за что. Изю всех сил я не хотел сознаваться, что я стал фанатиком. Это страшные люди, для них стерта четкая грань между жизнью и смертью, между реальностью и большой фантазией, навеянной бреднями лжепророков, чья цель – завладеть как можно больше доверчивыми душами.

Обескураженный изгибами талии в идеальном тандеме с формами байка я погрузился в нирвану. Мое пребывание в этом осязаемом мире можно было зафиксировать по силе хватки за кожаную куртку. На самом же деле я маневрировал между святыми землями, возвышаясь как можно выше к счастливому случаю. Обогнав колесо сансары, я будто бы избавившись от кармы, едва касаясь лепестка с запотевшими каплями расы, возвысился к облакам и чуть было не рассыпался как салют над головами ничего не понимающих людей. Если можно назвать высшей мерой наслаждения, то это была явно она. После принятия неизбежного. Я не мог уследить за маршрутом, так как это проекция чего-то, что стоит выше, чем амбиции, гордость, желание бесконечно что-то доказывать и борьба за власть. Весь наш мир – проекция любви. Той любви, которая может долгие годы таиться в пучины сердечной мышцы и ждать своего часа, порой даже всю жизнь. Для меня время настало. Я влюбился целиком и полностью. Я влюбился и хотел кричать об этом каждому мелькающему автомобилю. Пусть все знают, как сильно человек

может быть счастлив, как сильно человек может повязнуть в другом человеке. Я прекрасно понимаю несуразность моих вспыхнувших чувств, но этот огонь испытывал голод, а потому и полыхал. Я не противился ему, но дал ему то, чего он так желал. Да, я ее совсем не знаю, она меня использует и чуть не убила, но, как известно, логика чувствам не подскажет. Чаще они находятся в противоположных лагерях. Туман в глазах рассеялся, когда городской рельеф сменился лесистой местностью. Где-то за кромкой деревьев слышался плеск воды, отдававший приятным соленым послевкусием безграничной свободы, утраченной добровольно и навсегда.

– Успели! – девушка – загадка заглушила железного коня.

– Что мы тут делаем? – я спрыгнул с непредназначенного на двоих Ducati Superleggera V4 и огляделся вокруг. Солнце сбрасывало последние лучи на затекшие ноги. Жара уже спала. Надвигалась темнота.

– Решаем твою судьбу, Данил, – водитель супербайка скинула шлем, подарив мне свой взгляд, который затягивал, который пленил, который мне не забыть.

– Может хоть имя свое скажешь?

Сканирование меня глазами и оценка как достойного знать ее имя слились в ехидную улыбку чуть вздернутого правого уголка припухших от природы губ. Я любил, когда она так делала. В такие моменты понимаешь, что девушка полностью владеет обстановкой.

– Бояна. Больше тебе пока не за чем знать, – она протяну-

ла руку, а я испытал наслаждение ее пожать.

Бояна... Бояна... Бо-я-на... Шелест эха пробежался между извилинами, отвечающими за контроль и самообладание.

Мы молча пробрались через заросли пиний и вышли к стенам какого-то городка. В воздухе витал вкус Средиземного моря, и его было так много, что первым же глотком я чуть не подавился. Жадно глотать соленый бриз получается только в том месте, где нет туристов, где шум накатывающих на скалы волн не заглушается громкими голосами, где природу не пытаются поддавить под себя. В таких местах свобода будоражит. Я бы даже сказал пугает.

Первый вывод я сделал правильный: маленький городок, лишенный славы, а вот второй – разбился об волнорез со всплесками крайнего удивления и шока. Бояна привезла меня сюда не ради романтической прогулки, на первый взгляд эта девушка вообще лишена сентиментальности. Но, как правило, бывает, что тяга выставить напоказ отсутствие каких-либо душевных порывов, на самом деле, говорит об обратном. Это всего лишь попытка снизить значимость определенной стороны своей натуры, которая может утянуть на дно.

– Буду с тобой предельно честна, – Бояна собиралась мыслями, – ты нужен нам, мы крепко схватились за твою наводку по записке и... – почему-то слова ей давались с трудом, – и я уверена, ты еще на многое способен.

Я молча гадал, очевидцем чего я внезапно вдруг стал:

неумелого комплемента или робкого начала пред чем-то настолько могущественным и ужасным, от чего сама реальность попадает под сомнение.

– Тебе не кажется вся эта ситуация с Самантой Санторо странной? – наивный вопрос взрослого человека всегда добавляет каплю умиления в стакан с жидкостью выдержкой крепче любого спиртного.

– Странной? Да, это же дурдом! Сначала пропажа, потом эти полицейские начали поиски спустя сутки, потом журналист, взбешенный Ачиль с несуразными указаниями, записка, скрытая камера, покушение на...

– Камера? – Бояна нахмурила свои черные брови и стала еще прекрасней.

– Да, камера. За решеткой вентиляции была ка...

Девушка заставила меня заткнуться, швырнув мое брэнное тело в стену старинного дома. Резкое изменение в поведении меня застало врасплох. Начался обыск. Измерительный прибор негодования зашкаливал. Как будто маленький сынишка пришел домой с запахом марихуаны, а строгая мама теперь проверяет карманы. В целом я был не против ролевых игр, но вот только Бояна слишком вжилась в роль строгого родителя и достав телефон из моих штанов отправила его в далекое плаванье.

– Эй... какого? – мне опять заткнули рот.

– Твой друг ведь трубку не берет, не так ли? – на мой испуганный вопрошающий взгляд девушка сжалась и отве-

тила, – иначе ты бы не был один. Либо домой туда к нему, либо он сюда к тебе.

Я знал Андрея очень давно, но задумался насколько сильно наши отношения тянут на дружбу только сейчас. Вряд ли это тот самый человек, ради меня, который бросился бы через пол мира, забыв про важные дела или хотя бы перезвонил после сотни пропущенных. Жгучий удар по щеке от судьбы с подлым смешком во всеуслышание: «У тебя нет друзей!» Подобное погружение в реальный мир может быть опасным. Далеко не каждый готов на такой прыжок из своей теплой привычной матрицы, к которой, признаться, уже развилась зависимость. Разум не способен так быстро привыкать к изменениям во время путешествий. Его нужно готовить, постепенно делая шаг все дальше и дальше. Прыжок может повредить хрупкое равновесие. И все же, времени на подготовку у меня не нашлось.

– Странностей и правда предостаточно, – Бояна ослабила хватку, но строгость в голосе не исчезла, – и все они имеют связь и закономерность, – девушка выжидающе косилась на меня, – придет час, и ты сам себе их все сможешь объяснить.

– Ты хочешь сказать, что это все едва ли можно назвать случайностью? – я окончательно запутался в той липкой жиже, куда по своей глупой воле не так давно нырнул с головой.

– Да, но правда куда уродливее, чем твои воображаемые варианты. Вопрос в том, готов ли ты? – мы остановились и встретились взглядами.

Девушка с глазами – космосом испытывала меня, проверяла на прочность. Космос не любит слабаков. Его покоряют только смелые, надежные люди. Если не готов рискнуть всем пред шагом в неизвестность, то лучше не задирай голову к звездам, они так ближе не станут.

– Готов! – и спустя оставшееся время жизни, на пороге в преисподнюю, я не могу понять зачем тогда соврал.

– Ну, это мы скоро узнаем, – ее ухмылка меня раззадорила. Скорее всего, именно этого она и добивалась.

– Скажем так, есть очень плохой человек, настолько он ужасен, что царство Аида закрывается на технический перерыв, когда он орудует.

Первая шутка Бояны за все время вызвала нервный смехок, чье развитие в большой заразительный хохот уперлось в серьезное, обрамленное красивыми чертами лицо.

– Этот человек... этот урод без моральных принципов и рамок, – эти слова произнесены были с особой тяжестью личного опыта, – ради своих больных извращенных фантазий готов погубить жизнь ребенка, – пусть Бояна не кричала, но это было похоже на истерику, – ублюдок вдвойне гадкий, ибо в его святых обязанностях – предотвращать подобное... – девушка резко осеклась.

Моя жизнь в одиночестве превратилась в рассыпанный конструктор, а я все никак не мог его собрать. Чего-то не хватало в общей картине. Пару фрагментов никак не хотели соединяться друг с другом, или я так сильно боялся при-

знать себе в своих догадках, что предпочел спрятать их за стену глухого молчания и слепоты.

– Ты сможешь наказать педофила? – слова взорвались в воздухе как атомная бомба. Огромный смертоносный гриб в тысячи раз превышавший размеры наложенного на него большого пальца обжог возникшим импульсом, несущим крик заката цивилизации. Ударная волна заколотила по барабанной перепонке, как будто отрабатывая на ней реакцию боксера с превосходно работающими руками. Звон в ушах заглушил даже голос автотрассы. Беспросветная пелена застелила глаза, а вся влага на стенках горла вмиг испарилась, оставляя за собой жгучий след. Стена, на которую я опирался, пала...

– Я ... не знаю. А разве не полиция должна заниматься этими людьми? – вопросом на вопрос я просто хотел затянуть ответ по времени.

– Полиция? – нервный смешок, – девчонку быстро они принялись искать? Им плевать, что делает рука, которая их кормит!

Я озирался по сторонам в поисках помощи. Бояна оказалась сумасшедшей и ее срочно требуется госпитализировать. Как сюжет голливудского триллера просочился через экраны в настоящий мир?

– Готов или нет? – огромный метеорит вот-вот рухнет на мою голову.

Я еще раз огляделся. Это был тихий пригородный насе-

ленный пункт с небольшими двухэтажными домами. Старинная деревушка, где время потеряло свою власть и застыло на пару добрых веков. Катастрофа, которая вот-вот вспыхнет в таком тихом и уютном месте, сметет с лица земли все человеческое, что я видел за свою жизнь. А я должен принять в этом участие.

– Не могу так сразу ответить, а вдруг его вина не доказана?

Пустынные улицы и темные переулки. Ни одной души. Как будто люди знали о предстоящем.

– Их уже кто-то предупредил, – подумал в тот момент я.

– Нет! Они знали, чего стоит бояться, – поправлю сам себя, когда правда

откроет свои отвратные тайны.

– Поверь мне, доказательств предостаточно и твоя нерешительность добавит еще одну жертву. Все местные жители покинули свои дома в поиске спасения от жары у морского берега, а те, кто все же остался дома, закроют наглухо ставни и не увидят ничего в упор. Так здесь заведено: не хочешь, чтобы твои дети страдали – молчи, когда видишь чужие слезы. Пусть даже они проникают в сердца слепых и глухих по принуждению, и разъедает до жгучей боли в груди, от которой вопли рвутся наружу. Но еще ни один крик не колыхнул морской бриз. Здесь тихо как на кладбище, и, действительно, это место можно смело так назвать.

– Если ты говоришь, что даже полиция не хочет вступать в эти дела, то что можем сделать мы?

– Наказать урода! Мы не убийцы, но покалечить свинью за все его заслуги это с радостью! Мы должны выбить всю его подлую похоть! Раздавить его мерзкие порывы!

– Я никогда никого не бил, – где-то внутри меня скулил щенок.

– Соберись! Он за углом, – Бояна понизила голос и слегка подтолкнула меня к стене, – сделай чью-то жизнь лучше! Накажи гада! – странная акция в пугающем мире.

Как только я повернулся лицом к проулку, за спиной слышался щебет птиц, которых я не слышал, как затих мотоцикл. Тишина даже после подражания природе осталась мрачной и давящей. При жизни такой тишины не бывает.

Ведомый железной хваткой женской руки, поджав кулаки я выпрыгнул из-за угла и чуть было не нацелился на случайного прохожего. Мужчина раза в 2 старше меня отпрыгнул от сумасшедшего и не спеша просканировал того самого полоумного смирительным взглядом с нескрываемой долей презрения. Когда очередь дошла до побелевших кулаком с поджатых губ сорвалась исповедь:

– Не надо, сын мой, злодействовать, – быстрый перескок с итальянского на английский и обратно, – деньги, добытые таким путем тебе ничем, не помогут. У всех у нас бывают сложные дни, но Господь никогда не пошлет на тебя больше испытаний, чем ты можешь вынести. Оставь задуманное и позволь мне помолиться вместе с тобой, за твою заблудшую душу.

Я не в силах это выдержать. Я не мог находиться здесь между глухими стенами домов и с повисшими от ужаса руками. Я чуть не избил священника, старого и трясущегося, из-за какой-то нелепой наводки. Куда еще меня может привести слепая вера в свое участие в чем-то по-настоящему важном, в чем-то более грандиозном, чем все мои предыдущие годы вместе взятые. Я так сильно к этому стремился, ухватившись за шанс, что не смог разглядеть ту линию, которую переступить не стоило. Тяга к великому, пусть даже всего лишь подсознательно осознанно великому, ломает те хрупкие преграды, которые мы лично воздвигаем по мере социализации и гордо называем маралью.

Невнятно я бормотал извинения, а святой отец все повторял и повторял молитву, все громче и громче. Грудь сдавливал каждый глоток колючего воздуха, насыщенного чем-то, скользим и неприятным на вкус, как и эта ситуация. Только я развернулся для побега от совести, как меня смирил взгляд из двух одинаковых глубинных ночей. Такие темные притягательные глаза, и такие беспросветные мысли в голове. И это мой плен, я обречен. Я добровольно сдался, залез в окопы, лишь бы ни на метр не отдалиться от центра Галактики, вокруг которой кружится в хороводе со смертоносными пожирателями миров моя жизнь. Забыв значения слова «свобода», я поменял свой жизненный уклад, порядок мироздания и чувственную долю моей личности, лишь бы ни один аргумент против, не обрел достаточно силы, чтобы скинуть

с себя гнет бесконечного притяжения.

Бояна не заставила себя долго ждать. Свист, сорвавшийся с ее губ, ознаменовал конец молитвы за чью-то чужую душу и начало за свою жизнь.

Не успел я обернуться, как священник уже корчился на земле под натиском двух пар обуви, похожей на армейские берцы. Парни, которые вылезли из темноты, куда обычно не заглядывает даже сам черт, не жалея сил проявляли свой талант. Они колотили старика с особым наслаждением, которое заключалось в том, что прикладывать не всю свою силу, а ее значительную часть, лишь бы не убить по случайности, но с максимальным убеждением донести посыл своими действиями. Они желали продлить процедуру изуверства как можно на больший срок.

– Вы с ума сошли? Он же из церкви! Он только что молился за меня! – я умолял остановиться, но немые стены не нарушили обед молчания.

Бьющим от всей души от этих слов стало только веселее. Богослужитель кряхтел в такт каждого удара, как вдруг за углом послышались шаги. Шум, исходивший от них, не сулил ничего доброго, так бывает, когда твои чувства обострены, а кровяной насос колошматит по сосудам с запредельным давлением.

Один из драчунов пнул бедолагу в пах с такого размаху, что загудело даже у меня между ног, а другой тут же надавил пяткой. Стоны и мольбы о помощи превратились в ор и

истерику, далее – в проклятия и обещания жестокой мести. Еще никогда не слышал, чтобы люди так кричали. Будто бы земля разверзлась и закрытые от ушей живых стоны проклятых донесли до каждого из нас. Шаги с соседнего переуллка ускорились.

– Больше ты свои вонючие причиндалы ни к одному ребенку не подкатишь, – парни сделали свое дело и бесследно исчезли, так же ловко, как и появились.

– Беги за мной!

Я следовал за Бояной, хотя меня так и порывало вернуться и оказать помощь. Моя душа не верила, что я участвую в чем-то подобном. Я бежал и думал, как не останавливаясь найти полицейский участок? Как столь красивая и думающая девушка может участвовать в мерзких авантюрах? Каким образом я оказался здесь, в этой западне моральных устоев?

Действительно ли обратный маршрут был длиннее или сыграло роль абсолютное отвращение к каждой секунде с момента избиения, но сел на байк я уже уставший и изнеможенный. Физическая боль порой помогает переиграть душевную. Надавил на больное распухшее место, и мысли о собственной несостоятельности в качестве зрелой духовно обогащенной личности уже сдвигаются на второй план. Данный принцип – как следствие в основе пирамидального пика потребностей человека. Столько раз он работал безотказно, но в нужный момент сдулся. Я споткнулся об каждую из пя-

ти ступень, складывая боль в одну общую сумму.

Ни ветер мнимой свободы, ни облегающий на стройном женском теле костюм, ни вера без фундамента под конструктивность своего существования, уже ни что меня так не радовало, как стремление проснуться и забыть страшный сон. Если бы Бояна придавила на газ так же, как час назад, то я бы непременно свалился на дорогу под колеса грузовика, так я ослабил хватку за жизнь.

Мотоцикл свернул с широкой дороги и покатился по пустынной бетонной артерии огромного великана, обнимающего весь земной шар. Когда свет с трассы скатился за горизонт, рычание железного коня заглохло, и только инерция плавно подталкивала его в сторону еще одной загадки.

Девушка поставила Ducati на подножку и неуверенно ступила на обочину. Она стояла спиной ко мне и будто бы что-то выглядывала в темном тихом поле. Она боялась тьмы, что ожидала нас впереди, и лишь на жалкую долю времени Бояна решилась мне это показать:

– Я рада, что ты так поступил. Я не люблю излишней жестокости, но кроме тебя никому в этом не признаюсь, – как ценно для терпящего бедствия в любовной пучине человеку сказать, что он один из немногих, выделить его из общей массы, подарить надежду, буквально зажечь маяк, свет которого озарит сердце.

– Бояна! Что это было, черт возьми? – мы стояли одни на пустынной дороге по среди Галактики, вокруг которой хоро-

водом кружат жизнь и смерть.

– Нам нужно было проверить узнает ли тебя кардинал или нет? – она наконец-то повернулась ко мне лицом, воинственным, но отнюдь не злостным, скорее в нем читалась справедливость. – И, конечно же, спасти ребенка...

– Вот это да-а-а-а. Кардинал? Надо же, как вы высоко берете, – в тот же момент я возненавидел себя за неуместную иронию.

– Его зовут Уве Кюнненг, он входит в консисторию и в состав... – она осеклась и продолжила уже следующее предложение, – мы сделали нечто ужасное, не спорю, но тем самым мы предотвратили куда более ужасные вещи. Жизнь она как копилка, так говорил мне отец в детстве. Чуть ли не единственное о нем воспоминание... – девушка засмушалась. Даже Бояна не чужда к таким чувствам, пускай и пытается это скрыть, – в эту копилку влезет либо множество мелких неприятностей, либо одна большая по-настоящему страшная катастрофа. Что-то вроде «хуже уже не будет». Глупо, конечно, но меня это правда успокаивало, – ее ухмылка отдавала нежными воспоминаниями с той поры, когда жизнь кажется подарком судьбы, а не печкой для обжига.

– Что может быть хуже избиения мужчины в возрасте по его гениталиям?

– Изнасилование ребенка... – Рябь по всему телу тремя силовыми волнами друг за другом пронеслась со скоростью отрицания здравого смысла. Второй раз за вечер я услышал

то, что в нормальном мире человек вообще не должен слышать никогда.

– Это ведь просто слова. Должны быть доказательства? – просто попытка оттянуть время, чтобы каждое слово взвесить и оценить результат.

– Подождал бы минут 15 и получил бы их! – слова со скрежетом пролезали через стиснутые зубы, – ты – свои доказательства, а ребенок –разрушенную жизнь! – она помолчала совсем немного и добавила, – ряса на плечах не делает человека святым. Слишком сильны мы привязаны к внешней оболочке человека, к его статусу, к должности и совсем забыли, что нужно заглянуть во внутрь, прямиком в душу.

Бояна достала из кармана небольшой телефон вроде того, что был у меня, пока она не выбросила его в море, и метнула мне его в руки.

–Посмотри сам.

Я зашел в галерею, где хранилось 42 фотографии непристойного содержания. Происходящее в каюте на борту яхты давало исчерпывающий ответ на вопрос, что кардинал делал так далеко от Ватикана и так близко к неприметному печально известному в определенных кругах причалу. То, что было запечатлено на фото, видимо, с помощью какой-то скрытой аппаратуры, не имело объяснений. Отвращение, негодование и яростный гнев вскружили голову и самым быстрым темпом развили культ мщениия. Подонки, подобно этому, должны страдать в свои мучительно долгие последние

дни жизни. Их вина была не только в посягательстве на особо важную хрупкую святыню – детское счастье, но и в большей степени в том, что они, будучи защитниками духовности сами же ее отвергают, извращают ее значение в усладу своего морального уродства. Довольное лицо похотливого педофила и сложенные брови в молящийся облик с трудом сопоставимы, с таким же трудом, как излечить открытую гноящуюся детскую рану, которой суждено кровоточить на протяжении всей оставшейся покалеченной жизни. Всегда будучи далеким от церковных догм, я даже не предполагал, насколько ближе я был к Богу, чем эти отпрыски тьмы, что воспевали его. Словно грязь проникла под ногти, а мне нечем было ее достать. Я даже не мог представить, что совсем недавно эту самую грязь с отравляющим смрадом можно было задавить собственными ногами, но я побоялся испачкаться. Правда в том, что мы все соучастники. Все, кто молчит, делает вид, что не заметил, все кто что-то знает, но из-за страха отрицает жестокую реальность. Все мы, кто не желает с этим бороться, потому что его это никак не касается. Все те, кто считает, что лучше сладко врать себе, нежели уколоться об правду. Я побоялся себе в этом признаться, но настала пора почувствовать значение слова «мужество». И я сделал это, подавил в себе жалость, которой был наполнен час назад. Мне это было необходимо, чтобы больше не сходить с пути праведного суда. Огонь ярости возгорается от одной искры, но потушить его удастся только болью. Чужой болью. Той, что рож-

дена справедливостью. Жесткой, но необходимой. Ох, как я желал его потушить...

– Почему вы не наказали его прям там на яхте? Зачем было ждать и снимать весь процесс? – меня трясло. Я требовал ответа на каждый вопрос, – почему? Черт возьми, зачем?

– Нельзя было подставляться раньше времени нашим агентам. Они работали скрытно. Были напарниками. Мы хотели принести неопровержимые доказательства, прям на подносе подали копам, но им было куда интересней, как это кто-то ведет скрытую съемку на борту чьей-то собственности, представляешь? Цирк уродов! – Бояна села прям на пустынную дорогу.

Я уселся рядом с ней.

– Им все-равно, Данил! Джон, наш человек, – что-то в ее груди сжимало сердце, когда она произносила это имя, – лучший из нас. Он решил отнести фото в участок, после чего был задержан, а через 3 часа он якобы спровоцировал всех бедолаг за решеткой и получил «по заслугам», как выразились ублюдки в форме, – ей тяжело было продолжать, – уже как полгода Джон пускает слюни на подбородок. – Девушка опустила голову и сжалась в маленький комочек. Мне было больно видеть ее такой.

Даже не верится, что хрупкое женское тело принадлежит такому воинственному раненому сердцу. Ее всхлипывания прорывались наружу через твердую стену сильного персонажа. Иголки, которыми она усердно покрывала себя как ди-

кобраз, вдруг обмякли, стали мягкими и хрупкими, нужно предельно осторожно дотронуться ладонью, чтобы их не сломать. А расправленные, готовые к немедленной схватке, плечи, вдруг опустились и сжались. Она хотела казаться как можно меньше, чтобы большие грозные тучи даже не заметили ее и прошли мимо. Я нелепо приобнял ее и неожиданно для самого себя дикая кошка поддалась на нежность и ласку. Бояна уперлась мне в грудь лицом и без единого слова рассказала, как дорог был ей Джон. А я, признаться как полный дурак, ревновал и мечтал встать на его место. Уверен, что Джон бы точно согласился поменяться.

– А что же его напарник? – я бестактно попытался сменить курс.

– Расплата уже настигает его. Участь незавидная, Данил. Само зло наказывает, терзает душу. Мы думали, что нам удастся оставить его за кулисами..., надеялись, что дальше Джона эта зараза не пойдет... – Бояна вновь вернулась к источнику терзаний и сожалений.

– Они не убили его. Они хотели, чтобы он мучился, – девушка выпрямилась и уперлась решительным твердым взглядом мне в глаза, – каждый день жалкого существования – это послание нам, чтобы мы заткнулись... – я не дал ей закончить фразу, поскольку уже заранее знал дальнейшее движение ее губ.

О как бы я сейчас хотел вернуться на ту пустынную трассу, как бы я мечтал соприкоснуться с дрожащими губами,

чтобы унять дрожь, чтобы передать ей ту частичку света, которой она наделила меня.

—Я готов! Теперь я знаю, что я по-настоящему готов! — я не дал ей расклеиться до конца, прервал разговор и знаю, что сделал все правильно. По крайней, мере я в тот момент был в этом уверен. Улыбка сквозь боль придала мне уверенности. В тот момент я впервые поверил в предназначение своей жизни, теперь я действительно почувствовал себя частью целого, что кому-то нужен. Я ощутил жизнь...

* * *

Глаза закрывались тяжелыми веками, но шальные мысли отпугивали сон каждый раз, когда он подбирался к постели. На самом деле, едва ли их можно было назвать шальными, слишком уж они были структурированы, слишком навязчивыми. Когда сильно глубоко пытаешься капнуть истинное предназначение жизни, то непременно ступаешь к границе полного неверия и безумия, и в этот момент самое главное не побояться шагнуть. Свобода в первые секунды свободного падения в пасть бездны забрасывает адреналином вдруг кристально чистое сознание и лишь спустя время потихоньку заселяет голову безнадегой и безразличием. Еще один шанс развернуться и спасти свою проклятую душу провалился с треском. Я верил, что чем-то обязан этой девушке, хотя бы за ту мелодию, которую напевает сердце, каждый раз, когда

она смотрит в мою сторону. Что-то в ее глазах задевает струну внутри меня и этот мелодичный аккорд расплывается по венам неся с собой чистую неподдельную любовь. И пусть я никогда не смогу расплатиться, но это не мешает мне коснуться краем пальцев мечты...

11

Пока еще я не в полной мере осознал, чем буду заниматься в рамках данного согласия, тем, не меняя я решил с головой окунуться в принцип, привитый мне со времен школы учителем математики: «Делаю, что могу». К тому же я очень хотел быть полезным, а это желание сводилось к раскрытию смысла тайной записки, пока дружки Бояны пытались наугад организовать поиски ангела. В сердце католической веры, где количество набожных людей превышает численность населения, а каждый умерший ребенок превращается в мраморную статую над тленным телом, трудно отыскать одного единственного. И пока время текло сквозь сжатые в кулак пальцы, границы четкой картинки в моем сознании плавно растекались. Время словно морская волна в период прилива. Оно неспеша поглощает все больше территории и забирает ее глубоко в пучину. И уже там в темном омуте время распадается на мельчайшие песчинки и будто бы сама вечность замирает в причудливой форме таинственного танца, изучив смысл которого все равно что постичь чи-

стый разум высшей силы.

В голове я прокручивал все возможные варианты, хотя с учетом всего происходящего не стоит списывать со счетов и те, что кажутся невозможными. Ачиль предельно ясно дал понять, что видеть меня в своей квартире не желает, и какова его реакция будет на мой визит трудно предугадать, но больше ждать я не мог. Нужно было действовать!

Вопреки всем предполагаемым худшим сценариям, я наткнулся на единственный светлый луч в почти что несуществующей семье. Этот некогда яркий блестящий свет сиял, ослепляя окружающих. Сейчас же он догорал, причиняя боль всем, кому огонь был небезразличен. Самой себе Карлота уже не принадлежала. Синие отеки под глазами являлись свидетелями бессонных ночей, а увядшая за столь короткий срок кожа кричала об обезвоживании из-за непрекращающихся слез. В общем-то, одно служило следствием другого. Ее голова с некогда безупречно уложенными волосами висела на худых плечах с непонятным гнездом на макушке. Над девушкой взяли верх уныние и безнадега. Последняя искра в глазах догорала вслед за мужем, от которого остался пепел.

– Он не будет рад тебя видеть, – этой фразой Карлота высказала отношение к моему приходу. Честно сказать, я не льстил себе, фантазируя на тему противоположной реакции.

Хозяйка квартиры, которую покинул уют вслед за детским смехом, безучастно проплыла по коридору и скрылась в од-

ной из комнат. Именно там Карлота терпела свое добровольное заточение. Я двинулся к другой комнате, где тоже находился человек со страдальческой судьбой. Постояв у двери мне пришлось набраться сил, прежде чем взяться за ручку. Что говорить? Как он отреагирует? Решился! Либо сейчас, либо никогда! И все же сложно говорить с человеком, чье сердце вывернуто наружу, и он в этом обвиняет всех вокруг.

Итальянец был пьян судя по коллекции пустых бутылок, причем далеко не только сегодняшних, и устойчивого запаха продуктов распада этанола. Его безразличный взгляд не отрывался от телика, хотя, как и я, он ничего толком не понимал. Для него было неопределенным все, что происходило на размытой двигающейся картинке, а для меня все, что было за ее пределами. Странно осознавать, что жизнь для тебя, ничто иное, как череда ненужных временных отрывков, и ты тратишь силы на скорейшее избавление от них.

– Ачиль, это я, Данил, – я подошел сбоку на носочках как к притаившемуся дикому зверю, ожидая резко проявленной агрессии. Никогда не знаешь, чего можно ожидать от крепкого алкоголя без закуски и потери жизненной ориентации.

– Ачиль ... – z осмелел и дернул его за плечо.

Мрак в темноте возник отнюдь не из-за задернутых наглухо штор, он вылез из души, где ему уже стало тесно, и словно темная зараза поглощал все до чего коснется.

Я боялся остаться здесь навсегда. Санторо может уже и никогда не выберется из ямы своих грез. Что толку от моей

жертвы впустую?

– Приятель, я могу тебе помочь. Я знаю людей, готовых пойти на все, чтобы найти и наказать виновных, – слова, произносимые против воли, не ждали ответной реакции. Но именно тогда, когда ожидание иссякает, пустота тебе отвечает:

– Нам уже никто не поможет, – говорящая голова медленно повернулась ко мне, – те, кто ее забрал, они ее не отпустят. Они страшные люди. Нет! Они прислужники самого Сатаны. Они... Они... – Ачиль боялся даже тогда, все за что можно было держаться было утеряно. Пустые глаза стреляли куда-то сквозь меня и накатившие слезы хлынули потоком копившейся боли.

– Кто они? О ком ты говоришь? – я схватил друга за плечи и согнул колени, чтобы разговаривать глаза в глаза, так проще открыться сердцу.

– Они везде, а ты даже не знаешь! – сумасшедший пророк сорвался на шёпот, – они могущественны и опасны. Они и есть сама опасность. Они само зло. Ты даже близко к ним не подойдешь! – Санторо схватил меня за футболку и рывком сократил расстояние между нами, – и это хорошо, потому что встреча с ними все равно что встреча со смертью... – В нос ударила вонь немытого тела и перегара, – я это заслужил, но ты... ты еще можешь спастись, – знал бы он, что черту невозврата я уже давно перешагнул вместе с ним.

– Что ты сделал? – я говорил так же тихо, как и хозяин

квартиры. Я боялся доверить слова зловещей тишине.

Лишь на миг по глазам пробежался чистый рассудок. Я поверил, что вот-вот Ачиль расскажет все, что знает сам, а знал он, однозначно, очень много. Видимо, даже слишком много, раз его руки поразила дрожь об одном упоминании. И вот, когда надежда нашла себе опору, как слезы алкоголика наполнились содержимым желудка в сопровождении характерного звука. Еще пару минут назад неподвижная восковая фигура уже сейчас в один прыжок пересекла комнату и захватила унитаз торжественно объявляя поражение рвотными позывами, раскатившимся по всему коридору.

Я знал, что итальянец вернется чуть более отрезвевшим, а значит мне пора было собираться. Грусть от того, что я подвел Бояну, свалилась на плечи и не позволяла встать со стула, на который я рухнул, как только он освободился. Чуть позже я пойму, что это чувство на подобное не способно. Силенок не хватает. Это точно была судьба. И она уже открыла дверь...

– Он будет не в восторге от этого, но я готова на все, лишь бы вернуть Саманту, – голос в дверном проходе был женским и надорванным горькими рыданиями, – даже если есть какая-то малейшая вероятность ее просто еще разок увидеть, то я готова рискнуть всем.

Оказалось, Карлота подслушивала за дверью. А мне казалось, что она отреклась от надежды, так сильно та ее душила пустыми ожиданиями.

– Скажи мне, ты знаешь тех людей, которых Ачиль так боится?

Скулы, обтянутые смуглой кожей, задрожали:

– Почти что нет, мне запрещалось с ними говорить и смотреть на них тоже. Я не той крови. Мне приходилось... они заставляли с ними... – ей было больно высказаться. Слова острым лезвием застряли в гортани.

– Где ты с ними пересекалась? – прогремел смыв, и девушка исчезла так же внезапно, как и появилась. Переждав, когда муж перейдет из туалета в ванную, его супруга возникла на прежнем месте, но с какой-то вещью в иссохших дрожащих руках.

– Спрячь это. Я не хочу, чтобы ему стало хуже. И, с другой стороны, нам навряд ли получится спастись. Да и... знаешь, я лучше сама себе буду врать, что они ее туда не приведут... На подобное я не смогу смотреть... Оно пришло рано утром, но Ачиль не знает об этом... – отрывки фраз из фрагментов памяти проблематично сочетались друг с другом.

Я выхватил бумажный конверт из рук скорбящей матери и спрятал его под футболкой. Нужно было достать хоть какую-нибудь информацию.

– Да, вали, вали! – в ушах звон, а в сердце страх, что Ачиль мог что-то заметить, – еще раз появишься здесь, то я вызову копов! – я вздохнул с облегчением, – этим то они могут заняться.

Пока Санторо открывал новую бутылку, я уже в обуви сто-

ял одной ногой в подъезде:

– Завязывал бы ты с этим. Ты сам себя убиваешь. Не думаю, что Саманте хотелось бы тебя таким видеть... – я загнулся в догадках, как он отреагирует на имя дочери, но Санторо предпочел на время лишиться слуха. Ему было куда интереснее смотреть на наполнение стакана.

– В том-то и дело, что убиваю. Надеюсь, обогнать их всех, – он уже что-то бурчал самому себе на стеклянном круглом дне с кубиками льда.

До своего номера я то бежал, то еле плелся, прокручивая каждое слова в доме итальянских друзей. Слишком много горя выпало на молодую семью, слишком они были не готовы, слишком много знали. Скорее всего, это тот редкий случай, когда знания опасны, когда они имеют ограниченный доступ, а за него приходится платить. И цена обычно измеряется не деньгами, она измеряется судьбами. Возможно, как раз семья Санторо и оплачивает свой долг. А я взялся за обязанности поручителя.

Ключ с шумом залез в скважину, но щелчка при повороте не последовало. Напряжение ударной волной прокати-

лось по телу, вызвав при этом нервный бит в области виска. Трудно сохранить спокойствие, когда дома гости, а ты никого не ждешь. Еще одно мгновение спустя, пока я в раздумье колебался, рука без моего ведома схватила дверную ручку и максимально скрытно сделала привычное движение. Бесшумно возникла маленькая щель, через которую я оглядел пустую запроваленную кровать. Я бы и дальше продолжал играть в успешного шпиона, но тонкую полоску света неожиданно затмила чья-то фигура. Бит усилился, даже глаза загорели. Доли секунды на решение, а спина уже взмокла. Пока я силился поднять глаза, дверь резко распахнулась. Я даже возможно взвизгнул, но наутек кинуться не додумался. Понимание даже не успело посетить мою голову, а чья-то рука цепким хватом затащила меня во внутрь. Только приподнятая бровь встретила мою жалкую бойцовскую стойку.

– Ого! Считай, что напугал.

– Черт! Зачем ты проникла в мой номер? – до чего же мне стало неловко.

– Тс-с... – Бояна жестом мне приказала закончить истерику, – в твоем номере и правда была камера, в ближайшее время ты должен переехать в безопасное место, как только мы все подготовим, – ее шепот звучал достаточно угрожающе, но только в том случае, если ты не влюбленный идиот, – кто платит за номер? – а я им определенно был.

– Андрей, точнее его компания.

– Отлично, значит на ресепшене пусть еще какое-то время

думают, что ты еще здесь живешь.

– Мне будет неудобно впустую тратить деньги друга.

– Друг? – Бояна усмехнулась, насколько это позволял режим скрытности, – тот самый, которому наплевать на твои звонки? Поверь, от таких «друзей» лучше держаться подальше! – девушка ударила прямо в самое сердце. Не осталось и следа от той хрупкой фигуры там на краю ночного шоссе.

Я молча обдумывал ее слова. С Андреем меня связывает общее детство в одном доме. Даже, когда бизнес его отца попер в гору, и они с семьей перебрались в Москву, город, где крутятся крупные суммы и открыты любые возможности, Андрей не переставал со мной поддерживать связь. Разный доход, статус и совершенно разные цели, диктуемые амбициями и разным положением в социуме, но никто из нас на это не обращал внимание. Я, потому что не имел больше друзей, а он, потому что мог себе это позволить. Особенно, когда я уже студентом поступил в столичный университет, то единственный мой помощник по переезду в большой незнакомый город – Андрей. Я готов найти миллион причин, чтобы оправдать казавшееся безразличие с его стороны. Готов придумать и поверить в самый фантастический вариант, лишь бы сохранить дружбу, потому что для меня дружба и есть всего лишь один человек.

– Ты что-нибудь интересное узнал? – Бояна быстро сообщила болезненность поднятой тему, поэтому перескочила на другую.

Я совсем забыл про конверт. Второпях начал шлепать себя по всем телу в его поисках. Черт, я выпрыгнул в окно, если бы потерял его по дороге.

– Карлота передала это, – торжественно я вручил трофей в маленькие, но сильные ручки, – очень боялась, что Ачиль узнает. Думаю, тут что-то важное.

– Ты смотрел, что внутри? – две вселенные загорелись вспышками сверхновых, и этот свет осветил меня красиво звучал.

– Я как можно быстрее спрятал и поспешил сюда, – я ждал благодарности за геройский поступок, но получил куда больше, чем все заслуги мира. Меня одарили улыбкой.

Бояна оторвала боковую часть конверта и достала письмо. Красивый почерк с вытянутыми стройными буквами мог служить примером для эстетического удовольствия от каллиграфического совершенства, если бы хоть одно слово было понятным. Вроде бы все слаженно и красиво, но тут же что-то мешало легкому чтению. В каждой букве таилась преднамеренная ошибка, имеющая особое потаенное значение.

– Что-то совсем ничего не могу прочесть.

Засекреченный текст не самым замысловатым шифром приобрел смысл, когда Бояна поднесла лист бумаги к зеркалу. На фоне голубого неба с дымкой облаков виднелась надпись: «Дорогие друзья. Ваше горе столь необъятно, что задело сердце каждого брата и сестру. Наша скорбь – неизме-

римая горечь и, видимо, посланное Великим Архитектором наказание за непокаянные и отвлечение от истинного пути. И даже в этот период жизни мы не имеем права пренебрегать данной нами клятвой, поэтому в то же время в том же месте. Рекомендация: если боитесь не справиться со своими эмоциями, то воспользуйтесь нитками и иголкой, но, чтобы не травмировать женские губы, то супруге рот заклейте лентой. СТН. (для входа можно использовать основной кодекс наших зримых братьев)»

Сколько же нужно времени, чтобы сложить мелкие осколки, которые просачиваются между пальцев и теряются безвозвратно. Непросвещенному человеку не понять, о чем идет речь. А просвещения во мне не больше, чем желания расстаться с жизнью, ведь она только начинается. Но кто ж будет считаться с моими желаниями, если и Богу наплевать?

– Я тебя обожаю! – Бояна забыла про осторожность и вытянула меня из глубокой думы криком радости.

Обескураженная своею бестактностью, она прыгнула мне на шею и еще много раз, но уже еле слышно повторила дорогие мне слова, которые забыть мне не суждено.

– Объясни же наконец, что это значит?

– У нас нет времени, Данил, Карлота сама лично передала тебе конверт? Она сделала это без ведома Ачиля?

– Да! – мгновенный ответ разом на все вопросы.

– А что она тебе сказала? – вселенные горели ярким триумфальным огнем. Такая вспышка затухает так же быстро,

как и возгорается.

– Что от этого Ачилию будет только хуже и им уже нечего терять... А еще, что ей нельзя ни смотреть, ни говорить с теми, кого они боятся. Те, кто дали письмо. Она была рядом с ними когда-то, но кто такие, Карлота не знает. Или боится рассказывать.

– Послушай внимательно, что я скажу, – девушка опять стала серьезной, от чего сжала руками мои плечи, – тебе нужно найти подход к сеньоре Санторо, пусть она тебе все расскажет: куда, во сколько? И как нам не провалить задание?

– Задание? – мне казалось, что взрослые люди, вдруг часто появляющиеся в моей жизни, не доиграли в детстве в шпионские игры, – мы, что агенты какие-то? – усмешка была лишней.

– Узнай, я прошу. И тогда обещаю, я отвечу на все твои вопросы. Пока есть шанс, нужно действовать!

Я все еще был овеян мечтой утонуть в космосе темных глаз, а их обладательница уже тянулась к ручке входной двери. Возник порыв крикнуть и остановить ее, продлить миг, когда она рядом еще хотя бы на пару секунд, но какие-то внешние силы всегда решают все за нас.

Бояна вздернула голову в мою сторону и без единого звука потребовала ответа. Кто-то стучал в дверь.

– Данил, открывай! – голос друга в любую другую минуту поселил бы радость в сердце, но этот случай был исключением.

– Да, Андрюх, секунду! – гримасой и разведенными в стороны руками я дал понять, что для меня это тоже неожиданность.

Бояна залегла под кроватью вместе с таинственным письмом. Все было настолько быстро насколько несуразно, от чего мне захотелось проснуться.

– Привет старина, – Андрей в свойственной ему манере обнял меня и похлопал по лопатке.

– Давно ты в Риме? – смешанные чувства от неожиданного появления раскачивали качели, на которых каталось мое переменчивое отношение к ситуации.

– Прибыл сегодня и сразу за тобой. Почему ты не уехал, когда я тебе купил билет? – Андрей слегка похлопывал себя по ляжке ладошкой. Странно, никогда не замечал за ним такой нервный тик.

– Так это был ты? – По необъяснимым причинам недоверие к этому человеку не возрастало.

– А кто же еще о тебе мог так позаботиться? – не сказать, что он ходил по комнате, скорее всего это был бег по замкнутому пространству.

– А ведь перед отъездом ты сказал, чтобы я наслаждался отпуском, а не срочно мчался вслед за тобой.

– Кто это сказал? Я? – никогда бы не поверил, что он мог забыть свои слова. Ранее Андрей был для меня человеком с феноменальной памятью, особенно когда речь заходить о его словах, которыми о ранее дорожил.

– Ну, точнее, граф Монте-Кристо, – тем самым я хотел вырвать из нервного лица знакомую до боли в сердце улыбку и разрядить обстановку, но комнатой завладело напряжение.

– А-а-а, Монте-Кристо, ну, конечно! – спустя мучительно долгие пару минут Андрей понятиво приподнял уголки губ, – планы поменялись, Данил, и больше фирма ничего оплачивать не будет.

– Я сам справлюсь! – неожиданно для самого себя я воспротивился любому нашему сотрудничеству и нагло наврал.

– Данил, но дорога довольно-таки дорогая, – ляшка уже должно быть покраснела от избиения.

– У меня есть сбережения, – в грудь колола досада, что с другом мы столько внимания отдает деньгам.

Нам двоим было тяжело, возможно, впервые за все время дружбы: Андрею наступать силами новых свежих аргументов, а мне держать оборону путем твердой бескомпромиссной позиции. Еще несколько минут прошло для перегруппировки мыслей и снова в бой.

– Все хорошо, но Ачиль, – я напрягся, поскольку засранец был очень близко, – он мне жаловался на тебя. Ты не даешь им покоя, Данил. Он не хочет тебя видеть, попросил не лезть в его дела, а ты постоянно досаждаешь. Понимаю, кроме него здесь у тебя никого нет, но все же ... – меньше всего на свете я хотел, чтобы Андрей был прав.

Единственное, что меня тревожило, это то, что я не знал, за что мне предстоит бороться. Если за сердце той девушки

с Вселенными вместо глаз, то я готов бросить вызов самому Богу. Я готов взобраться на Олимп изнемогая от боли, на которую только способен обычный смертный, и объявить войну каждому, кто осмелится встать на пути. Если в одной из сотен следующих жизней я буду рядом с ней, то в этой жизни я готов умереть.

– А почему ты не отвечал на звонки? – контрудар пришелся по лобовой броне.

– Извини, старик! Ты должно быть звонил мне? Я телефон потерял. К тому же отец в Москве совсем озверел, – натянутый смешок под заученный текст и бегающие глаза – плохая школа актерского мастерства, – столько задач нарезал, что я еле вырвался за тобой. Встречи, встречи, заседания, совещания, и каждый день что-то новое.

Не знаю, как называется тот щелчок, что раздался внутри грудной клетки, но я готов был отдать пол мира, лишь бы эти слова были правдой. Самое теплое чувство появляется в то время, когда ты кому-то нужен. Нужен настолько, что этот человек готов через половину земного шара проехать, пролететь, проплыть ради одного улыбчивого «Привет». К несчастью, мне подобного испытать не суждено.

– Хорошо, друг, – я посмотрел в его глаза и осознал, что этого человека я совсем не знаю, – дай время, я соберу вещи и поедем вместе домой.

Андрей улыбнулся и крепко меня обнял. Ему почему-то стало намного легче. Радовался он тому, что больше не на-

до тратить усилий на уговоры и избивать свою ногу в конвульсивных припадках. Мой названный друг отодвинулся, но правая рука лежала на моем плече. Он как будто собирался что-то сказать, что-то по-настоящему важное, возможно то, что могло бы рассеять тучи, возникшие между нами, и что могло бы спасти мою шкуру, но так и не решился. Андрей молча развернулся и направился к двери, а я с горечью прошедших лет, полных надежды и обмана, смотрел ему в спину. Тогда мне казалось, что я могу простить даже предательство, закрыть глаза на свою ничтожную гордость и жизнь в целом, я готов был умереть, отравившись сладостным ядом лжи. И если из нас двоих мужества Андрею не хватило, чтобы сказать то, что утонуло в молчаливой улыбке при кричащих глазах, то я впервые в жизни решил проявить героизм.

«Don't worry
About a thing
Cause every little thing
Gonne be all right»

Слова, порождающие умиротворение и спокойствие, вызвали злость с одной стороны и разочарование с другой. Всю эту бурю эмоций в номер отеля привел лично я нажатием одной кнопки с зеленой трубкой. Сколько раз мы смеялись, что Андрей уже будучи большим начальником в крупной фирме на важном совещании будет краснеть из-за своей забывчивости по поводу возможности телефона стоять на беззвучном режиме и моего рвения дозвониться до друга. И все равно он

упорно ставил Боба Марли на мой звонок на каждую новую модель iPhone.

– Убирайся навсегда! – я процедил сквозь зубы тягучие тяжелые слова, а Андрей лишь на миг остановился у двери, попытался повернуться, но тут же скрылся в коридоре.

Опять остался один. В очередной раз...

Обессиленный я рухнул на кровать, которая выразила свое негодование. Я совсем забыл, что драма разыгрывалась в присутствии Бояны. Она покинула свое убежище и присела рядом. Не так давно таким же образом мне приходилось успокаивать ее. Две глубокие печали на два раненных сердца, как же это непостижимо много на две одинокие души.

Ее объятия спасли меня в тот вечер, в одиночку я бы не смог этого перенести, я и без того слишком долго был один. Мое спасение было еще подкреплено верой, что я так же нужен Бояне, как и она мне. Именно горечь совместно перенесенная скрепляет плотнее, чем даже клятва у алтаря. Я потерял навсегда друга, но обрел приятное особое биение сердца. Этот особый ритм открывается тем, кто способен влюбиться до беспамятства. Кто может задохнуться на свежем воздухе, лишь потому что ветер не принес дыхание любимого. Кто может заживо сгореть от полыхавшей бури, что не укротить и не унять, но можно попытаться насладиться тем мимолетным моментом, когда сама Вселенная улыбается в ответ.

Вновь заявиться в квартиру Санторо – равнозначно что завалить всю спланированную операцию с самого начала. Мы были близки к цели, а потому следует действовать еще более аккуратно. В тот момент мы знали, что нам есть, что терять. У альпинистов случается такое проявление безумия, когда их пьянит близость вершины, а рациональный расчет собственных сил уходит далеко на задний план. Шансы взять штурмом высоту у нас все еще были высоки, а от спуска уже исходил смрад едва уловимый при порыве ветра. Его можно назвать мимолетным, но шлейф, тянувшийся за ним, вызывал панические атаки при одной лишь мысли о предстоящем безумии.

– Главное не сорваться, – нашептывал сам себе, потому что бездна, куда мне еще предстояло упасть, была бездонной, как сама преисподняя.

Оказывается, Бояна уже давно распорядилась устроить слежку за всеми привычками семьи Санторо, но от этого легче не становилось. Мы знали, что Ачиль не ходит на работу, если она вообще у него есть, а Карлота безмолвно дала согласие на заточение в квартире. Готовую еду и топливо для депрессии главы семейства им приносила нанятая пожилая кухарка, она же выносила мусорные пакеты со звоном стекла и на удивление надежно держала язык за зубами. Я хотел было передать через нее записку, но опытные шпионы объяснили, что прислуга больше испытывает преданность к тому,

кто платит. Платит постоянно и много. Тягаться было бессмысленно. Мы долго думали, как же нам добраться поближе и в итоге решились на, казалось бы, самый крайний вариант из всех, что могут прийти в здравомыслящую голову. В режиме строгой секретности нам понадобилось буквально пару дней, чтобы разучить роли и грамотно подготовить бутафорию к предстоящему выступлению. Доверять нельзя никому, оставалось только надежда, что Ачиль это правило не вспомнит по синей яме, куда он скатился по собственной прихоти и вылезать не собирался.

Двое полицейских в красивых синих рубашках, один из них с немалой долей грима и накладными усами, шаркающей походкой стучали каблуками по лестничному пролету. Звонок в дверь и нервное ожидание реакции. И все же я точно очень глупо выглядел с фальшивой растительностью на лице и в штанах с красными лампасами. Плюс ко всему неконтролируемое подергивания плечами из-за дикого волнения и подглядывание на своего внушительных габаритов коллегу, будто бы он мог мне помочь и защитить меня.

– А я думал, как еще этот день можно засрать? – мне казалось, что мой местный друг сказал что-то по-итальянски, но я все прекрасно понял и без перевода, по крайней мере, эти слова отлично сочетались с его выражением.

Уго что-то ему ответил, куда более вежливо, чем мне при нашей с ним первой встрече, и сразу же появилась Карлота. Ее трезвые глаза в отличие от супружеских вселили в меня

страх разоблачения. Скорее всего так бы и случилось непременно, не будь она такой уставшей от горя и от вечно пьяного мужа. Глаза смотрели в пустоту, которая образовалась внутри, там, где когда-то стучалось сердце. Усталость сгорбила красивую гордую сицилийку. Она была на срыве, она больше не могла ждать, когда маленькая невинная Саманта позвонит в дверной звонок, когда кто-нибудь подскажет, где ее искать, когда Ачиль перестанет разрушать до основания их совместную жизнь. Карлота хорошая добрая девушка, с которой случилось очень много плохого. Такие как она, привыкли видеть во всем окружающем лучики света, но постепенно они для нее угасали.

Напарник ловко чувствовал момент. Он увел хозяина в его кабинет, а меня оставил с поблекшей девушкой. С наигранным акцентом я попросил ее разговаривать на английском, мол это практика в процессе изучения иностранного языка, чем я, согласно легенде, занимаюсь в ходе несения службы. Карлота пристально смотрела мне в глаза, время шло неумолимо медленно, издевательски вредная привычка у часов. На миг даже показалось, что меня рассекретили. Я опустил голову, как стыдливый школьник при поимке за прогул и потянулся к усам, наклеенным двадцать минут назад. Было глупо попытаться обмануть ее, я уже практически сдался. Но Карлота была не со мной. Нас разделяла пропасть, в которую мне еще предстояло свалиться. Девушка молча кивнула и жестом пригласила в комнату для уеди-

ненного разговора. Каждый шаг некогда легкой, почти воздушной походки, сейчас отдавал глухим стуком об пол. Сицилийка как будто здесь больше не жила, здесь вообще больше никто не жил. Ни одна живая душа. Только лишь призрак былого счастья изредка подавал признаки некогда беззаботной жизни с идеально чистых фотографий в рамках на стене. Единственное, что в квартире не поддавалось простыне из пыли, это радостные улыбки на фоне экзотических мест в разные периоды взросления одной маленькой веселой девочки.

В этом помещении я оказался впервые. Справа у стены стоял огромный книжный стеллаж, завладевший моим вниманием с ходу. Я как большой поклонник литературы не мог хотя бы беглым взглядом не пробежаться по манящим корешкам: Вольтер «Задиг или Судьба» и «Простодушный»; Гете «Фауст», «Прометей» и «Лесной царь»; Артур Конан Дойл с собранием всех частей «Шерлока Холмса» и Грибоедов «Горе от ума». Я даже немного позавидовал, что у них есть своя библиотека, причем на удивление расставленная по авторам точно в книжном магазине. Такой порядок меня приятно удивил, в этом жесте чувствуется бережное отношение к моим единственным настоящим друзьям с детским лет.

Боявшись скорого разоблачения в соседней комнате, я плотно закрыл за собой дверь и кинулся в ноги сидевшей на диване рядом со столиком, на котором покоилась недоигранная шахматная партия.

– Это я, Данил, – пришлось успокаивать, – мне нужна твоя помощь, а Ачиль выгонит меня, появишься я на пороге квартиры.

Трудно было определить поняла она меня или нет. Девушка как будто находилась в вакууме и не хотела меня принимать как за реального персонажа. Карлота спала и сон был ей неинтересен, ей хотелось побыстрее проснуться, заглянуть в детскую и поцеловать заспанное милое личико. Любящая мама не желала возвращаться из прошлого, когда будущее еще существовало. Я выждал пару секунд и чутка приблизился, чтобы заглянуть ей в лицо. Она повернулась ко мне и схватилась за моей запястье:

– Послушай, письмо, что ты мне дала... – попытка сыграть на опережение.

– Нет, нет, нет! – Карлота оттолкнулась, но очень слабо. Сил у бедняжки совсем не осталось.

– Зря я это сделала. Дура! Я не думала, тогда, какие могут быть последствия, – едва не произошел срыв навзрыд. Нужно срочно что-то предпринять:

– Тс-с-с, – я попытался ее успокоить, не желая провалить первое задание, – тише, прошу. Ты сделала так, как считала нужным, я же видел тебя, ты была напугана.

Разговор о странной бумажке вернул страх в ее взгляд.

– Карлота, я же знаю, что настоящим копам нет дела, но я встретил людей. Они готовы помочь, – в своих ладонях я ощутил ледяные мраморные женские ручки, – просто под-

скажи нам, и мы все сами сделаем! – безуспешно я пытался их согреть.

– Данил, – тяжелый вздох железной хваткой объял ее грудь, – я не смогу себе простить, что обрекаю тебя на подобное. В тот вечер я хотела скинуть с нас все, что накопилось, на кого угодно, но теперь уже нет. Лучше забудь все это. Ее уже не вернуть... – я увидел собственный испуг в уголках глаз, где притаились материнские слезы. Нет ничего страшнее, чем потеря надежды для матери. Природой заложено чутье, которое невозможно обмануть. Любая мама, что носила под сердцем ребенка связана с ним навсегда. А раз что-то подсказывало ей о том, что детское сердце больше не стучится, то и ее стук потихоньку затихал...

– Я готов на все... – «даже мечь» – эта незаконченная фраза стала невидимым мостом для понимания, – я сам этого хочу. Только дай нам зацепку.

Мы молча смотрели в пустоту. Карлота куда-то мне под ноги, а я в ее холодные глаза. Мы не говорили, но крик срывался с губ у каждого из нас. Мы молчали, хотя оба не могли больше терпеть тишину.

– Что ж, я вряд ли смогу тебя переубедить, хоть и чувствую, что должна... – сицилийка сдалась, что было невозможно.

– Что тебя интересует? Только скорее, Ачиль быстро утомляется при разговоре с копами. Я вообще удивилась, что он вас впустил.

– Итак, кто эти люди, что вам написали, что они хотят?

– Я же сказала тебе, что ни разговаривать с кем-то из них, ни смотреть на кого-то из них мне не разрешалось, а значит не имею понятия, кто они, тем более там не было людей. Скорее приспешники Сатаны в черных плащах с кровавым подбоем и в масках, обезображивающих их уродские морды. А письмо – это приглашение на... – Карлота осеклась и чуть было не замкнулась в себе, – на балл... – продолжила она еле слышно, – они его так называют, хотя у этого шабаша должно быть другое название, – даже сами слова вызывали у девушки признаки отвращения и крайнего испуга.

Я понимал, что от нее нельзя много требовать, надо быть предельно осторожным. Она и так делает огромные усилия над собой.

– Скажи, где и когда это будет?

– Обычно в поместье на каком-то острове, но самим это место даже на карте не найти. Тебе нужно будет добраться до заповедника Статале дель Литорале Романо, а далее вдоль побережья в сторону Тор-Потерно, где-то 3 километра, после чего повернуть направо и двигаться к самому пляжу. У воды будет стоять черный флаг и гореть факел. Это то самое место. Ничего не пробуй брать с собой, все равно не позволят. Сегодня какое число?

– 27 апреля.

– Значит уже через 3 дня, – Карлота резко сорвалась на полубредовый шёпот, – «когда врата Его откроются на Зем-

ле».

– Еще там прописаны рекомендации.

– И что там? – девушка очнулась от дремы и взглянула глазами, полными заведомого сожаления.

– Зашить рот, а супруге заклеить его.

– Ублюдки... Хотели, чтобы мы молчали! Если по-прежнему хочешь влезть в этот Садом, то это нужно будет сделать, – я ждал, что она скажет про нелепую шутку или путаницу, но напрасно, – еще вам нужно будет надеть маски, скрывающие только верхнюю часть лица, чтобы все участники видели твои испытания и твоей супруги. Ты должен быть в смокинге и в черном плаще с красной обивкой внутри и с глубоким капюшоном, а спутница – под плащом в черном платье, но в таком, чтобы легко снять, – жена почувствовала жгучее стремление мужа прогнать надоедливых посетителей и запустила слова в скорострельную пушку крупного калибра, – приезжай к указанному месту за часа 2, пока за тобой не приплывут. С теми, кто в лодке не следует разговаривать, впрочем, как и с кем-то другим... Язык зверя вы все-равно не знаете. Так что удачи ...

– Там еще кое-что было. Что такое «основной кодекс наших зримых братьев?»

– Кодекс молчания! Он обязывает держать рот закрытым тех, кто вертится в высших эшелонах власти или на медийном пьедестале.

Пауза добавила пару единиц к силе притяжения, от чего у

меня даже заныло в области поясницы. Молчание нам дорого обходилось, и тем не менее слова застряли внутри. Вскоре девушка сдалась, вытащила из неприметной шкатулки круглый предмет и вложила мне его в руку:

– Когда вас встретят эти... звери... чудовища... отдай им этот шекель – я прокрутил в руках необычную монету, на одной стороне которой была нечитаемая для меня надпись, а на другой – чаша, из которой мне еще предстоит отпить.

– А дальше?

– А дальше Бог вам поможет, если он все же есть в этом дерьмовом мире, – ее ухмылка, как предмет некогда былой воинственности, с которой жгучая сицилийка встречала любые препятствия, пока не споткнулась, пока не получила незаживающую рану.

Дверь в кабинет местного алкоголика с грохотом отворилась. Уго обессиленный плелся позади гневного главы семьи. Я не успел привстать, как Карлота не многозначительно подтолкнула меня к выходу. Видимо, боялась все еще сильных трясущихся рук. Уже у самой двери я кинул последнюю искру надежды в угасающий огонь в сердце скорбящей матери:

– Зря ты отчаялась по поводу Саманты. Я верю, что она еще жива!

– Поверь мне, Данил, я ей желаю только лучшего, что она сейчас может получить, и это точно не жизнь... Не такая... Только не среди них...

Не успел я дотронуться до ручки, как дверь распахнулась,

едва не разлетевшись в щепки об мое лицо с немалым слоем грима. Вслед за стуком в нос ударил запах перегара и полного отсутствия желаний нашего с испанцем присутствия.

– Вы уже все тут... все разнюхали? – Ачиль даже претензии заявил с трудом.

Разумеется, как с местными полицейскими он говорил по-итальянски и вся скрытная операция граничила между успехом и разоблачением только на кивке напарника за спиной проверяющего.

– Yes, – машинально я пронзил напряженный воздух.

Нас спасло то, что отравленный мозг отказался заикливаться на полицейском, не знающем национального языка. Санторо что-то буркнул под нос и исчез в недрах пустой квартиры. Пора было убираться.

Даже после того, как за моей спиной хлопнула дверь, я все еще чувствовал взгляд, упирающийся мне в затылок. Этот взгляд, доверху наполненный слезами, сдерживал сожаление. Меня как будто провожали на войну. Я боролся с желанием обернуться, хоть и осознавал, что упрусь в закрытую дверь. Но в тот момент я жил надеждой. Надежда – дикий зверь, которого не приручить. Когда она рядом с тобой то лезет в теплые объятия, а когда хочет уйти, то предательски кусает тебя за ту же руку, который ты ее приласкал. Я даже не мог представить, что настанет время, когда на моем теле не останется ни одного свободного места от укуса.

– Не бойся. Я постараюсь аккуратно, – Бояна поднесла к моим губам протертую спиртом иглу с черной ниткой, висящей на ушке.

Эти зверские нравы, напущенная таинственность и неподдельный ужас каждого, кто знал чуть больше, чем я, нагоняли целый коктейль чувств с негодованием, отвращением и страхом. Ради чего Ачиль должен был зашить себе рот и забыть на весь вечер об утрате, губящей его ежедневно? Почему Карлота считает, что погубила меня этим чертовым письмом? Чего бы мне это не стоило, но я готов найти ответы! Слишком долго я находился в неведенье, пора выйти из тени и погрузиться в мрак. За знания люди страдают, убивают и жертвуют своей жизнью. Я это отлично понимал, чтобы отказаться.

Черная волна едва ли касалась побережья под светом ярких звезд, время от времени прячущихся за тучами. Из-за горизонта смертоносным маршем надвигалась по небу темная орда будто бы по приказу самого владыки теней: поглощать любой свет, особенно, исходивший от жизни. Но темнота еще была далеко, и у нас было время немного посиять друг ради друга.

Я выпучил пока еще целые губы, а Бояна ухватилась за них. Она старалась как можно меньше причинить мне боли, по крайней мере на данный момент. Небесных светил было

много, и в такой дали от городского освещения с одной стороны и беспросветной тьмы с другой, они сверкали ярче факела. Меня нахлынула эйфория, которая согревает кольчугу с внутренней стороны. Так бывает, когда перед смертельной битвой видишь самый красивый закат в своей жизни, самое яркое почти что огненное небо, и самую красивую, самую милую и самую грустную девушку за все бесчисленные времена. Настоящее чудо над нашими головами в любое другое время могло бы стать свидетелем романтического свидания, но острый предмет под моим носом развеял все мечты. Существуют мечты, которые не сбываются вопреки заученным с детства сказок, но от этого мечты не становятся менее прекрасными.

Бояна старалась минимизировать боль, даже не подозревая, что физическая составляющая меня не пугает по сравнению с тем, как мучается сердце. Впервые я по-настоящему ощутил любовь. Оказывается, это обжигающее чувство. Оно как зараза порождает жар по всему телу. Организм будто бы пытается бороться против нее. Никакой вакцины. Никакого лечения. И никакого спасения. Против той одной металлической иглы в губах, в сердце впилося миллион таких же незримых, и никто не пытался нежными женскими руками сделать процесс менее болезненным. Я был без ума от ее глаз. Они будто бы копии того бесконечного пространства, в котором заточен весь мир. Сколько же обезумевших космонавтов безнадежно застряли в таком глубинном космосе. И

даже если на горизонте вечности появится вполне уважаемый шанс прекратить все это, я добровольно откажусь от спасения. Я пленен твоим дыханием из лепестков только что отрывшихся цветов; твоей кожей, мягкой и шелковистой, как руки матери, бережно сжимающие ладошки младенца; наконец твоими алыми губами, сложенными в грустную ухмылку, соприкоснуться с которыми я желаю больше, чем жить.

– Ну вот и все, – пока я тонул во Вселенной, Бояна уже закончила.

– Спасибо, – так глупо звучавшее с закрытым ртом отозвалось болью.

– Болит?

– М-м-м...

Бояна приблизилась ко мне вплотную и прикоснулась губами к зашитому рту.

– А теперь?

Я готов был разорвать нити, лишь бы вкусить саму жизнь в полной мере. Целый мир затрясся и непременно рухнул бы, не будь хлипкой подпорки в образе здравого смысла. Ее игривый взгляд затронул низменные частицы души, где в вечном котле варятся похоть и страсть. Но вместе с ними свою мелодию играли и более возвышенные чувства, те, что кипят в груди, те, что невозможно потушить, опираясь на здравый смысл и логику.

– Знаешь, Данил, я хотела бы с тобой объясниться: ради

чего мы идем на все это, точнее ради кого? – она как будто уговаривала меня сделать шаг с крыши небоскреба без парашюта, – у нас был человек, способный рискнуть многим, даже самым дорогим, – я уже занес ногу над пустотой.

– Пафосно будет звучать, но он был двойным шпионом, работал под прикрытием, и не так давно его накрыли. Изверги наказали его! Сделали так, что он больше не смог бороться. Они сломали его. И теперь моя задача... – Она положила руку мне на грудь, – наша задача – ответить за него. Проникнуть в логово и найти, чем ударить...

Я был уверен, что загадками мы все еще говорим о Джоне, но слишком увлекшись бескрайним космосом, я перестал проникать в суть вещей. Мы спасали того, кого все еще можно было спасти. Мне так казалось раньше...

– Ладно, видимо нам нужно плыть, – прозвучал призыв к возвращению в матрицу.

На берегу, куда мы прибыли по наводке Карлоты, помимо факела стояла одинокая лодка. Мы восприняли это как знак, тем более что тучи сгущались, и тьма пробиралась все ближе и ближе к нам. Мы с Бояной сели в абсолютно черное судно и немного отплыли, чтобы дать воле течения подхватить нас. Когда мелкие волны принялись во всю хлестать по бортам, я взял в руки жёлтый широкий скотч. Бояна подбодрила меня подмигиванием и накинула на себя плащ. Я последовал ее примеру и тоже покрылся полотном самой ночи. Маски уже были на нас. Мы были готовы. Так мы просидели около часа

в полной тишине, но с бушующими стихиями внутри. Меня разрывало любопытство в отличие от девушки, чьи познания в области страха были глубже. А Бояну разрывал ужас в отличие о меня, чье незнание в области предстоящего нагоняло страх.

Так же неожиданно, как поцелуй, осветивший сердце, вдали зародился свет. Но это был холодный свет. Его четкие границы как лезвие разрезали материю тьмы. Он скользнул по морской глади и рассыпался на десятки мелких лучей. Как во время войны прожектора искали в покрове ночи своих жертв, так и сейчас я побоялся, что нас засекут и примут меры подобающее военному времени. Только когда свет приблизился вплотную и сомнений, что он идет прямо к нам не осталось, я решил посмотреть, куда расплескались его собратья. То, что я увидел, чуть не послужило разрыву шва на губах. Так сильно я желал кричать. Но весь крик утонул внутри меня. Сердце резко бросилось в спринт от легкого волнения до инфаркта. От увиденного мурашки, как те самые мелкие лучики, врассыпную кинулись по всей поверхности тела.

Десятки таких же дешевых лодок стояли рядом с нами, и еще десятки спрятаны за границей луча. Гробовая тишина, которая, казалось, была единственной спутницей, вовсе не свидетельствует о полном отсутствии кого-либо рядом. Но столько людей?! Многие армии мира позавидовали бы такой дисциплине, вестнице безмолвной покорности. Тот, кто не

имеет собственного слова, обречен служить чужим проповедям.

Лодка с источником света подошла встык борт к борту. На ней было два человека в черных смокингах и в масках животных. На том, что держал большой корабельный прожектор имел лицо рыси, а другой, кто сидел за штурвалом – получил от нас оплату в размере одного шекеля. У него была морда морской свинки.

В полном молчании мы добрались до деревянного пирса. Меня удивила слаженная работа этих ребят. Весь алгоритм рассчитан до таких мелочей, что никому не приходилось стоять в очереди. Мне показалось, что даже за штурвалом человек–зверь идеально подобрал скорость для поддержания высокой степени пунктуальности. Излишнее внимание к точности обычно обосновано важностью события или же страхом перед наказанием. И что-то мне подсказывало, что одно исходит из другого.

На пирсе человек–рысь передал нас в руки ожидавшего человека–ворона. Тот поприветствовал нас поклоном и букетом цветов для Бояны. Как мне она потом объяснила, белые – это были гардения, фиолетовые – «Анютины глазки», а пару надломленных стеблей носили название «черноглазая Сьюзен». Я еще был крайне удивлен, как это люди в безукоризненно отглаженных костюмах с такой щепетильностью относящиеся к своим обязанностям могли подарить букет с таким дефектом? Впрочем, было странно и то, как здорово

ворон разбирался в цветах.

Нас провели по темному саду с высокими кустами. Именно отсюда большая двуногая птица и набрала букет. Когда мы вошли в лабиринт со стенами из зелени, сопровождающий зажег керосиновую лампу, которую подобрал по дороге. Если бы не уверенный шаг огромной для сородичей птицы, я бы уже поднял панику. Казалось без хорошего секатора выбраться отсюда невозможно. С моим недугом и не крикнешь о помощи. Остается только метаться. Каждый вдох сопровождался ударом в нос запаха ухоженного подстриженного накануне сада. Мы шли долго, поворачивая то налево, то направо, пару раз мы прошли мимо таких же заблудших душ, которые направлялись в ту глушь, откуда мы только что выбрались. Какая-то дурацкая игра, где все роли были расписаны до мельчайших деталей. И в таком заранее уготовленном хаусе труднее всего было импровизировать. Я хотел было подсказать, что очередной паре не следует туда идти, но ниточный шов меня остановил. Наконец-то, спустя минут 40, не меньше, мы узрели свет, пробивающийся в конце туннеля, но вопреки привычному образу мыслей, этот свет не доставлял тепло и не опекал жизнь. Вопреки обжигающим краскам, он был холодным светом, порой отнимающим ее.

Перед нами возник дворец с огромными входными воротами и роскошной архитектурой в готическом стиле. Кроваво красная подсветка замка не освещала изысканные излишества зодчего искусства, а накинула на них пугающие бур-

ное воображение теней, которые охватили все строение целиком и жаждали распространять свое влияние за его пределы. Мы были так близки ко входу, что весь размах строения оценить не удалось. Картина, что предстала перед нами содержала фасад с огромными узкими окнами, заостренными кверху над каждым схожим порталом. Небосвод, зловеще черный и тяжелый, буквально нанизан на многочисленные пинакли, соединенные с главным нефом шипастыми аркбутанами и контрфорсом, основу которого поддерживали каменные демонизированные сущности. В такую особо темную ночь казалось, что они вот-вот объявят о себе дикими воплями и ревами, на которые не способно ни одно животное.

Вслед за вороном, я и Бояна поднялись по широким ступеням и оглянулись на весь пройденный путь. Зелёный простор был бесконечен. Его возможный край так далек, что разделительная граница моря и суши размылась в темноте. Я сомневаюсь, что она вообще существует. Сообразительностью я не всегда мог похвастаться, но в данном моменте неотвеченных вопросов не осталось. Когда такие же бедолаги стали то там, то тут освобождаться из плена бесчувственного аккуратно подстриженного монстра, я понял, что это очередной способ последовательного прибывания. Почему-то хозяину всего этого безумия было очень важно, чтобы соблюдалась точная последовательность. Было в этом что-то сокральное.

Как только я сделал первый шаг ко входу, словно в на-

смешку надо мной небеса разверзлись, обнажив холодный белый свет.

На входе во дворец ворон погасил керосиновую лампу, поставил ее в сторону к сотне таких же и повернулся к нам своим клювом, загородив вход. Он вытянул руку, куда я, машинально, не обдумав действия, вложил конверт. Сопровождающий, а теперь уже контролер, бегло взглянул на приглашение, не воспользовавшись зеркалом, и любезно протянул:

– Рад, что вы, семья Санторо, услышали пожелания господина, – птица-человек учтиво поклонился.

– Что ж, добро пожаловать! – он отварила дверь, откуда хлынул поток сырости. Его голос мелькнул в той части мозга, что отвечает за память, но так и не смог уцепиться.

Делать первый шаг вовнутрь не хотел никто из нас. Я посмотрел в глаза Бояны и впервые увидел в них страх. Животный, первобытный страх. То самое зерно, которое зарождается глубоко в мозгу и через черепную коробку прорастает по всему телу, приводя его в дрожь. Ее глаза молили меня либо шагнуть вперед первым, либо схватить ее и убежать, скрыться и всю оставшуюся жизнь в приступах всепоглощающего испуга просыпаться по ночам. Она растерялась в такой важный момент, практически рассыпалась на частички, которые мне пришлось собирать. Теперь я понял окончательно всю недосказанность в ее словах, она знала, что нас ждет. Она все прекрасно знала, так же как ворон, рысь и все на этом проклятом острове. А я знал лишь одно,

что повернуть назад мы уже не сможем.

Я улыбнулся насколько мне позволили швы и связанные с ними болевые ощущения, и шагнул в бездну. Внутри длинного коридора с красным ковром были расставлены свечи, служившие спасением от вездесущей тьмы, которая явно тут себя чувствовала, как дома. Каждый шаг отбивал ударом крови по виску. Еще никогда в жизни в меня не вселялся такой дикий ужас, передаваемый через дрожащую руку моей спутницы. В этот момент я всерьез задумался насколько Бояна храбрая девушка. Ведь когда предстоящее кажется тебе страшнее душевных пыток в жерле преисподние, то мало кто способен шагнуть в его сторону. Еще меньше людей способны пройти эти кошмары и проснуться однажды с твердой уверенностью, что светлое будущее действительно может наступить.

Тихим шагом мы дошли до конца одного коридора и уперлись в другой. Мне в голову пришла идея, что это может быть ещё одна проверка, куда мы повернем: налево или направо? На распутье, на стене нарисован символ, захвативший мое внимание. Он должен был здесь быть. И вот он уже везде. Весь этот огромный дом сумасшедших построен вокруг него. Красной краской начерчен круг с перевернутой звездой. Я и раньше видел что-то подобное, а сейчас он показался мне чем-то по-настоящему особенным. От него исходило тепло совсем недавно прерванной жизни. Там за стеной находится вся суть этого символа. Весь потаенный смысл спря-

тан в соседнем зале, осталось только выбрать нужный путь. Но единственный верный путь – прочь отсюда...

– Я почти уверена, что нам налево, – читалось в красивых напуганных глазах и в жесте вытянутой руки, дрожь которой постепенно пропадала. Так бывает, когда принимаешь неизбежное, когда понимаешь, что ураган, срывающий крышу с соседнего дома, догонит тебя, бежать уже нет смысла.

И я побрел на встречу с измученной запуганной судьбой. Ощущение было такое, будто я ступал по минному полю. Вот-вот что-то должно произойти. Взрыв, который покалечит мне душу и оставит меня, непригодного больше жить, существовать с в невыносимой реальности. Тяжесть от нее, словно соль на рану, будет сдавливать психику до критического момента, пока есть еще доля интереса просыпаться по утрам. Дальше – пустота. В любой другой обстановке, я бы прошёл весь коридор двумя шагами, но ужас от предстоящего постоянно увеличивал путь. Бояна, всегда смелая и решительная сжалась за моей спиной и шла шаг-в-шаг со мной, видимо, тоже боялась наступить на мину. Лишь ради нее я не бросил все и не убежал. А она ради меня пыталась вернуть себе решительность, но, честно говоря, это получалось паршиво.

И везде нас сопровождала тишина, даже в зале, где десятки молчаливых фигур бесшумно передвигались по огромным коврам. Она хранила тайны и порождала страх, который веял в воздухе и охватывал каждого в огромном помещении.

Приглушенный свет с гигантских люстр едва ли озарял лица гостей. Это были страшные изуродованные морды. Не то люди, не то звери стояли и смотрели в одну точку. Они кого-то ждали. Того кто и был источником ужаса перед непослушанием. Мне показалось, что маски им были не нужны. Сними они их и ровным счетом ничего бы не поменялось. Их души уже не принадлежали им. И уродство, под мешковатым капюшоном не спрятать. Оно сочится наружу через глаза, через все гнойные раны, что покрыты их тела, через каждый жест, которыми они решались обмолвиться.

По щелчку дрожь пробежалась волнами по телу. Я вздрогнул, и тут же капли липкого пота намочили поясницу. Кто-то стоял сзади и схватил меня за плечо. Если есть хоть малейший шанс, что нас еще не раскусили, то им обязательно нужно воспользоваться. Но оружие, единственное в моем арсенале и весьма действенное, поразило цель. Я с наигранным спокойствием сделал полуоборот головой и краем глаза увидел чудовище. Буквально миг назад, оно собиралось меня пожрать. И все же мой ход сыграл свою роль. Когда значение имеет что-то одно единственное, почти что-то сакральное, то нет никакой разницы, что этого нет совсем или же наоборот – в излишестве. На меня смотрели и не смотрели десятки глаз. Говорили и молчали десятки ртов. Этот монстр имел множество лиц, искаженных гримасами и наложенных друг на друга. Будто бы собранный из страдающих грешников этот прислужник ада дернул меня за руку, указав голо-

вой направление к стене зала. Пришлось последовать за ним.

Он провел нас за собой в скрытую за черной шторой комнату, где на скромном столике стоял кувшин и несколько серебряных кубков. Мы рассчитывали потеряться в толпе, а такое особое внимание к нашим персонам могло нарушить весь тщательно непродуманный план. Эта процедура наверняка имела символические особенности, о которых я и Бояна, разумеется, не были просвещены.

– Братья и сестры передают через меня похвалу в вашу честь. Вы показали всем нам стойкость ваших сердец перед утратой и верность данной вами клятве, – глубоко под масками был слышан тихий голосок, – поэтому вам предстоит честь первыми увидеть Великого Создателя.

Каждая буква в каждом слове порождала волнение, растекающееся по телу. Если все, что здесь происходит правда, то на что все они способны, чтобы ее скрыть? В огромном доме читалось присутствие несметного богатства, а в прислуживании государственных органов – абсолютная власть. Деньги и власть – страшное сочетание для людей, чьи амбиции скрыты как минимум за зеркальным шифром.

Многоликий протянул нам по уже наполненному кубку и довольно странный крючковатый нож. Им я срезал швы и под пристальным присмотром отхлебнул черную жидкость. Кровавое послевкусие возникло вероятно из-за того, что я был не слишком осторожен с освобождением рта.

– Нет-нет-нет, – как будто меня отсчитывал воспитатель

из детского сада, – вы же знаете, как нужно принимать дары нашего общества, – безумец ладошкой подпер снизу сосуд и направил его в рот, придерживая и запрокидывая, – до дна! Нужно до дна! – под несколькими измученными застывшими глазами я знал, что его собственные после этой фразы загорелись.

Вкус был очень непонятным, горечь, скрытая большим количеством подсластителей, еще и привкус металла, то и дело жидкость пощипывала ротовую полость. Убедившись, что я выпил без остатка, многоликий удовлетворённо кивнул и перевел внимание на мою спутницу. В безвыходной ситуации я помог ей освободиться от скотча и остался ждать, когда она решится повторить мой поступок. Из-за консультации Карлоты или из-за неподдельной боязни Бояна не поднимала глаза на говорящего, она их прятала в надежде, что после того, как всему этому придет конец, ей удастся сохранить частичку души нетронутой, и она будет по-прежнему принадлежать девушке. Еще секунда ожидания, как я бы схватил кубок и выпил содержимое за нее. Пауза затянулась. Возможно, Бояна услышала мои мысли и рывком отправила жидкость вовнутрь. Уж лучше бы пауза не кончалась никогда.

– Хорошо, мы гордимся вами. Тем не менее, низменные чувства могут вас охватить в любой момент, поэтому вы должны выполнить то, что вам было предписано, – в руке из глубокого кармана в черном плаще появился моток ниток

и иголка, а в другой – клейкая лента, – но не бойтесь. Вам будет теперь совсем не больно, – после вручения этих предметов в руки многоликий исчез за массивной шторой, а вместо него появились две женщины с обнаженными грудями и огромными перьями, закрепленными на головах.

В черных кожаных чулках, подчеркивающих их достоинства, с ремнями по всему телу и в масках на пол лица, девушки принялись нам помогать. Та, что подошла ко мне, вставила нитку в ушко иголки и безболезненно пронзила мои губы. От нее исходил сладковатый аромат, перемешанный с ее дыханием, что меня неистово возбуждало. Сексуальный взгляд, игриво невинный, покусывание губ и работа языком напоказ повышали градус натяжения моих трусов. Сам не знаю почему, нарастающее возбуждение затмевало глаза. Напряженность ниже пояса уже почти достигла пика, и лишь чудом я не сорвался и не накинулся на желанные формы. Меня распирала животные инстинкты, я с трудом еще держал управление над своим телом. Во избежание тесной интимной связи моя потенциальная жертва закончила с делом и схватила меня за щеки как непослушного раба, приблизила к своему лицу, и когда я был так близок к желанному всем похотливым нутром резко повернула мою голову в сторону, прижавшись вплотную. Бояна уже была обмотана, как и полагалось по приглашению, а сексуальная девушка, помогавшая ей в этом, нанесла яркую помаду на свои губы, косившись на меня в процессе. Готов поспорить, что подобное зрели-

ще возбудило бы кого угодно. Девушка из какого-то порнофильма схватила Бояну и прижалась вплотную к ее маске. Было заметно, что та ошарашена и из последних сил борется с постыдным желанием, которое внезапно в ней поселилось так же, как и во мне. Когда чертовка отшагнула назад, то на скотче остался ярко-красный отпечаток губ. Страсть захлестнула разум, а неистовое рвение удовлетворить порывы животной основы во мне обрело такой градус, что потушить его другим способом уже было невозможно. В тот момент я был уверен, что вот-вот получу свое, но девушка, зашившая мне рот, резким движением оттолкнула меня, и я вылетел обратно в зал вместе со спутницей. Вся эта безмолвная толпа стояла полукругом и довольными рожами, спрятанными под масками, кивали в знак одобрения. Я даже не заметил, когда начал играть орган, где-то в далеком углу зала, вполне возможно, что даже с самого начала. Музыка растекалась по краям помещения и резким рывком накрывала тех, кто находился ближе к середине. Я даже мельком видел ее щупальцы, но ухватиться так и не получилось. Что за коктейль я сейчас выпил? Что там было? И страх, и гнев, и стыд, и жажда удовольствия...

Эти молчаливые люди разбрелись по залу. Все они шли к определенной комнатке за большой массивной шторой. По одному, по два, они заходили и, видимо, пили из кубков. Процесс был настолько отлажен, что как только очередной «брат» или «сестра» подходили к комнате, ее уже освобож-

дал предыдущий посетитель. Даже заданная скорость через помещение была продумана до мелочей. С каким же благоговением они относятся к своим ритуалам. Кого они боятся разозлить отсутствием строгой дисциплины?

Издали возникшая и со временем набирающая силы музыка сначала показалась продуктом измененного сознания, но позже, ее реальный факт существования был неопровержим. Идеально гармонирующая с обстановкой, каждой нотой эта мелодия проникала внутрь души и колебала нужную струну. В том состоянии происходящее вдруг показалось таким необходимым и в ту же минуту обыденным. Все на своих местах. Идеальное сочетание. Тяжелые вздохи накатывали волнами надвигающегося шторма. Вопреки тому, что все вокруг такие медлительные, время пролетело быстро и толпа тяжело дышащих вновь заполнила весь зал в ожидании чего-то грандиозного. Музыка нарастала и тянула за собой ритм стука сердца. Мелодия тянулась плавно и спокойно, изредка с добавлением неожиданных переходов, которые будто бы меняя твой уровень на более высокий. Дисциплина уже было затеряна на затворках легкого волнения и животного возбуждения. Кто-то, кто уже не казался таким далеким, против воли отдался нескончаемой песне, которую, казалось бы, поет сама жизнь. И когда уже сердце вышло на предел возможностей толпа взревела. На высокий помост у дальнего края стены, где возвышалась кафедра с вырезанными непонятными символами вышел человек в красном оде-

янии. Его появление заставило толпу ликовать в безумном порыве сумасшествия. Каждому из нас казалось, что его голос важнее десятка других. И мы ревели от возжелания. Кто как мог. Только я своим словом могу творить жизнь, только я здесь подобен Богу. Краем глаза заметил, как Бояна хваталась за скотч, желая содрать его. Пару раз она была уже на грани. Моя Богиня!

– Братья и сестры, – человек в красном поднял руки вверх и вокруг повисла тишина, – я знаю, что ваши сердца переполнены. Всю грязь, которая столько времени копилась, нужно высвободить, и вновь направить себя на истинный путь. На путь к освобождению заточенной души! На путь к совершенствованию! – вся обезумевшая черная масса застонала в поддержку оратора, – вы знаете, что для очищения нужно избавиться от всего лишнего, ибо Господин не примет грязной плоти. Он не примет от нас жертву!

Вдруг я оцепенел от того, как быстро мои желания при-
творяются в жизнь. Прямо передо мной с хрупких женских плеч слетел плащ, а следом за ним и платье. Оголенная спина и ягодицы тянули меня, а сопротивление уже трещало по швам в области паха. Еще бы десяток секунд, и я точно не смог с собой совладать. Кроме того, уверен, что мое промедление развязало бы руки кому-нибудь рядом. Но механизм был уже запущен. Следом за ней плащи полетели на пол со всех сторон. Нудистские наклонности никого не удивляли. Отлаженный процесс «очищения» шел своим чередом. Как

всегда. На удивление только двум людям из всего зала. А позже я пойму, что в нашей команде был еще один игрок...

Я немного затормозил с раздеванием, так как волнение сопровождал выброс адреналина. Один миг я все еще мог обдуманно противиться, но голая Бояна и взгляд человека в красном уже захватили контроль над моими руками, стягивающими штаны.

Довольный выполнением команд предводитель развернулся и скрылся за алтарем, который невозможно было увидеть в темноте. Ногой люд последовал за ним в соседний зал, но через другие двери. Они были огромными и массивными, мы заходили в первые из пяти таких же, оставшихся запертными. Здесь впервые возникла очередь, где против воли приходилось касаться друг друга. В этом узком дверном проеме градусник похоти достиг максимума и отказался работать в таких блудливых условиях. Уже ближе к следующему этапу я почувствовал запах чего-то паленного, и когда мы ворвались в зал, то дым, густой и тяжелый, как сок с мякотью заползал в рот. Я не уверен, что кто-то появился рядом и аккуратным движением вспорол мне новый шов, но легкие были полны. Бояна вдруг оказалась без скотча, но с закрытыми от эйфории глазами. Ладаны, развешенные по всему периметру, испускали благодать, и грех был ее не принять.

Свет, порожденный пустотой, упал ровной колонной в центр зала. Я видел, как мимо течет время, вполне осязаемое и податливое управлению, но я не обнаружил ни одной пы-

линки, которые всегда с таким рвением лезут к свету. Возможно, сейчас эти самые пылинки, словно мотыльки на ночной трассе, это все мы здесь собравшиеся. Верно, движемся на быстро надвигающийся автомобиль.

– Жрец уже здесь! – полный покорности и обожания голос прорвался через нарастающую музыку и болезненное восприятие.

Я оглянулся и увидел уже знакомую фигуру в красном. Она шагала неспеша, но твердо и уверено, так ходит хозяин дома, скорее даже хозяин жизнью. Когда жрец дошел до столпа света, то там из ниоткуда возникло чудовище, возвышавшееся над всеми нами. Рога и огромные острые уши то ли у козлиной, то ли у свиной или у ослиной морды пронзали даже воздух и души каждого, кто осмелился взглянуть в глаза, сверкающие как бриллианты. На лбу у него сочилась кровью перевернутая звезда, а на животе вилась змея, причем я мог поклясться, что настоящая. Но не ужас в сердцах людей возник, а безмолвное покаяние. Я был уже один из них.

– Братья и сестры! Кто усомнился в преданной службе своей, тот не может больше среди нас находиться. Ибо как можно отвернуться от Великого Создателя Вселенной, когда он воочию престал пред нами? – рев исходил уже не от людей, так режут только звери. Голодные, жадные до крови дикие звери.

Чудовище пожирало глазами, а мы ликовали и перевозносили его. Оно издало нечеловеческий звук из пасти, по-

добный бездне, и стены сотрясались. Человек в красном заплатился за свою близость к козлиной голове своим обликом. Оглянувшись, я понял, что эта карма достигла каждого. Неестественно большие формы не могли не вызвать похотливое желание, но лица, спрятанные за масками до начала ритуала, вдруг вскрылись и стали еще ужаснее, чем были. Застывшие выражения, каким-то образом умудрялись издавать звуки, крики, вопли. Мир вокруг меня состоял из медленно сменяющихся картинок, и каждая последующая – страшнее предыдущей.

Впервые за весь безумный вечер я увидел людей без масок. Их привел жрец прямо к алтарю. Молодые, даже может очень молодые, мальчик и девочка, предрекая свою судьбу, покинули этот мир и встали где-то на затворках рассудка. Закатанные веки и открытый рот свидетельствовали, что никто в этом зале не действовал против их воли. Трудно действовать против чего-то несуществующего. Но мне они нравились. Это были красивые люди. С чистой приятной кожей. С нежными правильными чертами лица. С подтянутыми упругими формами. Они отождествляли красоту и непорочность, они чуть ли не стали собственным культом.

– Братья и сестры! Внимание! Узрите! Откройте глаза и скажите, что вы видите? – жрец вошел в антураж и уже был менее сдержан в жестикуляции, нежели раньше.

– Вы видите ложь, если считаете их красивыми, ибо их души переполнены гадкими мыслями об учениях неверных.

Вы видите ложь, если считаете непорочными, ибо рвение служить неправде уже есть соитие с источником зла. Загляните глубже! Загляните! Они не смогут узнать правду, даже если та предстанет перед ними, в отличие от вас. В отличие от нас с вами!

Стоны от духовного превосходства и познания вспыхивали по всему помещению. Я не знал, что произойдет дальше, но был уверен, что это правильный исход событий. Все вокруг на удивление происходило по самому необходимому для экстаза сценарию.

Будь я проклят, если уродства, о которых говорил человек в красном не обрели осязаемый облик. Гадкие лица были искажены тупостью и упорством отречения истинных ценностей. Конечности, лишённые симметрии, складывались и раскладывались в хаотичном порядке. Душа, неизлечимо больная, проявила себя и ждала суда. Во мне пылала ненависть, и я желал всем безумно стучащим сердцем, ее направить на виновных.

– Лишь только жертва может спасти их. И только мы, кто знает правду, способны помочь заблудшим душам.

Блик света свернул в руке у жреца и через миг, что-то тягучее и липкое окропило лица первых рядов. Из-под пола закричал орган с мощными ритмическими барабанами, чудом слышимые из-за рева братьев и сестер. Ряды резко поменялись, так как почувствовать благодать должно все участники. Человек в красном раздавал наполненные кубки, а мы

шли и делились с ближними. Мы делали все, что безмолвно от нас требовало чудовище, чей образ постоянно мутнел, теряя четкие границы. Вновь облик в руках и вновь радость от выполнения долга. Кубок в моих руках, а я в его власти. Общими усилиями мы удовлетворили монстра, сами ему уподобляясь, теперь осталось обуздать плоть.

Прикосновения волной накрыли все мое тело, на что мне приходилось отвечать взаимностью. Губы, плечи, грудь, ноги... Я уже не мог различить кого я обнимал, человека или комок из человеческих конечностей. Сочные груди мелькали мимо меня и за каждую я хотел ухватиться. И вдруг что-то знакомое пронеслось рядом, что-то из той жизни, в которой подобного не могло случиться. Бояня! Ее нагое тело трезвым шлепком отозвалось в голове. Только не ты, я прошу! Борьба! А я запросто могу проиграть. Свет и музыка игриво подталкивали меня обратно к краю, откуда я только что отшагнул. Я выхватил ее из рук двух мужчин и потянул в безопасное место. С боем через более активный финал Зюскинда я пробивался к тайной комнате. Обходя стороной акты соития и проскакивая между еще не приступившими к процессу партнерами все мокрые от похотливых выделений мы добрались до островка безопасности. За массивной шторой, потяжелевшей на пару десятков килограмм, мы спрятались в комнате, не способной нас устеречь. Мы слышали, как мир рушится вокруг и ждать не приходилось. Странное ощущение возникает, когда пытаешься побороть безумное рвение

при помощи загнанного в тупик разума. Помощи мне ждать было неоткуда. Бояна просто ждала случая, чтобы напрыгнуть на меня, а если не получится, то не на кого-нибудь другого. На грани капитуляции перед возрастающим желанием воссоединиться я все же ворвался в бой, но было поздно. Меня опередили, но сдаваться я не собирался. Я озверел. Я буду биться до последнего вдоха. Именно так кричала моя тень, искаженная от ужаса. Единственное, что осталось от меня в этом мире. Я уже не принадлежал себе, я плыл в этом море обнаженных тел и бороться с течением я не смог. Болезнь, имя которой тьма, уже засела внутри, готовясь к прыжку, как хищный зверь. Тьма вокруг, в этих людях, внутри меня, и тьма в глазах...

14

Веки слипались, и чтобы их расцепить потребовались усилия, запас которых был на исходе. На утро после добросовестной пьянки возникает отвращение к самому себе, за то, что влил вовнутрь столько яда, за то, что смеялся над идиотскими шутками, которые сам же выдавал. В момент пробуждения будто бы в издевку над собой прокручиваешь в голове глупые нелепые движения в сторону деградации, как правило, под ужасную музыку; обещания, которые теперь в стыдливых глазах то и дело появляются при трезвом разговоре; а также вспоминаешь ощущение свободы и вседозволен-

ности, омраченные диким сушняком и головной болью после их истощения. Это утро было особенным. Причина недомогательства была намного глубже. Все свое гнилое нутро, так радовавшееся ночью свободе, я скovyрнул и попытался избавиться от него. Процесс очищения далеко неприятный, но я начинал верить в его положительный исход. Рвота вытекала медленно мучительно и тут же расплывалась пятном по чистой прозрачной воде. Я оглядел прибитую к каменистому берегу лодку и незнакомую местность вокруг. Чудом меня вытащили волны в сторону от каменной глыбы, кидающей тень в самый жаркий час. Я был заботливо прикрыт волей случая черным плащом, не по размеру огромным, закрывающим все дно жалкой посуды. Из-за непомерной усталости рассудок решил развлечься, от чего шевеления плаща, как живого организма, меня даже немного позабавили. После того количества препаратов, которыми я был напичкан, мне казалось, что я еще легко отделался. И лишь когда галлюцинации стали усиливаться я всерьез забеспокоился о своем здоровье, неспособном восстановить грань между миражом и существующим на самом деле. Сначала возникли судороги, потом полноценные, но неуклюжие движения, и, наконец, пробуждение, напугавшее меня до потери способности реагировать.

Обнаженная грудь вылезла из-под черной материи, а уже потом я увидел измученное, но все еще милое, личико. Я отвернулся в рамках приличия, пусть и не сразу, и прикрыл

оголенную часть тела.

– Ты как? – я взглянул в темные глаза, и если раньше я погружался в них с головой как в недра Вселенной, то сейчас попытался избежать притяжения, потому что боялся провалиться в пустоту.

– Я умру в ближайшую минуту от жажды...

– Уже иду!

Ответ последовал откуда-то за камнями. Внешне я сжался, будто бы меня так не заметят, но внутри я уже пережил достаточно бурь, чтобы бояться. Как же это по-человечески: обрести свободу после встречи с заветным страхом лицом к лицу. Почему же мы тогда столько времени тратим, чтобы убежать от него?

– Уже иду! – парень смахивал на какого-то знакомого. Черт бы побрал эту раскалывающуюся голову, не способную схватиться ни за одну мысль.

– Я был уверен, что по пробуждению вы захотите пить.

Проблема вся во внешнем виде, к которому мы очень сильно привязываемся. Особенно часто жертвой становятся госслужащие с установленным образцом формы или строгие костюмы, казалось бы, вживленные в кожу. Бывает, что галстук прирастает к шее, и от его петли уже ни один банкир добровольно не избавится, так он привык к удавке. Сложно отказаться от ярлыков, которые сами же цепляем к людям.

– Я тебя с трудом узнал, Гаспаро, – трудно было понять, что возникло внутри меня: доля радости или не прикрывае-

МЫЙ СТЫД.

– Да, я тебя тоже, Данил, особенно в маске, – однозначно второе.

Паника не лучший помощник в спешном поиске. Особенно, когда орган, порождающий мысли, расколот на тысячи мелких острых кусочков. Когда пытаешься здраво мыслить, эти кусочки проворачиваются внутри головы с целью найти друг с другом общую точку соприкосновения, но от этих манипуляций боль возникает нестерпимая.

– Не ищи, не ищи! Я ее выкинул в море! – в его словах не было упрека, наоборот, я слышал заботу, что было странно и трудно объяснимо.

– Это не то, что ты подумал, – я начал отнекиваться, представляя яркость пестрых заголовков про иностранца – извращенца.

– Да? – коп всыпал в бутылку с водой какой-то порошок, взболтал и протянул девушке, – держи, полегчает, – Бояна взяла бутылку и жадно вонзила горлышко в губы.

– А откуда ты знаешь, о чем я подумал? – он снова обратился ко мне со своей нахальной улыбочкой, – я подумал, что вы участники ритуала, шабаша, если так угодно. Нет? Скажешь, я не прав? – Бессмысленно было продолжать эту игру.

Проклиная сложившуюся ситуацию, я проклинал себя всеми ужасными словами, впрочем которые были заслуженны. Зачем было ввязываться в игру, правил которой ты даже не знаешь?

– Я тоже был там, но также как и вы вместо кого-то, – Бояна справилась с половиной бутылки и протянула ее мне, – мы с вами встречались. – Фалько достал из кармана фрагмент поломанной маски.

– Ворон? Это был ты? – удивление и головная боль сошлись и произошел взрыв, чуть ли не раскаливший мою башку надвое.

– Да, и это тоже! – он указал на лодку с намеком о нашем спасении.

– Пойдемте на берег, скоро солнце достанет и до вас.

Подавленные тем, что полицейский заметил нас, возможно даже, во всех непристойных деяниях, мы с трудом покинули судно и голыми ногами ступили на каменный берег. Я отпил еще половину от оставшейся животворящей воды и вернул обратно в сухие женские руки.

– Спасибо! – сверкнула глазами Бояна.

– Это Гаспаро Фалько нужно благодарить, – итальянец повернул к нам голову, – это ты нас спас.

Коп тактично молчаливо кивнул в ответ, чтобы не разжечь ненароком еще один костер. Думаю, ожогов для нас троих более чем достаточно.

– Он пытается вернуть долг, не более того! – сквозь зубы, и после затяжной паузы, – это слова яркой злости, которой Бояна нашла место даже в сложившейся ситуации. Значит, корни ее проросли слишком глубоко.

Покинув лодку и обогнув валун, мы предстали пред солн-

цем, и когда прохладная тень деревьев еще не была достигнута, нагрев нервной системы дал о себе знать:

– Ты же прекрасно понимаешь, Бояна, что я ни причем! И все равно столько времени упорно делаешь меня виноватым! У меня палок в колесах до хрена, я даже не могу задницу почесать без контроля! – Гаспаро закипел и теперь надо было дожидаться спада градуса.

– Ты знал, что так будет, знал, что они хотят сделать с Джеком, и не помешал им, – из глаз полились слезы. Это был настоящий прорыв дамбы, столько времени сдерживающей напор, от которого заливало глаза.

Фалько громко выдохнул и опустил голову:

– Знал, но я не струсил, Бояна. Не струсил! Я знал, что если я встану с Джоном в один ряд, то никогда не приближусь к цели, – он расправил грудь и обрел воинственный вид, – я посажу за решетку всех этих ублюдков, – указательный палец, как стрела прошелся над моей головой и указал куда-то в пустоту, столь тщательно скрываемую от посторонних глаз, – кроме того, нам нужно было спасти второго. Уверен, Джон хотел бы этого.

Еще одно упоминание о двух агентах замкнуло оголенный, искрящийся провод внутри горячего женского тела, и Бояна затихла. Напряжение прыгнуло вниз с высочайшего обрыва, и мы добрались до тени. Молча сидели и ждали Фалько, который отправился за добавкой воды. Он пришел быстро, хоть тогда время и тянулось как жевательная резина

под палящей звездой. Вспотевшая из холодильника бутылка отдавала приятной прохладой как по моей ладони, так и внутри по пищеварительному тракту. Как часто к жизни возвращают именно такие мелочи, цена которых в обычные моменты не доходит даже до категории «запоминающихся».

– Как ты понял, что это мы были под масками?

– Я этого не знал наверняка, – признался наш спаситель, – я лишь знал, что семья Санторо получила приглашение. На самом деле, я спасал их.

– Ты там был только ради спасения? – девушка приобрела свежий вид и в удивление подняла брови.

– Признаться, это была второстепенная задача. Я должен был попасть во внутрь и увидеть все собственными глазами. Впрочем, как и вы.

– Ну и что ты там видел? Что все это было? Что за монстр? Что за ритуал? Объясните мне, что все это значит? – я дошел до состояния, когда помочь могла только истина. Я запутался, и чтобы шагнуть вперед, следует размотать шнурки на своих кроссовках.

– Скажи, что ты там видел?

– Собственно то же, что и вы, но в менее красочном образе. То, что было в этих напитках, видимо, вызывает определенные эмоции, галлюцинации и сексуальную возбужденность, которую вы все испытывали друг к другу. И хорошо, что я украл это с их, скажем так, кухни, – он указал на пустой пузырек, спасительный порошок которого вместе с во-

дой принес облегчение.

– Так это все была правда... – то ли вопрос, то ли утверждение, но что-то вырвалось само по себе, а в ответ, – томительная пауза.

– Вы видели... чудовище... это человек с головой козла и с символами по всему телу...

– Бафомет, – в разговоре вновь появился женский голос.

– Бафомет, Ваал, Аббадон, – имен у него очень много. Каждый народ пытался придать одной и той же сущности особые черты, и все же общего куда больше.

– Кто он такой? – жажда знаний боролась за первенство среди моих похотей.

– Божество, за почитание которого были гонимы адепты ранних сект его культа, правда, истребить их не получилось, хоть попыток было много. Самая громкая из них связана с охотой на тамплиеров.

– Пропусти я нагую содомию, я бы подумал, что это розыгрыш.

– Я бы все на свете отдал, чтобы от души над этим посмеяться, но как видишь, реальность скорее заставит рыдать.

– Ты хочешь сказать, что эти больные ублюдки – это выжившие рыцари с крестами на груди?

– Это лишь отчасти правда, – Гаспаро был таким же мрачным, как и Бояна. Чувствовался личный горестный опыт. Он скатывался горькими слезами во внутрь в глубь души, прожигая плоть на своем пути. У таких людей грудь сияет на-

СКВОЗЬ.

Эти сердца таили больше тайн, чем сама жизнь. Секреты были ужасными, мрачными и настолько сокровенными, что каждый из них решил превратить их сохранность в личную битву, порой неравную, даже смертельную. Но еще не настало время, пусть часы и идут верным шагом...

– Так Расскажи мне правду, даже если уверен, что, узнав ее я пожалею об этом, – если честно, то я не был уверен в своих словах.

– Эта история возносится к первым культам, когда люди поклонялись явления природы, необъяснимым на тот момент законам мироздания и небесным светилам. Никто уже сейчас точно не скажет, почему человек решил, что его создатель живет где-то там на небосклоне, что дарующее жизнь солнце можно задобрить или же разозлить. Есть предположение, что многочисленные легенды, разбросанные по всему миру и так похожие друг на друга имеют вполне реальную основу.

– О создании человека? О Боге?

– Не об одном, как принято сейчас. В те времена преобладало язычество.

– Белые Боги, – Бояна понимала, о чем идет речь в отличие от меня.

– Верно! Белые Боги! Кто они, куда делись и зачем все это затеяли, трудно сказать, по крайней мере те, кто знает наверняка, хранят тайну. Но многие верят, что они пришли с неба,

и построив царства господствовали над людьми, которых сами же и создали. Их сила была столь могущественной, что жалкие земные существа поверили в их возможность двигать солнцем, руководить самой жизнью. Но вопреки тому, что их руки лежали у истоков разумного существования на Земле, они не скупилась и на смерть, чем, собственно, нагоняли страх. Боги были кровожадными и горделивыми. Нередко они враждовали друг с другом. В их честь воздвигали храмы, поклонялись идолам, за их имена сражались и умирали. Люди боялись сильнейших мира сего и готовы были на все ради сохранения жизни, основа для которой...

– «И устроил там Авраам жертвенник, разложил дрова и, связав сына своего Исаака, положил его на жертвенник поверх дров...» – девушка, что-то зашептала, перебив Гаспаро, и тут же замолчала. По ее задумчивым глазам я понимал, что она уже где-то далеко от нас.

– Когда люди познали письмо, опять же не без помощи своих покровителей, тогда и появились священные писания. Первые книги, написанные рукой человека.

– Библия?

– Что? Нет-нет! Библия появилась гораздо позже и впитала в себя лучшие аспекты предыдущих творений, но с большими искажениями. Я говорю о тех священных писаниях, благодаря которым и возникло письмо. Столько одинаковых мифов, разбросанных по всему Земному шару, нельзя назвать случайностью, когда это режущая глаза зазнавшимся

историкам закономерность. Почему-то настал момент, когда Боги покинули наших предков, а память не отличается постоянством. Из перевода в перевод, плюс к этому желание придать своему роду статус «избранных» и жажда власти – в итоге это повлияло на окончательный облик Ветхого Завета.

– Как же из всех люди выбрали одного Бога?

– Хм. Весьма распространенное заблуждение. В Ветхом Завете, отнюдь не один Бог. Скорее, мы сейчас текст подбиваем под нужные нам критерии, а не воспринимаем слова в их истинном значении. Тогда никто и думать не смел о монотеизме. Но со временем, действительно, остался только один Элохим, возможно, потому что он крайний покинул древних людей, а может и потому что он выиграл войну среди своих сородичей, сейчас уже сложно судить.

– Тогда кому же поклоняться? – Я же плотно влез в липкую паутину, и попытки выбраться лишь еще сильнее ухудшали шаткое положение.

– Многие слепо преклоняют колена перед тем, чье имя знают, но не произносят, а лишь, действительно, избранные, вернее просвещенные, почитают источник, что даровал жизнь.

– Солнце?

– Опять поверхностное знание. Бери глубже, и ты докопаешься до истины, которую Он донесет до своего народа. Свет порой и не виден вовсе. Свет – это то, что озаряет и ум, и сердце, даже когда вокруг одна сплошная темнота.

– Знание? – передо мной приоткрылась дверь.

– В точку! И кто их людям даровал?

– Я не силен в мифологии...

– Люцифер, – этим словом девушка пронзила воздух, такой густой и теплый, что будто бы он сделан из желе. Мы и вправду находились будто бы в большом прозрачном пудинге, так сильно отстранились мы от всего мира.

– Совсем ничего не понимаю.

– Плод, таивший в себе познания добра и зла. Тот, кто поселил Адама и Еву в Эдеме, не желал, чтобы они хоть что-то узнали об основах мира. Кто-то называет его Демидургом.

– А Люцифер убедил вкусить плод.

– «И будьте мудры как змии...»

– Да, он будто бы один из всех небожителей собирался наделить людей той чертой, которая была присуща только подобным ему. Он возжелал, чтобы человек восседал над всем живым миром: «... и вы будете, как боги, знающие добро и зло...».

– С детства нас учат другой трактовке, но эта оставляет куда меньше темных пятен.

– Люцифер отождествлялся с ранней звездой утренней зари, предвестником рассвета. Он же Денница, Венера, Ангел Света... Много разных имен и совместно с непостоянством человеческой памяти, они откололись от одного цельного образа и обрели даже порой отличительные друг от друга свойства и функции...

– И дьявол? – Я впервые перебил рассказчика.

– Знаешь, в какой-то момент правда стала неудобной. Правда – это очень капризная вещь. Она с трудом уживается с властью, – Фалько какое-то время собирался с мыслями, а я украдкой поглядывал на Бояну. Она безучастно смотрела вдаль, где царит лишь пустота, – если человек силой мысли способен добраться до царства Божия, то Господь вовсе не столь велик, как завещали нам священные писания, переписанные и украденные друг у друга у разных народов. И вот тогда наместнику божьему уже становится некомфортно, ведь первая шальная мысль подобного плана у прихожан открывает целый простор, на окраине которого сомнение, исследование и, упаси Господь, атеизм. Власть имущие стали искать общего непобедимого врага, с которым можно вечно бороться. Ведь лучшая опора власти – страх.

– И его олицетворили. Дали образ, имя и историю. Ты это хочешь сказать?

– Заметь, что в первых переводах Ветхого Завета нет дьявола по имени Люцифер. Дьявол в принципе лишь образ плохих деяний. Известный как Сатана появляется в то же время, что и Христос, во время Вселенского собрания при императоре Константине.

– То есть Иисус Христос был выдуман? – я никогда не относился к христианству с особым трепетом, но возможность услышать доказательства против религии меня взволновало.

– Отчасти. Скорее его божественная природа, – рассказ-

чик тщательно пытался подобрать слова.

– Человеком он был выдающимся, не спорю, но он всего лишь пророк. А в IV веке его возвели в статус сына Божьего. И теперь речь не идет об избранном народе, готовом на все ради обещанных благ. «Зуб за зуб» уже не слышно, теперь на устах «подставь вторую щеку». Чувствуешь, как из избранного народа, готового воевать за землю обетованную, становимся послушными рабами божьими? Но даже такому добряку нужен вечный соперник, некий искуситель, лукавый, если так угодно. И вот на Никейском соборе главы церкви под руководством язычника-императора скидывают Люцифера с неба прямиком в недра пылающего ада. Отныне, знания, присущие Богам, исключительно в руках высших людей, чья голубая кровь жаждет абсолютной власти.

От всего сказанного у меня кружилась голова. Я чувствовал себя альпинистом без подготовки начавшего марафон по восхождению.

– Этот момент является вступительным словом самой кровавой страницы истории. Объявлена война еретикам. За волей божьей можно скрыть свои корыстные намерения, будь то жажда наживы или мания власти. Своего апогея борьба за благословение достигает в период крестовых походов. Истинные цели нашествия защитников «гроба Господня» скрыто под бесчисленным количеством разлагающейся плоти. Среди всех фанатиков формируется орден «бедных рыцарей», готовых бесплатно защищать пилигримов,

что скорее всего служило дымовой завесой правдивого замысла. «Красные кресты» хотели стать хранителями доказательства земной жизни Иисуса Христа и его божественности, но вместо того, чтобы укрепить выдуманными артефактами многовековую легенду, они наткнулись на истину, от которой больше не смогли отвернуться, – Гаспаро сделал паузу в рассказе, будто бы собирался духом для продолжения.

– Ну, и что же они нашли? – я не выдержал муки ожидания.

– Никто не знает точно, но эта находка придала Гуго де Пейну, Годфруа де Сент-Омеру и их ближайшим соратникам могущество, перед которым были бессильны короли сильнейших держав и даже сам Папа римский, даровавший ордену неслыханные на тот момент привилегии и полномочия. Говорят то, что они нашли не сравниться ни с какими богатствами, властью или другой какой силой во всем мире. Вроде как, это древние знания... те самые...

– Они нашли первую Библию, – Бояна внимательно следила за рассказом, – священные писания, прочитав которые тебе откроются все тайны мироздания.

– Одна из версий гласит, что рыцари-монахи наткнулись на полное собрание писаний, настолько древних, будто бы их написали еще до создания времени. Фактически со слов Белых Богов.

Какое-то время мне потребовалось на раздумье. Гаспаро Фалько выразил свое понимание через молчание. Он знал,

что мир, устоявшийся в личном понимании каждого, меняется со скрипом и со скрежетом. Чтобы построить новый мир, старый нужно снести чуть ли не под фундамент.

– Что произошло дальше? – я был готов для новых ударов по сложившейся картине мира.

– Когда тамплиеры уверовали, что Новый Завет полон лжи, то потребовали объяснений от Папы римского. Неизвестно, как Ватикан добился молчания от рыцарей, тем не менее орден стал процветать. Храмовники преуспели в разрастании финансовой системы, забыли о данных обедах, но не смогли оставить поиски правды. Они чувствовали, что есть какая-то незримая цепочка. Часть тех рукописей, что была у них на руках зашифрована, и найти ключ было крайне сложно, и спасением предстало их расположение. Балдуин поселил тогда еще бедных рыцарей в храме Соломона. Святая земля повсюду наполнена наследием не только Иисуса, но и эпохи Яхве. Для себя обманутые монахи открыли древний культ, целью которого служило достижение света, как источника познания. Знания, за которые Фауст готов повторно продать свою душу.

– Какие знания настолько сильно секретны?

– Одно лишь слово... Но какой величины... Имя Бога, того самого, который не желал наслаждаться существованием один, тот, кто хочет возвысить человека, служившего ему на ступень ближе к себе. Его подданные – избранные люди, выше всех остальных. Элитарное общество на службе высших сил.

– Имя Бога дает могущество и власть?

– Это шифр к древним сакральным знаниям.

– А имя ему Люцифер?

– Люцифер – лишь название ранней звезды, которое появилось гораздо позже. Настоящего имени мы не знаем. Оно не читается в привычном для нас понимании. Некое подобие тетраграмматона. Возможно, мы даже не знаем этого языка, скорее даже о его существовании не догадываемся.

– Они этому Богу поклонялись?

– Храмовники поняли, что свет познания истин никогда не станет общественным достоянием, ведь его достижение – это трудный путь, а этому способствуют жертвы, которые Всевышний требует от нас.

– Ты про кровь? – пазл потихоньку складывался в одну единую ужасную картину.

– Не стоит забывать, что у истоков мировой религии стоит император-язычник, чего только стоит его печать, найденная спустя годы крестоносцами. В то время культ, о котором я говорю, древнейшая религия была известна лишь немногим, а тамплиеры просто нашли доказательства ее существования. На вопрос почему Константин вдруг решил отречься от пантеона в угоду одному чужому для себя Творцу, церковь отвечает в своем стиле: «божье предзнаменование». Видимо, никто из просвещенных не желал, чтобы «Имя Бога» пошло в ежедневный обиход, поэтому воздвигли религию, проповедующую упокоение и любовь к врагу своему.

– И что они сделали с этим знанием... со светом, как ты говоришь.

– Обрели могущество. Посмотри, как они разбогатели, при этом не подчиняясь ни одной короне мира. Фактически создали первые банки, со временем поработившие каждого человека. Они навсегда вписали свои имена в историю.

– За это их и уничтожили?

– Я ведь уже говорил, что у Ватикана есть свой Бог.

– Иисус Христос?

– Нет! – Гаспаро покачал головой из стороны в сторону.

– Власть! И с ней никто не хотел расставаться, ни понтифик, ни один из монархов. Сговор против слишком успешного ордена достигнул цели. Папа римский разослал письма, которые вскрыли и выполнили в одно и тоже время во всех уголках Земли. «Убить тамплиеров, они все слуги Сатаны!» Молниеносная спецоперация помогла предотвратить шантажа по поводу правдивости Библии. Кроме того, нужно было разжечь народный огонь ненависти к благородным красным крестам, чей авторитет был весьма велик. Этому способствовали фантазия и опыт во лжи. Мало того, что рыцари преклоняют колена перед другим божеством, его нужно было обезобразить до ужаса об одном только упоминании. Так Люцифер навсегда объединился с Сатаной и обрел облик Бафомета.

– Убили не всех, верно?

– Это были славные годы для святой инквизиции. Извра-

ценные пытки, издевательства, карательные выступления на площадях для привлечения внимания. Но даже когда прозвучали последние слова великого магистра, кто-то из ордена выжил. С тех пор они предпочитают больше скрытности. Много тайн сближает, а значит вы уже братья, чью верность надо окропить кровью в уплату за пятницу 13-го далекого XIV столетия. В то время возник союз просвещенных. Именно благодаря тому, что чистка обрела такой известности, многие культы объединились. К воинам, выжившим после чистки, присоединились древние ремесленники, строители того самого храма Соломона. Они возводили храмы со скрытыми от невежества символами и знаками, в которых таилась часть трансцендентных знаний. Это общество знало историю от камня к камню в стенах любого строения. Как оказалось, таинственность, жажда власти и огромное финансовое состояние – гремучая смесь, периодически полыхавшая. Эта сеть разрасталась по всему миру, обрекая его на неведение происходящего.

– Есть исторические факты? – для меня все еще было сложно свыкнуться с резким прыжком из конспирологии в реальность.

– Спустя почти 4 века, после того как голова короля Франции Людовика XVI слетела с плеч, на эшафоте появился человек...

– «Жак де Моле, ты отомщен!» – я уже и забыл про Бояну, так сильно увлекся историей, – Жак де Моле – последний

великий магистр...

Она немного запнулась, но сразу же добавила:

– Последний известный магистр.

– Ладно, Данил, я надеюсь, что ты достаточно посвящен для выхода из матрицы, а теперь я предлагаю выбраться отсюда. Я пойду найду машину и все разведу. Сидите тихо. Не думаю, что местные часто встречают молодую пару в плащах на голое тело, – наше немое согласие взбодрило копа, и он уже сделал первый шаг, но вдруг его что-то дернуло и заставило обернуться, – да, Бояна, огромное тебе спасибо, что туда пошла именно ты. – Фалько выдержал паузу, чтобы я догадался, что девушка знала о предстоящем, когда согласилась на авантюру, – тем самым ты спасла Карлоту. Не думаю, что она бы смогла сейчас... после утраты...

– А может девочка еще жива? – я сразу же пожалел о своей выходке, наполненной идиотского оптимизма, – но ведь на этом сборище ее не было, я думал именно за этим и позвали Санторо, – выдавил из себя сквозь обиду, – или хотя бы дали еще одну подсказку...

– Еще одну? – хранитель правопорядка встрепенулся, а Бояна ударом под ребра дала ясно понять о лишней болтовне, – что у вас есть? Ну же! Мы можем работать сообща!

– Я видел письмо, которое прислали семье, – перед общим врагом нужно объединиться, почему же Бояна этого не понимает? – там была фотография надгробной статуи ангела и подпись, – или я просто желал доказать девушке, что тоже

имею свое мнение, согласно которому и действую, – «Молись, пока ангел не простит тебя».

– Черт возьми, почему вы молчали? – опять допрос и опять детский розовый блокнот. Коп, нервно записывал все мною сказанное в маленькую неудобную книжечку.

– Ты знаешь, где это? – наконец-то надежда стала обретать облик.

– Я догадываюсь. По дороге все объясню.

Бояна вновь вернула себе суровость и твердость во взгляде. Ее глаза всполохнули, а мышцы по всему телу напряглись как перед схваткой. Она вновь готова кинуться в битву. Что же касается меня, то я окончательно запутался в своих намерениях. То, что я встретил в дворце, то, с чем нам предстоит бороться, этот раздор, между нами, разве есть у нас шанс на победу? Разве есть возможность хоть кому-то из нас выжить?

15

Старенький фиат во всю силу 4-хтактного устройства разрывал пространство, впиваясь в него с ревом дикого зверя и скрипом колес.

– Легенда гласит, что где-то в темные века, когда католический священник, чье имя неизвестно, но есть данные, что его называли отцом Бренданом, поддался искушению самого дьявола. Причем, грешный поступок был самым низ-

ким и подлым из всех вариантов грехопадения. Ни деньги, ни власть, ничего его так не интересовало, как детское еще неокрепшее тело. Похоть старого извращенца с особым возбуждением возникала, когда на службу приходил мальчишка с рыжими волосами. Однажды, добившись уединения, священник убедил бедолагу, что его цвет волос – это метка лукавого, и нужно срочно предпринять меры по спасению души. А так как сатана уже завладел телом, то путь спасения лежит через телесные испытания. Хитрый сукин сын!

Это продолжалось, пока отец мальчика не вернулся домой после долгого и изнурительного крестового похода. В тот день, не обнаружив сына дома, он вместе с местными детьми отправился на поиски. Вот тогда акт соития и увидели юные жители городка через щель в двери в покои морального уроды. Насмотревшись ужасов войны, рыцарь даже не дернулся в сторону меча, крови было пролито и без того слишком много. Он отдал виновного пусть и избитого не малодушными соседями под суд, точнее под его жалкое подобие, соответствующее темным временам. В конце концов, вернувшись со святой земли, отец мальчика был глубоко верующим, но даже самой сильной вере, порой приходит конец, – Фалько говорил вздохом, без перерывов между предложениями так, как будто на одном вдохе, как будто побыстрее хотел избавиться от своей роли рассказчика.

– Парень не смог пережить издевок со стороны сверстников, и взгляда отца. Глаза, видевшие так много ужасного, от-

ныне никогда не попадали на сына, всегда куда-то в сторону, как будто он ими что-то искал и все никак не мог найти. По мнению изувеченной молодой души перерезанное горло упростит всем жизнь, и он ее «упростил». Поход в Иерусалим помогли в десятки раз улучшить финансовое состояние семьи, а потому рыцарь не скупился на похороны единственного наследника. Бесполезно дожидаясь справедливого наказания, он уверял, что его сын не является самоубийцей, так как его убили. Убил тот, чье призвание защищать. – Солнце уже спряталось за горизонт, и лишь последние лучи сияли где-то далеко, а мы их будто бы старались догнать. – Призвав братьев по оружию, отец выкрал священника и привел на кладбище в самый дальний угол на отшибе к мраморному ангелу с ликом ребенка. Извращенец, предрекая собственную смерть, молил о пощаде, уверял об осознании содеянного, но приговор был уже вынесен. «Ты виноват не передо мной, чтобы вымаливать прощение. Моли того, кому ты навредил». С разбитым сердцем отец заставил виновного «молиться, пока ангел не простит». От наказания тот впал в отчаяние и, действительно, попытался таким образом искупить вину, но статуя оставалась немой. Тогда провозглашенный судья изуродовал лицо преступника и оскоблил его. Никому ненужный урод, как душой, так и телом, он с головой окунулся в нищенскую жизнь. Бывший священник просил милостыню у входа в церковь, читая Евангелие, потом напивался на жертвования и спал в собственной луже мочи

на улице. Подобный образ жизни был губительным, – фары машины вонзились в наступившую темноту, указывая верный путь, – так получилось, что умершего прямо под дверью в дом Господа бродягу похоронили на деньги церкви и не где-нибудь, а так близко к жертве его похоти, что поползли сплетни, будто даже после погребения, грешник пытается вымолить прощение.

– И ты знаешь, где эта могила?

– Да, к несчастью, я знаю, – взгляд Фалько стал угасать, – мы уже близко.

Гаспаро рывком добрался до одинокой заправки, нырнул во внутрь здания и выскочил оттуда с тремя фонарями. Мне нравилось, что мы действуем сообща. Уверен, из этого что-то получится.

– Я все никак не могу понять, объясни мне будь добр. Эти самые... строители... – я не мог отпустить историю, что послужило мне прозрением.

– Каменщики! Они называют себя так.

– Каменщики. Хорошо. Они до встречи с тамплиерами тоже были какой-то секретной организацией?

– Верно. Более того, это одно из древнейших сообществ такого рода. Первое упоминание, дошедшее до нас, исходит от имени Хирам Аббиф. Знания, которыми они располагают, они заточили в архитектуре. Именно они трудились над храмом Саломона, кто знает, что еще принадлежит их циркулю и угольнику. Может быть даже пирамиды по всему миру?

– Тогда зачем им нужны были тамплиеры? – я все никак не мог уgomониться.

– Первый храм был разрушен. Говорят, в его руинах был потерян святой ковчег, и бог знает, что еще. Возможно, рыцари и нашли некогда утерянные знания. Помимо этого, их удачная финансовая политика позволила разбогатеть, а после истребления ордена, богатство никто так и не нашел. Значит, надежно сохранили.

Разговор был закончен, когда машина уткнулась в забор. Уверен, что Фалько, что Бояна этому очень обрадовались, но ради приличия никто из них виду не подал.

По неосвященной аллее мы вышли к громадной арке с тремя проходами и двумя башнями по бокам. На красном кирпиче вверху висела соответствующая размеру арки табличка с названием кладбища.

Когда мы пересекли арку, то очутились скорее в музее под открытым небом, нежели в обители погребенных, так много здесь было застывших фигур тонкой ручной работы. Под холодным блеском звезд они казались живыми, насколько это возможно на кладбище. По повелительному щелчку пальцев они разогнут свои спины и бросятся на нас, чтобы навечно спрятать под слоем земли секреты своих хозяев.

– И как нам найти нужную песчинку на этом пляже?

– Когда педофила хранили, – Фалько сбавил ход, чтобы не упустить ни одной фигуры, – отец жертвы насилия был мертв. Его сгубила болезнь. Но спустя годы небезразлич-

ные граждане, потрясенные жестокостью истории, возмутились из-за бесчеловечного кощунства по отношению к бедному мальчику, кроме того, церковь продолжала отрицать вину своего служащего за неимением доказательств. Слова детей ничего не значат. С тех пор кстати ничего и не менялось. И к тому же, вскоре они забыли все, что видели, по случайному стечению обстоятельств, или нет, сложно сказать, – коп перешел на шёпот и уже с оглядкой пробирался через тьму, – дальние родственники заплатили крупную сумму, чтобы могилой преступника проложить дорожку. И теперь всякий идущий мимо наступал грязной подошвой на гроб ублюдка.

– Мы ищем дорожку, которых здесь не меньше, чем статуй ангелов! – Бояна объявила о себе всплеском негодования. В ее резких движениях читалась нервозность. Что-то в ней безвозвратно было потеряно, надломлено и старательно скрывается.

– Да, но здесь особенный случай. Место погребения мальчика стало неким предметом паломничества. Сюда приходили возложить цветы всем жертвам несправедливости, поэтому путь этот очень старый, истоптанный, но тем не менее облагорожен. Кто-то поставил заборчик, кто-то указатель, кто-то считал нужным как можно больше сделать шагов по могиле педофила, нарушая его покой. Помимо всего сказанного, это должно быть единственное место на кладбище, где подход к надгробной статуе сбоку и лежит через со-

седний участок...

Гаспаро резко повернулся к нам с Бояной и сквозь зубы прошипел приказ:

– Выключите фонари!

В полной тьме мы крались к источнику нарастающего шума. Периодически повторяющиеся всхлипывания земли от удара плоским металлическим предметом становились более отчетливыми по мере приближения. До того, пока мы не погасили лучи света, я даже не обращал внимание, как тучи заволокли небо.

– Темно как в могиле, – еле слышно прошелестела девушка с ухмылкой на милом уставшем лице, заметив мое замешательство. В ответ я подмигнул на ходу, за что тотчас расплатился. Правая нога влетела в камень, равновесие пошатнулось, и я кубарем полетел на землю с произвольным грубым описанием всей ситуации.

Вокруг воцарилась тишина, а я на себе испытал гневный взгляд полицейского и злостного рока судьбы. Ночь даже звука не подавала, вокруг лишь мертвецы. И я почти себя убедил, что все обошлось.

– Кто такие? – возникший голос со спины ударил вспышкой света. Привыкшие к темноте глаза отозвались болью, как та, что ударила меня по сердцу за мой косяк.

Обстановка менялась за считанные секунды:

– Уго, это ты? – испепеляющее сетчатку солнце сжалось, и лучи плавно нырнули к нам под ноги, – твой дурацкий ак-

цент! Я его узнаю даже когда оглохну на оба уха!

– Уго, как я рада тебя видеть! – Бояна кинулась на темный силуэт, а тот в ответ обнял хрупкое женское тело, скрытое под широким плащом. По его ласковым движениям читалась любовь, что возникает между братом и сестрой. Пусть их разделила жизнь с самого ее начала, но сложные ее этапы, препятствия и тяготы свели родные души после долгой разлуки.

– Что с вами случилось? – испанец пожал мне руку, а потом протянул ее Фалько Гаспаро, не одарив его даже взглядом. Я понял, что они знакомы, и знакомство весьма нерадостное.

– Я все тебе позже объясню. Вы все-таки нашли эту могилу? – Бояна неожиданно повеселела. Видимо, рядом со здоровяком веяло безопасностью.

– Да, помогли наши канадские друзья.

Я оглядел двух индейцев, крупных и суровых. Как верные солдаты они выполняли поставленные задачи, ни проявляя при этом ни намека на личные чувства. В очередной раз я сильно ошибся. Туманна человеческая натура, что познала горе...

– Они в свое время все кладбища прошуршали, особенно вблизи церквей. Им приходилось много кого искать.

Направляясь за Уго, мы перешагнули через бруствер.

– Мы уже осмотрели могилу мальчика. Никакой подсказки.

– И тогда вы решили достать священника, – догадался Фалько, на что испанец ответил молчаливым кивком.

Прошло всего лишь пару минут и трудяги уже вскрыли гроб. Три пары огромных рук могли бы за считанные часы вскопать все кладбище, тем более что в их порыве читалось не только сверхчеловеческие возможности физического труда, но и рвение к справедливости. У каждого из нас свои мотивы, но цели явно имели общее основание.

Когда крышка гроба была открыта, увиденное опрокинуло душу в пропасть. Пустота зияла где-то в области кровяного насоса и так болезненно гудела, что гул сотрясал обосновавшиеся здесь веками тишину. Пустота, точно такая же, как и в пристанище тленного тела.

– Неужели ошиблись? – испанец переглядывался с двумя канадцами. Впервые с момента знакомства Уго показался мне беспомощным.

– Нет! – вскрикнул Гаспаро, – это значит, что его никогда здесь не было. Глупая легенда! – в голосе присутствовала неподдельная грусть.

Молчание вылезло из могилы и накинuloсь на каждого из нас. Тяжело было даже вздохнуть так чтобы уставшие легкие выпустили спертый воздух.

– Посмотри на это! – один из здоровяков ткнул пальцем на надпись с внутренней стороны крышки гроба. Глаза загорелись и в груди что-то вновь застучало.

Мы бросились к артефакту, толпились и толкались. И

лишь когда благоразумие взяло верх, Бояна уступила место Гаспаро Фалько, и тот с фонариком в руке почти что по буквам читал еле видимый текст:

– С-л-е-п т-о-т к-т-о д-у-м-а-е-т ч-т-о в-о-л-я б-о-жь-я э-т-о л-и-шь б-л-а-г-о-д-а-ть...

– Тут еще кое-что!

– В-и-н-о-в-е-н т-о-т к-т-о б-о-г-о-м н-е п-р-о-щ-е-н.

– ... кто богом не прощен... – Бояна повторила каждое слово и погрузилась глубоко в свои мысли.

Потрясения одно за другим накатывало нас во время беспощадного прилива. Все больше и больше поглощало то, чего обычный человек не способен понять.

– Что это может зна...

– Эй! Кто там? – видимо, охранник все же не всю свою смену решил проспять.

Похватав фонари мы всей толпой ринулись к окраине кладбища. По дороге мы разделились на множество маленьких групп, впрочем, я не уверен, что была погоня, но на тот момент это не имело никакого значения. Мы бежали от собственных страхов. К тому же, рисковать в нашем положении было немислимой роскошью. Какой шум мог бы подняться при виде черных плащей у вскрытых могил.

Я хорошо помню, как к забору мы подбежали почти все вместе, а после не самого удачного преодоления препятствия и уже лежал лицом упершись в землю. Мне хватило пару секунд, чтобы рассмотреть что-то маленькое и по-детски ми-

лое, что резко возникло передо мной, схватил это и ринулся за едва заметной тенью.

Окольными путями, мелкими перебежками, под покровом ночи я, Бояна и Уго добрались до припаркованного старенького BMW последнего и скрылись, не оставив ни одной зацепки для нашей поимки. По крайней мере, самонадеянно так предполагали.

В машине водрузилось безмолвие, даже радио не пытаюсь нарушить его. У меня было достаточно вопросов, чтобы всю дорогу до отеля наслаждаться женским голосом со слабенькой хрипотцой, настолько туманной, что сомнения о ее существовании то и дело накатывают волной. Но все же я устал. Устала и Бояна. Причем, ее внутренний мир так сильно поглотил ее целиком, что она даже не попрощалась со мной, когда я выходил из машины. Она продолжала смотреть куда-то вдаль через стекло, улицу, дома, через ткань Вселенной, через все пелену бытия. Возможно, где-то там на затворках мысли и лежали ответы, а она была очень близка к ним.

Я благодарил все существующие и не существующие высшие силы, опустошившие в этот самый момент ресепшн. Я проскочил к стойке, сорвал со стены свой ключ и прошмыгнул к лифту. Было бы много внимания к моему одеянию. Я же больше всего на свете хотел, стать невидимкой, даже исчезнуть из жизни. Со временем ко мне придет понимание, что желания сбываются и очень часто, но очень редко вовре-

мя и куда реже по придуманному нами сценарию.

16

Сладкий сон, укутавший меня мягким постельным бельем, и не отпускал из своего плена до полудня. Даже когда сквозь веки солнце обуглило мне глаза, я все еще притворялся убитым, чтобы дикий хищный зверь в облике наступающего дня оставил меня в покое. Во сне я отчетливо слышал звонок телефона, но подобные ужасы я предпочитаю передать во власть забвения. Жаль только что данная способность рассеивается, как только сон обрывается и реальность как железный занавес сваливается перед лицом, исключая любую возможность спастись от него.

Не успел я умыться, когда понял, что прятаться под белоснежным одеялом больше нет смысла, как об дверь обрушился град из кулаков.

– Данил, открой, это я! – мне этого делать совсем не хотелось.

Знакомый голос в коридоре показался мне весьма неприятной новостью. Когда я открыл дверь, Андрей влетел в комнату как реактивный снаряд. Он был чем-то взволнован, взведен до предела. Вот-вот произойдет выстрел. И Андрей знал, кого этот выстрел зацепит. Возможно ли, что он даже был напуган?

– Что случилось?

– Данил, – укоризненный взгляд заставил меня стыдиться, хотя я наотрез отказывался понимать почему, – вот нахрена ты туда поперся? Чертов придурок! – последнее он произнес шепотом себе под нос, но я почти уверен в точности этих слов.

– Ты о чем? – Вопрос, как последняя попытка поймать потерянный баланс. Я знал, что этот глупый прием мне не поможет. Ничто уже мне не поможет.

– Не играй в идиота! – Андрей сорвался на крик. Раньше он никогда не позволял себе ничего подобного.

– У тебя в последнее время это и так хорошо получается.

Я молчал и смотрел как совершенно незнакомый мне человек меряет номер шагами, а мою жизнь своими едкими замечаниями. Столько лет дружбы и совсем ничего о нем не узнать. Иллюзия дружбы. Иллюзия знаний. Иллюзия жизни.

– Данил, хватит пытаться что-то изменить. Для этого ты слишком слаб и беден, – мой бывший лучший друг молитвенно сложил руки перед собой, – я куплю тебе билет домой, а все это забудь, как сюжет дурацкого фильма, – так я мог поступить только с нашей «дружбой», – тебе все-равно его не понять.

– Как на это можно закрывать глаза? В таком случае, подобная содомия никогда не закончится, – контратака с моей стороны.

– Она в любом случае никогда не закончится с тобой или без тебя. Уж слишком влиятельные люди замешены, – вот

и открылся настоящий Андрей. В глазах промелькнул тщательно скрываемый страх, уж теперь я в этом убедился. Он вылез из своего убежища и как паразит захватил душу и тело изнутри. В последнее время я так много узнал о страхе, его самые скрытые и самые агрессивные формы, что теперь опознал его без труда.

– Андрей, ты ведь знаешь столько про них, так помоги нам, – мои слова еще сильнее напугали его, – давай вместе бороться! Кто-то должен их остановить! Я ведь вижу, что тебе это тоже не по душе!

– Какой же я идиот! – он озирался, как будто знал, что в номере мы не одни, – я зря пытаюсь тебя вытянуть... так ведь еще и ты утащишь за собой...

– Постой, ты куда? – я схватил человека, некогда близко-го, но сейчас максимально далекого от меня. Он находился гораздо дальше протянутой руки, кисть которой захватила его локоть. Между нами пропасть, и каждый из нас ее наполнял своим смыслом.

Он отдернул руку и остановился в полуобороте:

– Уничтожь все, что тебя объединяет с этой историей, начни с маски и плаща, и тогда они... – слова резали глотку, – тогда они... может и оставят тебя в покое... Только так я смогу попробовать помочь тебе, – разве я мечтал о собственном спасении? На риторические вопросы не отвечают...

Андрей ушел, а шлейф бредовой ереси все еще не покидал меня. Плащ я спрятал в ванной сразу по возвращению,

и он не мог его заметить, но маска? Черт возьми, я даже не помню, куда она делась. Кажется, я ее потерял еще во время ритуала.

Я закрыл дверь, развернулся и замер с гримасой ужаса на лице. Увиденное так сильно хлестало потоком чувств, что я не знал, чему верить. Это был животный страх, раздирающий грудную клетку диким воем. Это было недоверие реальности, граничащее с сумасшествием. Это был сам дьявол! Маска! Она лежала на подушке! Я спал вместе с ней? Не помню! Она была рядом, но как долго? Что она от меня хотела? Как она вылезла из прошлого?

В нахлынувших слезах я бросился в драку с неодушевленным предметом. Я кромсал ее и ругался. В порыве бешенства я уже не отдавал себе отчет, что мой рев слышен чуть ли не всем постояльцам. Раздербанив свою психику, я поспешил покинуть номер, мне срочно нужно было подышать воздухом.

– Сеньор Егоров, – на ресепшене стояла милая девушка, и, кажется, я ее знаю, – вы вчера поздно вернулись?

– Да! – мой ответ опережал мысль на несколько важных секунд, поэтому получилось весьма грубо.

– Как же мы могли пропустить ваш приход, – с наигранным сожалением заявила девушка, – мы приносим извинения, что вам пришлось столкнуться с трудностями, – я посмотрел на потолок и не сразу, но все же нашел объектив, так зорко наблюдающий за стойкой и тем не менее ничего

не видящий.

На бейджике написано «Сара», но так ли это на самом деле в этом царстве бутафории? Девушка мне улыбнулась. Я не стал этого делать в ответ, и как можно быстрее отвел постыдный взгляд и выбежал из прохладного фае. Мне осточертел этот фальшивый мир с его клоунами, не замечающими ничего, что выходит за рамки отведенного им сценария! Их ограниченные действия еще можно было простить, но границы их мышления были издевательски тесными и неподходяще к месту строгими.

Воздух закипал на раскаленных улицах, и даже пот, лившийся ручьями, не спасал от адского пекла. В голове творился полный бардак из отрывков реальности, намешанных с безумием и больной фантазией. Мне бы найти Бояну, Уго или Фалько, но где они есть? И есть ли они вообще? Может их стоит искать где-то на руинах разума? Я уже ни в чем не уверен. Я был на грани срыва.

Фалько! Я же вчера возле забора поднял его детский блокнотик! Как я мог забыть про него? Я достал маленькую книжечку с розовой обложкой. Мне безумно хотелось понять причину привязанности к неподходящему для статуса детектива аксессуару. Я принялся листать, даже не пытаюсь разобраться в незнакомых мне надписях и остановился лишь на маленькой старой фотографии сложенной пополам и приклеенной к последней странице. На фото, видимо, были брат и сестра в детской комнате. Возраст их не превышал началь-

ные классы, и как принято в таком возрасте, счастье хлестало через край искренних улыбок. Комната была явно девчачьей, потому что столько розового могут вытерпеть исключительно юные принцессы. Все игрушки, коих большинство мягких и плюшевых, все домики для кукол и все книжки на полках – всё излучало один и тот же цвет. Мальчишка рядом был явно старшим из детей, что читалось в его пусть и веселых, но все же серьезно настроенных любить и оберегать до конца жизни, младшую сестренку. Я перевернул фото и надпись, что уже порядком затерлась, пустила по телу дрожь, от которой слезы забрызгали уставшие от увиденного глаза. «Я обещаю, я найду тебя. Я не перестану тебя искать. Люблю тебя, твой брат!»

Я больше не мог находиться в этом городе. Столько боли в сердцах каждого, кто мне повстречался, столько горя в этих опустошенных глазах, что некогда излучали надежду на счастье. Жизнь становится невыносимой в таких тисках, и каждый из нас пытается найти доступный ему выход: кто-то находит его на дне бутылки, запивая любой намек на чувства; кто-то пытается бороться и, как правило, так слеп в этой борьбе, что страдают невинные, а кто-то находит выход в конце туннеля, что так близок, когда отчаяние долгое время не покидает тебя.

Остро встала необходимость поговорить с кем-то из знакомых, пусть даже ненавидящих меня. И, к счастью, именно такая персона жила не так далеко вблизи площади трех

фонтанов.

Ачиль был прав. Всегда! Впервые после пропажи Саманты меня встретил пьяный не от алкоголя, а от горя и безысходности взгляд. Он молча открыл дверь, развернулся и пошел в гостиную, пустынную как сердце хозяина. Ничего не оставалось, как безмолвно последовать за ним.

– Где Карлота? – я не мог больше терпеть давящую тишину.

– Уехала домой к родителям, – в голосе слышалось успокоение.

– Ачиль знаешь... – итальянец вытянул руку жестом «стоп» и заткнул меня. Так не хотелось слушать оскорбления. Я бы многое отдал за обычную человеческую поддержку.

– Я все никак не мог свыкнуться с мыслью. Нет, ты не подумай, я не настолько глуп, – прорвался нервный смешок, – чтобы верить, что Саманта вернется. Я боялся, что она окажется там, в руках этих извергов... а нас заставят смотреть... – воцарившаяся тишина стала тяжелой и мучительной, как будто я попал под пресс, – скажи, Данил, – Ачиль с героическим трудом выговаривал слова. Он верил, что если их медленнее произнести, то они потеряют свою силу, иссякнут к моменту произношения последних букв, – ее ведь там не было?

Никогда не забуду этот умоляющий взгляд. Слезы не просто скопились в уголках глаз, они прожигали глазное ябло-

ко. Столько яда копилось в сдержанном горе. В тот самый момент я понял, что по-другому поступить просто не мог.

– Не было, – этого наверняка я не знал.

– Спасибо... спасибо старина, – переполненный сосуд разорвало и слезы полились наружу.

Я подсел достаточно близко, чтобы Ачиль смог облокотиться на мое плечо, он же в него вцепился. Душевный поток горечи обрел форму и изливался на мою футболку. От такого вида меня самого начало пробирать. Как же важно человеку в трудную минуту поделиться горем, разделить те страдания, которые одному сердцу не под силу.

– Спасибо, – Ачиль отпрянул от меня, как будто вспомнил, сколько ругани было в мою сторону, и вытер слезы, – спасибо, – голос слабый, я б даже сказал, жалкий. Тяжело было видеть такую резкую перемену.

Желая еще больше облегчить боль, но против воли сделав еще больнее, я предложил выпить.

– Зачем? Карлота не любила, когда я напивался, но она уже уехала, а топить горе на дне бутылки присуще безмозглым болванам! – он помолчал, а затем добавил:

– Ведь рано или поздно бутылка опустошается, а душа нет.

Я молчал, удивляясь своему глупому предложению и его продуманной уловке. Этот парень достоин уважения. Он вел свою личную борьбу против целого мира.

– Данил, а ведь ты не просто так сюда пришел верно? –

только что расклеенный, он уже был собран, холоден и бесчувственен.

– Признаться, да, – я не мог понять с чего лучше начать, – то фото, что тебе прислали...

– Вы ведь вскрыли могилу, – слова как ледяная вода ошпарили меня.

– Откуда ты...

– А кто еще мог знать про письмо? Готов поспорить ничего не нашли? – удар за ударом как хлыстом свистели по гостинной.

– Причем вообще ничего.

– Это неудивительно, ведь месть священнику, все равно что вечный рай за земные мучения и лишения – сказки для бедных и подвластных. Людям необходимо верить, что все беды, которых к тому же лишены богатые и власть имущие, не просто так свалились на плечи. И вскоре за все воздастся.

– Так ты знал с самого начала?

– Они тем письмом не желали показать мне, где моя дочь, они фотографией прямо сказали, что члены этой общности ненаказуемы ни одной властью, кроме собственной. Точнее они просто напомнили мне элементарные правила игры, в которую я однажды ввязался.

– Но за что с тобой так поступили?

– Бояна не сказала тебе? – как пощёчина хлестанули слова. Хлопок! И лишь звон в ушах.

– Откуда ты ее знаешь? – об упоминании ее имени сердце

колотило как бешеное.

– Эх, – Ачиль глубоко вздохнул. Диалог был в напряг, – я работал вместе с ней, точнее с Джоном.

– Шпион... его напарник, – в пол голоса выпало из моего рта. Меня пробрало насквозь. Мурашки от осознания искололи тело.

– Да... Он решил взять весь удар на себя, чтобы я мог оставаться в тени. Джон по-настоящему считал, что это важно, но как видишь, наш план был провален с самого начала. И плата слишком велика, – его голос опять начал робеть, – первое время меня разрывала несправедливость, ведь кара настигла только меня с моим напарником, но потом я понял, что остальным лишь дали больше времени. Их участь куда хуже. Каждое утро они просыпаются в слезах от ночных кошмаров и понимают, что будет только хуже. Я сплю и вижу во снах Саманту, мою милую «amore di para», – голос сорвался и скупые слезы вновь появились в уголках глаз, – я молю Бога о жизни, но они, – связки вновь окрепли, – они будут молить о смерти. Быстрой и безболезненной. Сочувствую старина. Надеюсь, ты веришь в какие-нибудь высшие силы, которые как чудо могут помочь внезапно или спасти твою душу. Все, что останется. Так проще.

Слова про мольбы несколько раз отозвалось эхом и прерывистыми порциями стучало по ушам.

– Поэтому я и хотел, чтобы ты уехал, Данил. Я всеми усилиями пытался остеречь тебя от всей грязи, хотел спасти, но

ты упертый дурачок, – итальянец улыбнулся какой-то корявой ухмылкой и постучал по моему плечу, – если уж решился, то иди до конца. Чтобы тебя не попросили, сделай это! – тайна заговора притаилась в этих словах, и Ачиль был явно в эту тайну посвящен, – ради меня, Саманты и Карлоты. Ради всех нас.

Спасаясь бегством от новых потрясений, я ринулся к двери, мне нужно было все происходящее осмыслить. И когда я уже коснулся второй ступени подъездной лестницы в дверях появился Санторо:

– И кстати, Данил, – я остановился и приложил немало усилий, чтобы поднять тяжелую голову, – «Да» по-итальянски – это «Si». Это знает каждый коп, даже фальшивый. Даже с дерьмовым гримом.

17

Я не знал, куда податься. Словно побитая псина я скулил вдоль незнакомых улиц. Незнательность больше не пугала меня. Ужаснее было то, что мне вполне знакомо. Непонятное чувство тревоги вдруг хлынуло словно волной, окатило холодными объятиями и утащило в пучину страха неизбежности. Все дальше и дальше я отдалялся от твердой почвы. Глубина достигла опасного значения, и причем такой она стала не внезапно. В тот первый раз, когда я увидел ее темные, полные самых притягательных тайн, глаза, я сразу понял, что

обречен. Я задаюсь вопросом, как я мог раньше без нее существовать? В ней таилась какая-то неразгаданная наукой постоянная величина, без которой мой мир разрушился бы на этапе формирования. Абсолютно ничего не стоило забыть и уехать, наоборот, мне гораздо дороже выходит продление прибывания в Риме. Но разве могу я слезть с самых сильных наркотиков вот так вот разом без посторонней помощи? Любовь? О да, я наконец-то познал, что значит иметь крылья за спиной. Жизнь? Можно сказать, что только здесь я родился, когда почувствовал, что жизнь может оборваться в угоду чьих-то дурацких убеждений. Даже сейчас, когда я знаю, что совсем скоро увижу Бояну (наша разлука не может длиться вечно), по телу под какой-то ритм отплясывает дрожь. Меня ломает. А если уехать и порвать с зависимостью раз и навсегда, то до конца долгой и мучительной пародии на жизнь, я буду прокручивать в голове тот момент, когда я сел в самолет и спасовал перед самым знаковым событием за свою недолгую историю.

Разматывая 35-тимилеметровую киноленту я пытаюсь поставить видео задом наперед шагом в 4 перфорации, чтобы хоть так, нелепо и неправдоподобно, но все же вернуться к ней, но каждый раз проектор прокручивает кадры в одном направлении. Кроме прочего, все быстрее, быстрее и быстрее. Прямая энтропии неминуемо движется в одном направлении. Уже окончательно стерлись детали, а я стал забывать тот сладостно-горьковатый вкус жизни. Нет! Я точно не могу

уехать! Только не без нее!

Я как брошенный облезший котенок искал своим влажным носом доказательство, что мое одиночество – чистой воды случайность. Какая-то несуразица разом окутала мир вкруг, и от того он стал еще более мрачным. Настал первый прохладный день за время моего присутствия в вечном городе. Подул сырой ветер, а тучи загромодили небо, превратив его в свинцовое месиво, которое так и норовит свалиться на задранные вверх головы. Темнота сгущалась, как внутри, так и с наружи. Ожидание чего-то яростного как гром и столь же опасного как молния проникло в мою душу путем издевок над собой и терзаний. Я уже отрекся от счастливой надежды, так велико было влияние незримо надвигающейся беды.

Бесконтрольно я обошел несколько кварталов кругами и вышел на прямую к гостинице, не могу сказать случайно ли или по повелению судьбы. Энтузиазма для прочтения и запоминания улиц не осталось вовсе. Так мимо проходит жизнь вместе с нечитаемой табличкой на углу дома.

– И все же, вдруг она ждет меня там? – последняя капля успокоения прошла мимо губ, а ее сладостный привкус был отдан забвению.

Из гостиницы выскочил знакомый силуэт. Он оглянулся, но меня за воркующей пожилой парой, не заметил, или убедительно сделал вид. Я подумал, что этот шанс мне послан судьбой, а ее нельзя расстраивать.

Засев в моей голове, я даже не заметил, как мрак свалился

на город. Темнота была тяжелой и тягучей, каждый шаг, сделанный под ее покрывалом, требовал уйму усилий, чтобы, не застряв навсегда в этой трясине. Чем дальше я погружался в тайны некогда моего друга, тем меньше шансов оставалось на спасение. Он буквально затягивал меня в топь, а я даже не сообразил противиться этому.

Отслеживая дикого зверя, я старался держаться на расстоянии, чтобы не вызвать подозрение, но, и чтобы не потерять его из виду. Так все удачно складывалось, что любого бы натолкнуло на мысль. Любого, но не меня. Я был ослеплен.

– Что это Андрею нужно было в гостинице, в которой он больше не живет? Опять я, для очередного скандала? Какой его интерес в том, чтобы я быстрее уехал?

Вопросов было действительно очень много, и я хотел добыть ответ хотя бы на один из них. Я спрятался за угол дома и беглым взглядом огляделся, составляя схематическую карту своего местоположения. В этом городе сложно не наткнуться хотя бы на одну церковь. Верхушка этой был поистине необыкновенной. Белый ступенчатый купол с кремовой отделкой упирался в несвоевременно наступившую ночь за счет того, что все величие строения, ровно, как и скрытый замысел, были доступны внимательному осмотру изнутри. Мне же пришлось ограничиться лишь поверхностным анализом и ухмылкой. Под ней я почти выдал секрет, кому на само деле воздвигался храм. И не мудрено, что его настоящее предназначение – хранить секреты города, у которого

их больше, чем у некоторых стран вместе взятых. Захватить власть и удержать ее в будущем невозможно без контроля прошлого. И кому как не римлянам знать нерушимые истины?

Андрей шел уверенным шагом. Каблуки его туфель отстукивали даже излишнюю уверенность, но заигравшись в агента секретной службы я не заметил столь важных деталей. Даже когда он непонятно кому указал пальцем в стоящий перед ним Пантеон, мысль отступить от пагубной затеи, которая неминуемо приведет в ад, меня не посетила. Я упорно взбирался на собственную Голгофу, невзирая на попытку палача спасти меня. Андрей, тем временем, обошел «Храм всех богов» и чуть ускорил шаг в сторону самого высокого холма Рима вместе со мной на хвосте. Он как будто что-то пытался сказать. А я как будто совсем ничего не мог понять.

Сгущавшаяся темнота заполняла улицы, прогоняя жителей с каменных брусчаток по домам. Мне становилось труднее скрывать истинную цель прогулки, и от того приходилось все сильнее увеличивать дистанцию. Я бы непременно потерял объект из виду, но вдруг улица прервалась, и ему пришлось свернуть на дель Корсо, а я ринулся по дель Колледжо Романо, там я сорвался на бег. Затаившись таким образом, чтобы просматривался перекресток с улицей Спекки, я выжидал и вслушивался. Я жаждал уже знакомый мне звук каблуков.

Как только Андрей прошел перекресток, я тут же кинулся

к следующему, повторить трюк. Я бежал так, словно убегал от кого-то или от чего-то, и как только остановился отдышаться, то сразу это что-то меня догнало. Испуг. Я заглянул за угол дома, а мой некогда единственный друг, обогнав меня, удалялся все дальше и дальше. Я рывком с нижнего старта попытался сократить неумолимо растущее расстояние и на ходу сочинял причины происходящего. Странное дело, но его неторопливый шаг был недостижим даже моим нелепым галопом. То и дело, я терял из виду нырнувшей за крышу дома фигуры, и вот вновь она всплывает на поверхность поглотить свежий воздух и снова на глубину. И вот почти я ступил на улицу дель Корсо, как из-за угла почти перед носом выплыл знакомый мне человек в темных джинсах, легкой рубашке поверх футболки и с короткой стрижкой. Моя ошибка чуть не спровоцировала оглушительный провал, время для которого еще не настало. Сначала я опознал, а теперь чуть не вцепился в затылок преследуемого. Два нуля мне точно никогда не видать. Плакали горькими слезами моя лицензия на убийство и возможность сесть за руль Aston Martin с новейшими разработками MI-6 на борту.

Чтобы спасти свое положение я с упертой в пол головой кинулся в ближайшие дворы. Там я затаился на минуту, мне даже почудилось, что этого достаточно, чтобы забыть про свой позор. Забвение свалилось на меня комом, а я уже рыскал по улицам Рима. Андрей не мог далеко уйти, ведь в таком случае я бы потерял его, а никому из нас этого не хоте-

лось...

Без толку я долго бродил по улицам города, на который были возложены надежды по обретению счастья. Но у надежд есть такая нехорошая способность, как рассеивание в воздухе при легком дуновении ветра в момент, когда, казалось бы, кроме них больше не на что положиться. И вот через накотившие слезы ты смотришь как мельчайшие частички, едва уловимые чужому глазу, некогда сложенные в одну четкую красивую картину, рассыпаются по воздуху, не оставляя ничего кроме пустоты.

К этому месту скорее всего меня привел шальной случай. Черный как сажа или грач, здоровенный случай, за которым я плелся, погруженный в призрачные мысли. Облюбованное подобными мохнатыми жителями Рима «Area Sacra» вдруг вывело меня из состояния транса и заставило улыбнуться моему четырехлапому пушистому гиду, который уже разложился на кирпичном парапете. Как здорово, что даже в бесконтрольном состоянии меня тянет к величайшим памятникам истории. Площадь Торре-Ардентина имеет одну из наибольших плотностей исторической значимости на квадратный метр. В рядах этих облюбованных котами руин все еще напоминали о себе древнейшие храмы и место смерти «первого среди равных». С каким-то особенным трепетом верится, что здесь некогда самый могущественный человек Римской империи вблизи театра Помпея, его противника в борьбе за власть после распада триумvirата, встретился ли-

цом к лицу с заговорщиками, которые посмели поднять руку на равного Богам. С тех времен, когда сенат боролся за республику против тиранов, а коррупция только набирала масштабы, много чего поменялось. Теперь имущие власть и деньги за редким исключением теряют неприкосновенность. Даже закон больше склонен к сохранности подобного рода порядков.

Надо мной возвышались три высоченные пинии, с ветвей которых срывался ветер и обдувал направленное ему навстречу лицо. Сзади меня припарковался очередной таксист, а левая рука повязла в ласках животного с местной пропиской. Уличный кот тщательно следил за своей внешностью раз был таким опрятным, чистым и шелковистым. Он пару раз мяукнул, поднялся и соскочил вниз, поближе к своим сородичам.

Оставшись один мне жутко захотелось пробраться через узкие улочки к более чему-то вечному, чем даже память в Италии. Я ринулся в сторону воды.

На пересечении улиц ди Торре Арджентина и Флорида меня обогнал трамвай с белой крышей и рогаткой, упертой в черную паутину из толстых жгутов. Мне определенно был по вкусу буквально каждый закоулок, каждый облупленный уголок, каждый маленький сад, где любой фонтан принадлежит коллекции знаменитого мастера прошлых эпох.

Я чеканил по брусчатке ровно до моста, названного в честь национального героя. Там я уже почувствовал влагу,

исходившую от Тибра, и направил свой путь вдоль тихой и едва ли приметной, насколько это возможно в Риме, набережной. Спустившись в мир грез, я вновь перешел на режим автопилота, тупо разгружая себя затянувшейся прогулкой. Признаться, в подобные часы я неистово рад, что так сблизился с одиночеством. Оно позволяет найти интересные детали в собственной личности. Если позволишь ему тихой поступью пройти хоть раз с тобой по вечерним улочкам, то с каждым разом оно все шире и шире открывает дверь возможностей, которая навсегда закрыта зависимым от общества. Так и вправду когда-то было со мной.

Встретив Бояну, я потерял свою независимость, свою суперспособность, оберегаемую и столь любимую, что она была для меня предметом гордости. Любовь капризная, иногда даже стервозная дама, и с ней приходится танцевать. Правда, порой это танцы на углях, на разбитом стекле, но даже эти невзгоды служат украшением жизни. Я измеряю вечный город шагами в поисках своего счастья. Счастье с темными и печальными как сама жизнь глазами. С глазами, ставшими для меня добровольной темницей. Я повяз в космосе, который излучают ее глазницы, и в мечтах еще раз ощутить прикосновения ее спелых губ. Никогда на свете я еще так четко не осознавал цену, за которую готов умереть. Никогда я к этому и не был так близок...

В таком непонятном для себя состоянии я вдруг увидел перед собой огромную голову змея, созерцавшего мое жал-

кое присутствие перед его могуществом. Меня поразило, что никого из прохожих не удивляло подобие виновника первого греха в близости с местом его искупления. Наиболее противоречивого символа, нежели змей, вряд ли можно себе представить, и все же среди почитателей католической церкви, ему не найдется места.

По какой-то нелепой причине, мне пришло в голову, что стоит попробовать поставить точку именно там, где все началось. словно тот самый змей, что притаился среди сердец христиан, изогнулся и проглотил свой хвост. словно я что-то упустил и гонялся за собственной тенью.

И вдруг, когда это решение, показалось мне вполне обоснованным, когда я уже приступил к его реализации, меня тормознул жаркий приток закипающей крови. Пульс зашкаливал, а ноги вросли в землю. Я не мог двигаться, так сильно меня окатило шоком. Будто сам черт вылез из разлома земли и престал предо мной.

Когда я вновь увидел бывшего друга, его палец опять указывал что-то и кому-то. Я его не понимал. Я вообще ничего больше не понимал. Кто-то из 12-ти первоапостолов явно был наделен особым вниманием, или куда важнее количество статуй на входе в базилику? Эта глупая игра мне порядком надоела, и я намерен добиться правды! Даже ценой жизни?

Насупившись, я направился напрямик за всеми интересующими меня ответами. Но когда я пересек определенный

рубеж, Андрей об этом узнал, резко обернулся, покачал головой и убежал. Я почти проводил его взглядом до ресторана, основанного еще в далеком прошлом веке. И если бы он не обернулся, выискивая меня глазами среди возникших из ниоткуда туристов, я бы вряд ли сообразил, что нужно кинуться в погоню.

Своей глупостью я дал фору, которая в нашей гонке стала решающим фактором. Андрей уже завернул за угол дома, а я только проделал пол пути. Когда же я все-таки достиг длинной узкой улицы, он скрылся за следующим поворотом. Еще с детства он превосходил меня по спортивным показателям. За период взросления не поменялось ровным счетом ничего, кроме величины его превосходства. Я уже дышал прерывисто и захлеб, а он, уверен, даже еще не размялся. И вот, если это можно назвать вторым дыханием, меня постигла волна уверенности близости финишной черты. Андрей был еще далеко, а я уже был близок к цели. Правда, глупая мысль бросалась под ноги: «А вдруг, это не я догоняю, а совсем наоборот?»

Я нырнул под арку крайний раз по своей воле, так как следующую арку, пролетевшую над моей головой, я уже помню размыто. Кто-то от всей души приложился мне по голове, и в полубредовом состоянии меня закинули на заднее сиденье черного джипа. Я боролся с обмороком, пытаюсь всеми силами ухватиться за ускользающий трясущийся мир, но он был слишком зыбким, что, теряя границы расплывался на

моих глазах. Это бесформенное сочетание силуэтов и образов можно слепить по своему извращённому желанию, но у меня на это не было сил.

Помню лишь, как Андрей посмотрел сверху вниз на меня через открытую дверь:

– Я ведь тебя предупреждал! Теперь пришло время платить за свою упертость, Данил, за свою глупость и бредовые идеи, как будто что-то можно изменить. Вот только цена слишком большая, – возможно, он и вовсе ничего не говорил, возможно, вообще ничего не было, да и меня в принципе никогда не было – все это игра пораженного мозга.

18

На фоне плавно играющей со временем музыки меня пронзили знакомые голоса. Это было самое больное, что мне пришлось вытерпеть. Я знал, что те, кому я жал руки и смотрел в глаза, они разлучили меня с Бояной. Навсегда. Лучше бы с меня снимали кожу живьем, чем мучиться от глупой обиды на самого себя. Я лично виновен в своем положении. Я доверился скользкой змее и повернулся к ней спиной, совершенно забыв о ее смертоносном яде.

– Сын ты должен это сделать.

Змея и ее гадкий змееныш.

– Эх, Данил, Данил, – рука Леонида Павловича Абрамова впилась в мои волосы, – как мышь ты рылся в грязном белье

и наткнулся на мышеловку. И самое интересное, что ты хотел доказать? Кому? – голос исходил из всех щелей. Говорящий вдруг потерял свою форму, но все еще пытался за нее ухватиться.

– Ты подумал, тупой мальчишка, что сможешь что-то изменить? – в этом подземном склепе не было ни одной живой души. Отовсюду веяло тленом и смертью, – посмотри! Посмотри на нас! – знакомый мне с детства дядя Леня жесткой хваткой сжал мою челюсть и провел ею вокруг зала.

– Нас уже не победить. Мы есть везде! В правительстве, в ваших храмах, в ваших семьях!

– В моей голове, – я прохрипел слова, но на фоне 9-й сонаты Скрябина и гула голосов усилия не были замечены.

– Сын! Подойди, поздоровайся!

Среди всех плавающих фигур одна по-особенному выделялась. Знакомые черты лица то расплывались по дальним уголкам зала, то вновь собирались воедино. Как мозаика на витражных окнах в домах божьих. И каждый раз это было новое для меня лицо. Лишь какие-то незначительные черты оставались неизменными, те самые, на которые я столько лет смотрел в упор.

– Честно сказать, я бы хотел этого избежать, Данил, но ты сам сделал выбор.

Гул в ушах затмил каждую букву пустой болтовни. В груди раздалась боль от колотящего сердца. Это была отнюдь не физическая боль. Наоборот, в этом плане я чувствовал себя

замечательно, как будто подхваченным под руки воздушными существами, но вот духовная опора не на шутку пошатнулась.

– Знаешь, ты ведь будешь моим первым агнцем. Я думаю, что для тебя это тоже очень волнительный момент, – у мелкого гавнюка по сравнению с его отцом голос дребезжал от волнения как у первоклассника возле школьной доски, – я считаю, что ты должен знать правду. Отец говорит, что это не к чему, но я хочу проявить благодать по отношению к тебе. Не подумай неправильно, мы не фанатики, готовые проливать кровь во имя Богов. Это удел общей массы, способной за чужие мифы уничтожать целые народности, беспощадно ведя священную войну. Боги нас давно покинули, мы это знаем точно, а твоя жалкая жертва им безразлична. Но, мой дорогой друг, она важна мне лично. Никто из семьи не будет делиться властью с кем-нибудь, пойми. Нужны люди надежные, связанные неразрывной нитью. А вот когда ваша вера в высшие цели нашего братства скреплена вашей же кровью, тогда доверие на высоте. Ведь уже никто из этого зала не выйдет чистым! Это как некий ритуал на доверие. Дать нашим предкам, которые за жертву покупали знания Богов. Да, Данил, это все ради знаний. Тайные, сакральные знания доступны далеко не всем. Ты даже представить себе не можешь, глупая твоя башка, какие возможности открывают эти знания.

Голова отдельно от тела бегала по всему залу по кругу.

Меня сотрясало то от жары приближающегося пекла, то от пронзительного холода мраморной кожи. Тяжелая отдышка от захватившей меня в плен эйфории раздувала легкие как воздушный шар, готовый вот-вот лопнуть. Был ли хоть какой-то смысл пытаться ухватиться за разум?

– Ах да, тебе уже поручили важное дело твои новые дружки? – кровь ударила по ушам и полилась на пол жгучим ручьем, – они хотели, чтобы ты убил Папу Римского, – тут в комнате раздался смех, и он меня окружил со всех сторон. Мне было страшно, а их это забавляло. Они чувствовали мой страх. Они его разгоняли. Они будто бы нуждались в нем, – или они сказали правду, что ты идешь в уплату долга?

– Мы даже эту шайку недоумков держим под контролем. Ты только представь! Понтифик, который чуть не ушел на тот свет, но ради спасения наших душ вернулся, – фальшивая наигранность сквозь призму ненависти, – далее следует прощение стрелявших и-и... верное стадо готово хоть сейчас собраться в новый крестовый поход.

– Не трогай их! – я не слышал собственного голоса, я лишь почувствовал, как фраза выпала из моего рта этим подонкам под ноги. Вслед за ней выкатился наружу рассудок и, поскакав как баскетбольный мяч, ударился об стенку, отскочил, на пару секунд вернулся на место и вновь с него слез.

– Нам пора, время пришло. Ему уже все равно.

Редкие отрывки из материального мира касались моих закрытых век, и сквозь темноту я видел ад. Справа и слева по темному коридору на меня созерцали мертвые глаза, точнее то, что ими когда-то было, скорее это бездонные пустые глазницы. Тысячи больных, истерзанных душ пытались вырваться из той бездны, куда меня несут под руки ушибленным затылком вперед. Какой-то непонятный крик застрял в горле. Что я могу сказать? Кому? Если бы я даже мог управлять своим телом или хотя бы порядком мыслей, что было бы уместно предпринять? Самым разумным скорее всего является поскорее расстаться с мыслью о спасении. В таких местах даже надежда не решается на зов...

Холодный, мерзкий, как и его отправитель, шлепок по лицу открыл мне веки. А вот следующий чуть было не закрыл их вновь. Ожогом на щеке чувствовалась рука профессионала.

– Открой глаза! – повелительный голос дребезжал гневом, – ты нам нужен живым! – здесь он уже добавил нотки фальшивой учтивости. Цирковые артисты даже за пределами шатра продолжают свое выступление.

– Все сделали, что нужно? – говорящий урод встал и уже обращался к двум моим сопровождающим.

– Да, два, как полагается, – тот, который по правую руку, предательски сдал меня и схватившись за мою голову повернул ее резко влево, выставив следы от укола на шее. А может

это был и тот, что слева и повернул голову вправо. Может даже кто-то из них уже низринулся, расселось чрево его, и выпали все внутренности его.

– Хорошо. К алтарю! – повелительный голос заставил слушаться даже мои непослушные коленки.

Редкий удар по обоим рукам оказался захватом двух горилл по обе стороны от меня. Мы вместе вывалились через дверь боковой комнаты и опять оказались в главном коридоре, который после крайнего посещения исказился и поплыл по плавным изменчивым волнам. Темный цвет стен и красная линия в виде кровавого следа вокруг двери. Я уж точно знал, какой конец у этого путешествия.

Дверь в конце коридора распахнулась, а вялый свет от тихих свечей в золотых менорах даже не щелкнул по глазам. Двойственность этого мира в том, что вроде бы вокруг и что-то мерцает, но тут же тонет в господствующей темноте, исходившей из прокаженных душ.

Я очутился на сцене, чем и привлек всеобщее внимание:

– Все эти люди, я их видел, но не могу вспомнить, потому что мысли уже вытекли через открывшиеся чакры и парили уже далеко за рамками восприятия.

– Откуда я их всех знаю?

Меня привязали толстыми веревками к монументу, он как маяк на вытянутой сцене притягивал столько слепых глаз. Быстрым движением с меня слетел халат, оголив мое тело. И зря я отдался чувству стыда пред публичным оголением.

В этом огромном зале никто не знал, что это такое.

Черный, идеально отполированный камень отдавал могильной прохладой по всей поверхности спины. Я думал, что это быстро пройдет, так как боровшиеся с жаром тело быстро его нагреет, но в этом сотворенном человеческими руками аду законы не работали. Ни мироздания, ни международного права, ни какой-либо конфессии.

Все эти мерзкие морды у сцены скинули маски, и отвращение от увиденного сдавило грудь. Мерзкий лица, которые там на поверхности ничем особым не выделяются, здесь в подземном царстве их сущность просилась наружу, и никто не пытался ее скрыть.

– При свете Луны, сегодня, мы можем, не скрываясь, показать, кто мы есть! – жрец обошел вокруг меня. Я лишь увидел пурпурную мантию и что-то сверкающее круглое на пальце.

Я хотел кричать, но не мог. Краски вокруг меня уже закружили хоровод. Такие яркие, такие необычные, но такие приятные наощупь. Они как будто бы исходили прямоком из музыкальных инструментов, которые я не видел, но отчетливо мог слышать. Мне даже не нужно сильно стараться, просто слегка потянуться рукой и вот уже трогаю Вселенную по краю ее нагого тела. Эти изгибы сводили меня с ума.

Луч света блеснул с потолка и пробежался мимо затуманенных глаз. Я попытался проследить его путь, но мрак шел по его следам быстрее, чем я передвигал глазами. Периоди-

чески, когда раздробленный разум собирался воедино, я понимал, что это мой последний час. Но какая-то часть души еще боролась за спасение. Глупая попытка набить себе цену.

Как мне спастись? Как не допустить, чтобы эти уродские личности под менее уродскими масками не смогли меня победить? Я не отдам им душу! Единственное, что у меня есть, что я чувствовал, когда рядом была Бояна, я хотел спасти.

– Сегодня к нам присоединяется еще один верный ордену брат! Сегодня он по праву получит титул!

Через гул одобрения протиснулись детские голоса. Они не плакали, нет. Скорее они подвывали в такт угнетающей мелодии. Дети не видели всего ужаса, что твориться вокруг, и не осознавали, что этот ужас вот-вот коснётся их коротких жизней. Они просто подпевали своим последним минутам.

Мрак сгущается под дикие возгласы в недолюдской массе, но я-то знаю, что ради луча света нужно сражаться. Все тело обмякло в потной луже, вибрируя на холодном круглом утесе. Что-то мерзкое впилося куда-то под ребра, и лужа стала теплее.

– Если ты слышишь меня, спаси, спаси, спаси...

Едва ли сотрясенный воздух моим бормотанием развеял слова и вместе с ними надежду на ответ.

– Прими нашу жертву! – лишь слышал я в ответ.

Последний момент жизни растянулся на несоответствующие ему минуты. Вся жизнь – вранье, и не было за что ухватиться. И лишь воспоминания о твоих темных печаль-

ных глазах раздавались теплом где-то в груди. Возможно, это и спасло бы меня, но то нелепо малое отведенное для нас время я с чувством стыда потратил на сомнения. Стесняясь собственных порывов, я сдерживал стремление быть рядом, быть тем, с кем можно, укрывшись пледом смотреть на звезды и вероломно ждать, чтоб одна из них упала с небосклона, чтобы загадать одно единственное желание: продлить этот момент пусть еще на миг. Теперь, когда уже любой случай утерян, я бы отдал последний час жизни за теплый летний дождь, в лужах которого мы б танцевали до рассвета. Я не пытаюсь сопротивляться пленению твоих глаз, но сейчас дай мне шанс, я бы нырнул в них с головой, камнем погружаясь на заполненное потопленными кораблями дно. Даже смерть прекрасна, если посвятить ее тебе. Ведь чтобы лечь на жертвенник с золотыми кровостоками, я должен был полюбить тебя.

Я умираю и верю, что жертва не напрасна, и ты будешь жить... Я люблю тебя... И пусть мои слова услышат, если я их произношу, только те звероподобные существа, что столпились в богом забытом подземном склепе, я знаю, что они этого не забудут. Это потрясет каждого, даже кому неведома любовь. А они, эти уродские лица, разнесут мольбу о любви по улицам погибшего города, страны, всей цивилизации. И однажды... Я верю, что однажды... Ты узнаешь, как я любил тебя, и что с этим чувством я не расстанусь даже после смерти.

Ты узнаешь...

Что я был...

Спасен...